

Выпуск 4, 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2022. Вып. 4

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2022. Issue 4

Scientific journal
2000

Issued since

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be
found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Горелов О.С. Стрим как метапоэтический перформанс 5
Демьяненко Д.В., Разумахина К.Ю. Факт и вымысел в автобиографической
трилогии Джудит Керр «Из времен фашизма» 15
Коптелова Н.Г. Античный код в стихотворении В.Ф. Ходасевича «Дом» 26
Любарский Р.В. Мифологические образы в рок-поэзии Хелависы
(Натальи О'Шей) (На примере альбома «Манускрипт») 36
Тюленева Е.М. Покаянный дискурс в романе Саши Соколова «Палисандрия» 48

Языкознание

- Григорьева Е.М., Карпова О.М. Современные англоязычные словари
на мобильных телефонах 58
Панютина М.Н. Специальные энциклопедии (На материале исторического
словаря *The Wordsworth Dictionary of British History*) 67

История

- Ветров И.А. Выявление основных направлений взаимодействия Латинской
Америки и Европейского союза на межрегиональном уровне 77
Комолов Д.Е. Текстильные тресты региона Верхнего Поволжья
в 1920—1930-х гг.: историография проблемы 88
Орешкин О.Ю., Ильин Ю.А. Практические результаты деятельности
Торгсина на территории Ивановской промышленной области
в 1933—1935 гг. 99
Орлова С.А., Околотин В.С. Из истории межнациональных конфликтов
в Российской империи в начале XX века (По материалам сенаторских
ревизий) 109
Сулейменов А.Р. Проекты глобального радикального исламизма:
SWOT-анализ стратегий Аль-Каиды и «Исламского государства» 119

Философия

- Палей Е.В. Конструкт университета будущего: от неопределенности
к непостижимости 130
Брагин А.В. Университетское ноосферное образование: критерий
антропологической соразмерности и гуманистические параметры 140
Пирожкова С.В. Миссия философии в формировании человеческого капитала
молодых ученых: вызовы XXI века 148
Свобода Н.Ф., Воробьева О.Б. Философское просвещение в техническом вузе:
постановка проблем исторического сознания 160
Когаловский С.Р. «Все есть число» (Лики математики) 168
Ковель А.Н. Музыка — только внешность? К некоторым философским
вопросам искусства в творчестве Г.Г. Шпета 179

Рецензии

- Стрелец М.В. Архивы и архивные данные в творчестве Леопольда фон Ранке:
исследование ивановских ученых. *Рец. на кн.*: Черноперов В.Л., Усманов С.М.
Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие: монография.
Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021 190

- Информация для авторов журнала
«Вестник Ивановского государственного университета» 196

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Gorelov O.S.** Stream as a metapoetic performance 5
Demianenkova D.V., Razumakhina K.U. The fact and the fiction in Judith Kerr's
autobiographic trilogy "Out of the Hitler Time" 15
Koptelova N.G. Antique code in V.F. Khodasevich's poem "House" 26
Lyubarsky R.V. Mythological images in the rock poetry of Helavisa
(Natalia O'Shea) (On the example of the album "Manuscript") 36
Tyuleneva E.M. A discourse of repentance in Sasha Sokolov's novel "Palisandriia" 48

Linguistics

- Grigoryeva E.M., Karpova O.M.** Modern English dictionaries on mobile phones 58
Paniutina M.N. Special Encyclopedias (With reference to *The Wordsworth
Dictionary of British History*) 67

History

- Vetrov I.A.** Identification of main directions interactions between Latin America
and Europe Union at the interregional level 77
Komolov D.E. Textile trusts of the Upper Volga region in the 1920s—1930s:
historiography of the problem 88
Oreshkin O.Yu., Ilyin Yu.A. Practical results of Torgsin's activity on the territory
of the Ivanovo industrial region in 1933—1935 99
Orlova S.A., Okolotin V.S. From the history of interethnic conflicts in the Russian
empire at the beginning of the XX century (Based on the materials of senatorial
revisions) 109
Suleimenov A.R. Global radical Islamism projects: a SWOT analysis of Al-Qaeda
and Islamic State strategies 119

Philosophy

- Paley E.V.** The construct of the university of the future: from uncertainty
to incomprehensibility 130
Bragin A.V. University noospheric education: criterion of anthropological
proportionality and humanistic parameters 140
Pirozhkova S.V. The mission of philosophy in the formation of the human capital
of young scientists: challenges of the XXI century 148
Svoboda N.F., Vorobeva O.B. Philosophical enlightenment in a technical university:
setting the problems of historical consciousness 160
Kogalovsky S.R. "Everything is a number" (Faces of mathematics) 168
Kovel A.N. Is music just an outward form? Some philosophical issues of aesthetics
in G. Shpets's works 179

Reviews

- Strelets M.V.** Archives and archival data in the creative work of Leopold von Ranke:
research of Ivanovo scientists. *Book Review*: Chernoperov V.L., Usmanov S.M.
Leopold von Ranke — life and creative heritage: monograph. Ivanovo: Ivanovo
State University, 2021 190

- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 196

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 5—14.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 5—14.

Научная статья

УДК 821.161.1-1

DOI: 10.46726/И.2022.4.1

СТРИМ КАК МЕТАПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРФОРМАНС

Олег Сергеевич Горелов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и особенности распространения поэзии в мультимедийном пространстве. Анализ собственно поэтических каналов и онлайн-встреч на видеохостингах, видеостриминговых сервисах, а также в программах для видеосвязи и видеоконференций позволил предложить гипотезу, что партиципаторное обсуждение поэтических текстов в онлайн-формате стрима формирует вторичную интерактивность: множество реципиентов переосмысливается как множество создателей контента — возникает форма, которую в контексте истории литературы можно назвать инверсивным перформансом, где уже читатель становится перформером и делает поэта соучастником. Ввиду ограниченности современного поэтического пространства этот читатель может быть одновременно и критиком, и поэтом, и художником, и книжным блогером, что превращает перформанс в перманентное метавысказывание. Стрим как эстетический феномен может стать для целой группы реципиентов одним из основных каналов восприятия поэзии, способом узнавать о новых поэтах, книжных новинках, свежих публикациях в поэтических интернет-порталах и, наконец, непосредственно способом чтения поэзии — через онлайн-чтение и анализ стихов стримером/блогером.

Ключевые слова: мультимедийные перформативные практики, стрим, перформанс, современная инновативная поэзия, культура соучастия, партиципаторность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205-П («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

Для цитирования: Горелов О.С. Стрим как метапоэтический перформанс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 5—14.

Original article

STREAM AS A METAPOETIC PERFORMANCE

Oleg S. Gorelov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problems and features of the distribution of poetry in the multimedia space. An analysis of the poetic channels and online meetings on video hosting sites, video streaming services, as well as in video communication programs, made it possible to propose a hypothesis that the participatory discussion of poetic texts in the live streaming format forms secondary interactivity: a multitude of recipients is rethought as a multitude of content creators. There appears a form that, in the context of the history of literature, can be called an inverse performance, where the reader already becomes a performer and makes the poet a participator. Due to the paucity of contemporary reader's poetic space, this reader can be both a critic, a poet, an artist, and a book blogger, which turns the performance into a permanent meta-statement. Stream as an aesthetic phenomenon can become for a whole group of recipients one of the main channels for perceiving poetry, a way to learn about new poets, book novelties, new publications in poetry Internet portals and, finally, a direct way to read poetry — through online reading and analysis of poems by a streamer/blogger.

Keywords: multimedia performative practices, stream, performance, modern innovative poetry, participatory culture

Acknowledgments: This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 19-18-00205-П (“Poet and poetry in the post-historical era”).

For citation: Gorelov O.S. Stream as a metapoetic performance, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 5—14.

Феномен стрима является одним из проявлений культуры соучастия (participatory culture), использующим технологии с обратной связью для совместного действия в режиме прямого эфира. Неотъемлемые качества стрима — прямой доступ, интерактивность и онлайн-вещание — позволяют отнести это явление к разряду перформативных. Поисковая поэзия, со своей стороны, также активно исследует собственные перформансные возможности. Книжный блоггинг, социальные сети, порталы с возможностью самопубликации, совместные медийные практики и комьюнити-медиа усиливают горизонтальные отношения и сетевые сборки эстетического внутри поэзии, но выход в мультимедийное измерение интернет-стриминга означает возможный контакт инновативной (сложной, непрозрачной) поэзии с широким, массовым пространством визуальной рецепции. Иными словами, через стрим и другие подобные форматы более вероятно встреча поэтов и поэтических акторов с не-читающей публикой, в чем и заключается радикальная актуальность исследования подобных взаимодействий.

Несмотря на уже существующие обобщающие и обзорные научные работы об интернет-стримах [Болотнов], интегративные исследования стрима как феномена медиасреды в целом [Болычева] и специализированные исследования социокультурного, журналистского, лингвистического [Gao] аспектов феномена стрима, а также его взаимодействия с визуальным искусством [Yang], с литературоведческих позиций это явление еще не рассматривалось.

Вместе с тем заход поэзии на визуальную, стриминговую территорию может оказаться вполне органичным, по крайней мере ничто в литературной эволюции не указывает на невозможность такой медиаинтеграции. С древнейших времен существуют формы коллективного и импровизационного литературного творчества как перформанса.

Первым очевидным примером может служить вся фольклорная стадия словесного искусства. Также можно вспомнить салонные литературные игры, распространенные в среде образованных читателей и в более широких читательских сообществах с XVII по XX века, к примеру, центон и буриме, которое, кстати, уже адаптировалось к видеоформату на рубеже XX—XXI веков в виде специальных поэтико-ориентированных конкурсов и заданий в телевизионных проектах от «КВН» до «Импровизации». Особое значение в истории перформатизации поэзии имеют опыты и эксперименты авангардного искусства на границе между словом и изображением (театр, плакат, фотография, кинематограф). Возможно, не будет преувеличением мысль, что собственно литературным, текстовым прототипом стриминговой ситуации являются метаписьмо и исследования процессуальности в постмодернистской литературе с фигурой читателя-автора (произведения Андрея Синявского, Саши Соколова, а также интерактивные и интермедиальные проекты современности: от «Квеста» Бориса Акунина до романа Алексея Иванова «Тобол», по которому уже снят фильм, а также планируется создание компьютерной и настольной игр). Наконец, стрим как способ реализации и экспансии во внешний мир поэтического покажется чем-то логичным и естественным в контексте поэтического акционизма и различных его формаций: футуристические и постфутуристические (имажинистские, обэриутские) протоперформансы; проекты концептуалистской группы «Коллективные действия»; акции современной группы «Лаборатория Поэтического Акционизма», в частности развивающей формат видеопэзии.

Прообразом отношений донатор — стример со скидкой на сословное, вертикальное устройство общества можно считать традицию изображать фигуры донаторов и прихожан среди свидетелей или даже участников сакральной или придворной сцены в живописи (в том числе монументальной) позднего Средневековья и Возрождения, или традицию японской средневековой поэзии упоминать хозяина дома, в котором велась беседа, состоящая из цепочки реплик-стихов, позднее оформившихся в жанр хайку, а также соответствующие особенности торжественной оды как феномена придворной поэзии XVIII века. Яркий пример подобного рода в новейшей поэзии — это благотворительная акция «Стихи на заказ» российской поэтессы и активистки Дарьи Серенко, развитая в целый проект журналом молодой русскоязычной поэзии «Флаги». Донатор (потенциально — любой читатель или другой поэт) может выбрать постоянного или нового автора журнала, заказать ему текст, дав тематический, стилистический или прагматический ориентир.

В начале XXI века информационно-технологические средства позволили развить традицию коллективного и перформативного поэтического письма на основе принципов прямого доступа и соучастия. Однако из-за небольшого круга читателей поэзии такие проекты оказываются нацеленными сами на себя, а из-за ориентации инновативной поэзии на формы усиленной критической мысли практика коллективного онлайн-письма неизбежно становится автоматарефлексивной. Таким оказался проект поэтов Влада Гагина и Гликерия Удунова «Зона совместной поэзии», открытый в Google-документах в виде

файла, к которому у читателей есть доступ: каждый может править, дописывать текст, он находится как бы в постоянном прямом эфире. При публикации в интернет-журнале «Stenogramme» одной из версий документа Гагин и Улунов писали в предисловии, что «эгалитаристская логика проекта» была направлена на «разработку представления о литературном процессе как о коллективной исследовательской работе, а не о поле конкурирующих агентов» [Зона совместной...]. Декларируемая здесь постбурдианская концепция литературы как практики (а не поля) взаимного (само)познания и (само)развития, разрастания посредством сетевого коллективного автора-читателя отражается в поэтических стримах не книжных блогеров.

Подобные стримы — это разовые коллаборации блогеров различной специализации, которые вместе с донаторами читают любимые чужие стихи (разных эпох, разного уровня) или свои стихи, читают тексты песен или рэп-тексты как стихи, что в стримовом измерении формирует пространство постканона, где сетевой читатель-перформер сам устанавливает отношения внутри «поля», действительно отменяя логику «конкурирующих агентов». Такими являются благотворительные поэтические стримы, проводимые, в частности, на платформе Twitch. Таким оказался и поэтический стрим на YouTube-канале про компьютерные игры «Добрый Action». Ведущие канала предложили подписчикам интерактивную игру: по стихотворному тексту догадаться, какую игру или какой жанр компьютерных игр зашифровали стримеры: например, в тексте «Нивы сжаты, рощи голы...» Сергея Есенина — жанр *farming simulator* (симулятор фермерской деятельности); в тексте Зинаиды Гиппиус «К простоте возвращаться — зачем?» — игру «Death Stranding» в жанре *action-adventure* с возможностью свободного исследования «открытого мира»; в тексте Ивана Бунина «Все лес и лес. А день темнеет...» — игру «Days Gone» (мотивная близость с фразой «день темнеет»); в «Адище города» Владимира Маяковского с вздымающимися автомобилями и «сбитым старикашкой» — игру «Grand Theft Auto», более известную как GTA и т. д. [Победитель рулетки...]

Тема поэзии в этом стриме была обыграна эстетически: ведущие (он и она) сидели на своих привычных игровых креслах, но на виртуальном фоне стариной библиотеки с изысканной мебелью, он был одет в классический костюм, использовал очки для образа (без стекол), она — в старомодный свитер; во время довольно манерного декламирования стихов использовался автотюн и подкладывалась классическая или эмбиент-музыка. В таком решении видится защитная постироничная реакция. Эти стримеры не читатели поэзии, экспансия поэтического в массовое поле все еще непривычна для них, однако интенсивность и характер реакции зрителей из чата показали, что поэтическое само по себе довольно органично воспринимается даже на нелитературном по специализации канале (об умеренной успешности таких поэтических стримов свидетельствует целая серия стримов на канале *dinablin* на платформе Twitch). Перформативное осуществление поэтического оказалось более актуальным и действенным, чем постироничное решение стримеров, а обратная связь выявила необоснованность культурной инерции и достаточно высокую медиавалентность поэзии.

Анализ собственно поэтических каналов и онлайн-встреч на видеохостинге YouTube, видеостриминговом сервисе Twitch, а также в программах для видеосвязи и видеоконференций (Zoom, Skype и др.) позволяет предложить следующую гипотезу. Поэтический перформанс делает читателя

соучастником, а его действием становится сама рецепция — переживание аффекта, чтение, анализ, обсуждение. Но партиципаторное обсуждение формирует вторичную интерактивность: множество реципиентов переосмысливается как множество создателей контента — возникает форма, которую в контексте истории литературы можно назвать *инверсивным перформансом*, где уже читатель делает поэта соучастником. Ввиду ограниченности современного поэтического пространства этот читатель может быть одновременно и критиком, и поэтом, и художником, и книжным блогером, что превращает перформанс в перманентное метавысказывание.

Подобное метарефлексивное ситуирование поэтической речи выражается в разных жанрах: кроме стрима это могут быть подкасты («Между строк», «Поэмы и люди»), интервью (на YouTube-каналах «Колокол ума», «Серьёзно и всерьёз»), онлайн-семинары, мастер-классы, поэтические лаборатории и перформансы при книжных магазинах, библиотеках, культурных центрах, реже — изданиях и журналах, имеющих свои каналы с архивом видео. Если через эти форматы реализуется не только просветительская и развлекательная, но и собственно эстетическая, поэтическая функция (легко представима досуговая стратегия посещения мастер-класса как некоего представления), в таких случаях можно говорить о метаповествовательной перформатизации поэзии.

В стриминговом сегменте читатель-стример проявляет себя отчетливее поэта-стримера, что перекликается с историей книжного блогинга в контексте литературной критики и профессиональной журналистики [Власенко]. В поисковой современной поэзии есть только несколько примеров профессиональных поэтов, известных в поэтической среде, пробовавших стать видеоблогерами. Самые яркие — это активный организатор литературного процесса, культуртрегер Виталий Кальпиди и поэт, перформер, акционист Роман Осминкин. Как видим, новая медиасреда привлекает поэтов, уже настроенных на популяризацию поэзии, открытых видеоформатам, осознающих себя как перформеров; несмотря на ориентировку на сложную, интеллектуальную поэзию, имеющих осмысленное желание расширить круг читателей и зрителей. Но эти же качества, как ни парадоксально, приводят к традиционному формату видеоперформанса с опережающим спрос публики автором, умеющим поэтом шокировать ее своими действиями. Неудивительно, что ни Кальпиди, ни Осминкин как таковые стримы не задействуют.

В последние десятилетия инновативная поэзия активно осваивала и городскую среду, и природное пространство, и социальные сети, однако мультимедийный стриминг пока остается сферой просьюмера, а не автора. Так, в проекте «Поэтическая функция» (YouTube-канал «Библиотеки Востока Москвы») приглашенные поэты читают по три подборки своих текстов, а затем участвуют в их обсуждении вместе с критиками, литературоведами и преподавателями, то есть становятся частью общего действия, а внутренние перформансы со стороны поэтов моментально ассимилируются и получают первичную реакцию. Например, во втором выпуске Денис Ларионов неожиданно для участников превратил чтение одного из своих текстов в перформанс, прочитав его несколько раз подряд как зацикленный образец:

срезанный дубль на заре автаркии: по дну тёплой реки пролегал жёсткая нить, до самой закрытой (уже) больницы.
Здесь (тогда) дети своих родителей, громыхая брелоками и

резиновыми аббревиатурами на ВМК, безнадежно рычаг, надувая слюни, из которых потом выходят бронепластины и полиэтиленовые пакеты — вросшие в землю ровесники.

Выравнивая по левому краю, слезу, как подсушенный выдох перекачивается через полдень и бесшумно скользит у стены. Время отстёгнуто вспять, насквозь промерзает река. «Не введи нас... ну хотя бы меня... в этот сухой остаток». В этот (die) *Verfremdung*. Кажется, что-то способно вырваться, вспыхнуть, стать больше себя, но — темнеет и не отдышаться от глупого бега. В памяти трётся

После этого сразу последовала ироничная реплика Максима Дрёмова (одного из создателей «Поэтической функции» наряду с Алексеем Масаловым) — «Все наизусть выучили?» Критик Евгения Вежлян вынуждена была отойти от подготовленных тезисов и прокомментировать сам перформанс экспромтом, что стало своего рода критическим перформансом о тексте, репрезентирующем «машину времени», цикличного и линейного, «отстегнутого вспять», раскрывающем отношения «события как истории и истории как события» [Поэтическая функция...]. Вежлян отметила и эффект отчуждения речи, который возникает при неритуальном повторении любого текста, и мотив отчуждения, присутствующий в самом тексте (*Verfremdung*). Поэтесса и исследовательница Любовь Баркова, также участвующая в этом выпуске, проследила изменения в восприятии, происходящие от каждого повторения. Задать свои вопросы Ларионову смогли и слушатели, присутствующие при записи встречи. Поэт-перформер оказался внутри метапоэтического рамочного перформанса.

Большинство метапоэтических стримов или циклов видео (как та же «Поэтическая функция») помимо структур перформанса и стрима, произошедших из игры и игрового сегмента современных медиа соответственно, фактически реализуют академический формат семинара, переосмысляя его в качестве интерактивной «болтовни» о свойствах и контексте поэтических текстов. Подобное учебно-практическое, «филологическое» отношение к поэзии, проявляясь в настоящее время на разных медиаплатформах, может сложиться в трансмедийное повествование (*transmedia storytelling*; та самая возможность «потреблять» поэзию не-читающей публикой) со своим «коллективным интеллектом» (термин французского медиатеоретика Пьера Леви) — необходимым элементом культуры соучастия. И именно онлайн-семинар с чтением-анализом стихов, а не стриминговое авторское чтение стихов или лайв-перформанс какого-то поэтического актора, становится наиболее близким аналогом игровых стримов, с которых началась собственно история стрима: стример проходит игру (анализирует текст) — зрители наблюдают и участвуют в игре (анализе/реакции) через чат, давая советы по прохождению (прочтению), задавая личные или общие вопросы не по игре, создавая атмосферу дружеской посиделки.

Подобный феномен наблюдается в видео и стримах, в которых текст и поэтическая компонента даже не являются центральными. Таковыми можно назвать стримы и *logic*-эксперименты на YouTube-канале «Нескучный саунд» музыканта, автора песен и музыкального видеоблогера Александра Зилкова, в основном рассказывающего в доступной манере о теории музыки, об эстетических и технических нюансах конкретных музыкальных произведений. Вместе с тем метапоэтическая рефлексия Зилкова регулярно становится частью его основных высказываний и находит выражение в различных

форматах и рубриках. Например, «Музыкальное вскрытие» — в частности выпуск с разбором саундтрека из компьютерной игры «Chrono Cross» с точки зрения структуры, гармонии, композиционных решений, в рамках которого музыкальный синтаксис сравнивается с поэтическим и в целом языковым, а для пояснения развития одного из мотивов саундтрека Зилков специально сочинил поэтический пример [Музыкальное вскрытие...]. Или специальные видео на дополнительном канале, в том числе анализ текста собственной песни, довольно подробный автокомментарий «от автора» [Разбор текста...]. Наконец, собственно стримы на «Нескучном саунде» включают в себя свободный разговор и ответы на вопросы, а также сочинение песни онлайн с использованием подсказок, предложений из чата как по музыке, так и по тексту [Пишем новогоднюю...]. Некоторые из этих песен становятся частью репертуара, Зилков исполняет их на концертах, на которые приходит постоянная публика, большинство из которых были изначально только подписчиками и, получается, соавторами некоторых пусть и несерьезных песен артиста. Таким образом, слушатель оказывается естественным участником «коммуникативной цепочки», а стрим — не просто разовым перформансом, но и непосредственной частью партиципаторного создания нового произведения.

Когда семинар освобождается в контексте культуры соучастия от академической инерции, а литература — от статуса «школьного урока», рождается (мета)поэтический стрим как таковой. Эта инверсивная форма перформанса доминирует в поэтическом сегменте YouTube. Поэзия требует ответа, ответчик обнаруживает себя в роли вынужденного перформера, а стрим эту ситуацию заостряет. Специфику каждого конкретного проекта, а также способы распространения и эстетического осмысления поэтического контента создает сам стример. В этом можно увидеть элементы низовой конвергенции, как ее описывал еще Генри Дженкинс [Дженкинс: 52], объединяющей прежние институции литературной и журнальной критики и рефлексии с новейшими форматами диалога.

Стрим как эстетический феномен может стать для целой группы реципиентов одним из основных каналов восприятия поэзии, способом узнавать о новых поэтах, книжных новинках, свежих публикациях в поэтических интернет-порталах и, наконец, непосредственно способом чтения поэзии — через онлайн-чтение и анализ стихов стримером/блогером.

В заключение приведем еще один характерный в этом отношении пример — YouTube-канал о новейшей поэзии «Несвободный микрофон», на котором стрим — не просто основной, а единственный формат. Ведут его поэты и редакторы литературного портала «Полутона» Тимофей Дунченко и Антон Очиров. Своеобразие этого проекта в четком распределении ролей: Дунченко транслирует «простое», (обманчиво) наивное отношение к поэтическим текстам, он всегда прямолинеен в высказываниях и суждениях, нередко критикует сами принципы темного, инновативного письма и филологического дискурса; Очиров в противовес этому дает сочувственное, деликатное прочтение, демонстрирует системное знание новейшей поэзии и историко-культурного контекста, уважительное отношение к поэтическим заслугам коллег, однако время от времени поддается «провокации» Дунченко и устраивает импровизированные перформансы во время чтения, дает сниженные оценки конкретным текстам («поэзия для пляжного чтения» — про Наталию Азарову; «поэзия прекрасных волосатиков» — про Максима Дрёмова [Маленький шаг...] и т. д.).

В итоге возникает уникальное сочетание карнавальности, типичной для стримов развязности, легкости, глуповатости и профессиональной чуткости, понимания сложной инновативной поэтической практики. Отметим и необходимую для (чтения) поэзии как перформанса двойственность, ведь разговоры Дунченко и Очирова можно принять за театр двух актеров, буквально реализующих перформативность новейшей поэзии с ее андеграундной антиэстетикой, но можно увидеть и исключительно кулуарную, «кухонную» болтовню о стихах, тем более что нередко локацией стримов становятся частные квартиры, спальни, гостиные, кухни, каждый из стримеров подключается к эфиру прямо из дома. При этом лейтмотивом проходит мысль об узком поэтическом читательском поле, с одной стороны, и о профдеформации поэтов, мешающей им писать, с другой. Дунченко подчеркивает на каждом стриме, что им важна обратная связь, важна активность чата.

Ключевой элемент стримов — это чтение и анализ-комментирование чужих стихов (из премиального списка, из нового выпуска какого-либо журнала или интернет-портала, из конкретной тематической выборки). Дунченко копирует тексты с сайтов в блокнот, демонстрируемый на экране, все операции с текстом при чтении — выделение, стирание, копирование, скроллинг — видны зрителю. Все реакции, якобы стыдные для профессионала, или просто этически некорректные претензии озвучиваются прямо. Стримеры, как правило, делятся ощущениями от собственного прочтения вслух чужих стихов: какие тексты раскрываются при озвучивании, какие сами начинают диктовать способ чтения, а какие рассыпаются, хотя и казались интересными при чтении глазами. На одном из стримов Очиров, признавая значимость музыкальности стиха, пробует уловить интонацию текста Полины Андрукович и прочитать его, воспринимая как партитуру.

Другой формат стримов на канале — разговор с приглашенным поэтом или поэтессой. В этом случае срабатывает все та же инверсивность метапоэтического стрима: поэт — только соучастник перформанса. Например, разговор с Евгенией Суловой начинается с признания поэтессы, что настолько неформальная обстановка очень не привычна для нее, но заканчивается тем, что она свободно общается с Дунченко, подхватывает его темы, читает стихи из книги Станиславы Могилевой, когда Дунченко «отпрашивается» в соседнюю комнату в туалет, что вообще является нормальной ситуацией для многочасовых стримов, но в этом небольшом интервью такой «ход» от ведущего кажется намеренным. Дунченко обыгрывает и его: по возвращении он делится своими ощущениями: находясь в туалете, он слышал, как Сулова читает стихи, но только общий гул, который напомнил ему гул от речи в метро, который стал первым, еще детским ощущением поэзии. Дунченко доводит эту мысль до определения «поэзия — это гул из-за стенки туалета», продолжая свой метапоэтический перформанс. Более того, он признается в том, что делание стримов изменило его собственную поэтическую практику: в стримах его привлекла сама речь, после этого в поэзии появились персонажность, диалоговость, процессуальность: «Я научился п*здеть бесконечно. <...> Я мысль, которую раньше переводил на бумагу, начал переводить в речь... в принципе графомания что там, что здесь — не сильно большая разница, но иногда мне кажется, будто бы речь даже интереснее и мощнее, чем собственно тот текст, который был» [Заполнение символической...].

В «Несвободном микрофоне» все аспекты метапоэтического стрима-перформанса проявлены особенно четко: слияние форм стрима, перформанса

и семинара; попытка интерактива и выхода поэтического дискурса в широкое медиапространство; переживание недостаточности читательского поля, попытка увеличить эту своего рода цифровую диаспору [Brinkerhof] и одновременно использование ее высокой осведомленности, почти профессионального погружения в тему (Дунченко уточняет у зрителей в чате значение терминов, интересуется бэкграундом тех или иных поэтов и т. д.).

Таким образом, стрим на материале новейшей поисковой поэзии может стать решением проблемы статуса такой поэзии как маргинальной, побочной практики. В то время как культурная инерция традиционного неаналитического восприятия тормозит медиаконвергенцию поэтического (что проявляется в частых комментариях по типу «зачем вообще изучать поэзию» или «зачем копаться в стихотворении» под видео даже на просветительских платформах [Стиховедение...]), стрим благодаря разносторонней перформатизации поэтического в мультимедийном формате помогает выработать альтернативные режимы взаимодействия с поэзией.

Список источников

- Заполнение символической емкости (feat. Евгения Сулова) // Несвободный микрофон. 2021. 19 нояб. URL: https://youtu.be/THs5sCvbC_4 (дата обращения: 28.07.2022).
- Маленький шаг для поэта // Несвободный микрофон. 2022. 21 февр. URL: <https://youtu.be/EKKAFPbnZ2Q> (дата обращения: 28.07.2022).
- Музыкальное вскрытие — Chrono Cross [Scars of Time] // Нескучный саунд. 2022. 30 апр. URL: <https://youtu.be/By7SBZghVNg> (дата обращения: 28.07.2022).
- Пишем новогоднюю музыку вместе с подшипчиками онлайн // Нескучный саунд. 2021. 20 дек. URL: https://youtu.be/dr_OwviSoEQ (дата обращения: 28.07.2022).
- Победитель рулетки; Поэтический вечер (шо?); Фан-стрим // Добрый Action. 2019. 15 нояб. URL: <https://youtu.be/HiIK2UlzQd8> (дата обращения: 28.07.2022).
- Поэтическая функция. Выпуск 2: Денис Ларионов // Библиотеки Востока Москвы. 2022. 1 сент. URL: <https://youtu.be/GSAc-bUXhug> (дата обращения: 28.07.2022).
- Разбор текста «Как будто вниз» [Разоблачение] // Нескучный саунд. 2022. 30 авг. URL: <https://youtu.be/iNODxMkInDo> (дата обращения: 28.07.2022).
- Стиховедение: зачем изучать поэзию / Борис Орехов на ПостНауке // ПостНаука. 2022. 5 апр. URL: <https://youtu.be/LvS-nkOosVs> (дата обращения: 28.07.2022).

Список литературы / References

- Болотнов А.В. Стрим как новый гипермедиажанр // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2021. № 2. С. 111—119.
(Bolotnov A.V. Stream as a new hypermedia genre, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2021, no. 2, pp. 111—119. — In Russ.)
- Болычева М.Д. Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // Коммуникология. 2018. № 4. С. 159—169.
(Bolycheva M.D. Istream broadcasting as a phenomenon of modern media environment, *Communicology*, 2018, no. 4, pp. 159—169. — In Russ.)
- Власенко Е. Книжный блогер как актер: трансформация социальных ролей в литературе // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 360—376.
(Vlasenko E. The Book Blogger as an Actor: The Transformation of Social Roles in Literature, *New literary observer*, 2022, no. 176, pp. 360—376. — In Russ.)

Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: Рипол-классик, 2019. 384 с.

(Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide, Moscow, 2019, 384 p. — In Russ.)

Зона совместной поэзии // Stenograme. 2021. URL: <https://stenograme.ru/b/around-the-fire/zona-sovmestnoj-poezii.html> (дата обращения: 28.10.2022).

(Joint Poetry Zone, *Stenograme*, 2021. — In Russ.)

Brinkerhof J.M. Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 288 p.

Gao Z. et al. Offensive Language Detection on Video Live Streaming Chat, *In Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics*, Barcelona, 2020, pp. 1936—1940.

Yang S. et al. Snapstream: Snapshot-based interaction in live streaming for visual art, *Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2020, pp. 1—12.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 14.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 14.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Горелов Олег Сергеевич — доктор филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, og-rus@inbox.ru

Gorelov Oleg Sergeevich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, og-rus@inbox.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 15—25.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 15—25.

Научная статья

УДК 821.111"19"

DOI: 10.46726/И.2022.4.2

ФАКТ И ВЫМЫСЕЛ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ ДЖУДИТ КЕРР «ИЗ ВРЕМЕН ФАШИЗМА»

Дарья Викторовна Демьяненко, Ксения Юрьевна Разумахина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, ddemyanenkova@bk.ru, razumakhina.kseniya@inbox.ru

Аннотация. Трилогия Джудит Керр «Из времен фашизма», написанная в 1971—1978 годах и выпущенная на русском языке издательством «Белая ворона» в 2019—2021 годах, представляет перспективный объект для исследования по ряду причин. Во-первых, из-за темы: в романах, входящих в трилогию, описывается миграция немецкой семьи с еврейскими корнями в годы, предвещающие Вторую мировую войну, и во время нее. Во-вторых, писательница в различных интервью обращала внимание на соотношение своей жизни с событиями трилогии. Поднимается вопрос об автобиографичности рассматриваемых текстов, взаимодействии в тексте факта и вымысла. Присутствие автобиографических черт в художественной литературе активно изучается в литературоведческих исследованиях начала XXI века, в основном в контексте соотношения жизни писателя с его текстами. В художественной прозе автобиографичность может являться и художественным приемом, содержащим в себе как факт, так и вымысел. Для выявления специфики автобиографических черт в выбранных текстах, с одной стороны, рассматривается ряд особенностей, свойственных автобиографиям: использование единого эгоцентричного сознания, объединение объекта и субъекта повествования, композиционно-сюжетная гетерогенность повествования, а также прием ретроспекции. С другой стороны, приводятся биографические предпосылки создания текста, рассматривается их трансформация в связи с художественными задачами автора. Синтез факта и вымысла создает единый художественный мир произведений, с одной стороны, имеющий историческую основу, с другой же, дополненный автором, отделенным от героини трилогии и переживаемых ею событий, временной и возрастной дистанцией. Граница между фактом и вымыслом подчас трудно различима, так как вымысел произрастает из реальных событий, создается на их основе, обрывает правдоподобно выглядящими деталями.

Ключевые слова: автобиография, Керр, сознание, нарратор, детская литература, Вторая мировая война

Для цитирования: Демьяненко Д.В., Разумахина К.Ю. Факт и вымысел в автобиографической трилогии Джудит Керр «Из времен фашизма» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 15—25.

© Демьяненко Д.В., Разумахина К.Ю., 2022

Original Article

THE FACT AND THE FICTION IN JUDITH KERR'S AUTOBIOGRAPHIC TRILOGY "OUT OF THE HITLER TIME"

Daria V. Demianenkova, Kseniya Yu. Razumakhina

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation,
 ddemyanenkova@bk.ru, razumakhina.kseniya@inbox.ru

Abstract. Judith Kerr's trilogy "Out of the Hitler Time" was published in 1971—1978. However, its Russian translation was released by "Albus Corvus" Publishing House only in 2019—2021. The trilogy is the perspective object for research because of several reasons. Firstly, because of the theme. The novels, of which the trilogy consists, tell about the Jewish German family's years of migration in the period before The Second World War and during it. Secondly, the author drew attention to the connection between her life and the trilogy in different interviews. Autobiographical features in fiction are actively researched in literary studies at the beginning of the 21st century. They are considered mainly in the context of the relationship between the writer's life and his texts. It could also be interpreted as a special artistic device used by the author combining both fact and fiction. On the one hand, to reach the goal of defining the specification of autobiographic features in Kerr's trilogy, it's necessary to determine the autobiographical features in researched texts. There are such features as the use of a single egocentric consciousness, the merger of a narration object and a narration subject, the compositional and plot heterogeneity, and the retrospection technique. On the other hand, the biographical background for creating the text is given in the article. Their transformation corresponds with the author's literary goals. The synthesis of fact and fiction creates a single fictional world of literary works, on the one hand having a historical basis, on the other hand, created by the author, separated from the heroine of the trilogy and separated from the events she experiences by time and age distance. The boundary between fact and fiction is sometimes difficult to distinguish, because fiction grows out of real events, on the basis of which it is created, and consists of believable details.

Keywords: autobiography, Kerr, consciousness, narrator, children literature, Second World War

For citation: Demianenkova D.V., Razumakhina K.U. The fact and the fiction in Judith Kerr's autobiographic trilogy "Out of the Hitler Time", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 15—25.

Личность автора издавна привлекает читателя, а тексты часто соотносятся с жизнью их создателя. Самую правдивую историю надеются услышать от того, кто ее прожил. Однако, рассказывая о своей жизни или вплетая ее события в ткань повествования, каждый волен вносить изменения, добавлять в фактологический материал вымысел. Факт и вымысел и их соотношение становится объектом интереса исследователей такого жанра, как автобиография.

К известным отечественным исследователям жанра автобиографии можно отнести М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург, Н.А. Николину. В современном литературоведении существует широкий круг понятий, которые используются для общего обозначения биографий, дневников и автобиографий, мемуаров и других родственных жанров. Их общее название варьируется от «документальной литературы» (Местергази, Гаранин) до «литературы воспоминаний» и «мемуаристики» (Нюбина, Тартаковский, Петрышева). Несмотря на различия в терминологии, все вышеупомянутые

исследователи сходятся в выделении основных характеристик произведений, относящихся к литературе воспоминаний:

1. Использование одного эгоцентрического сознания, составляющего ментально-психологический и эмоциональный центр текста;
2. Объединение в единое целое автора, рассказчика и протагониста;
3. Композиционно-сюжетная гетерогенность повествования, обусловленная прагматическими особенностями процессов человеческого разума (таких, как запоминания и воспоминания);
4. Ретроспекция как принцип движения временного повествования от начала к концу, в основе которой находится процесс воспоминания субъекта речи [Сапожникова: 54].

Автобиографические черты часто фигурируют в художественной литературе не только «взрослой», но и детской. Одним из подтверждений тому является автобиографическая трилогия Джудит Керр «Во времена фашизма» (“*Out of the Hitler Time*”), состоящая из романов «Как Гитлер украл розового кролика» (“*When Hitler Stole Pink Rabbit*”, 1971), «Как Бог съел что-то не то» (“*The Other Way Round*”, 1975), «А мама дома?» (“*A Small Person Far Away*”, 1978)¹.

Джудит Керр родилась в 1923 году в Германии в семье композитора Джулии Керр и Альфреда Керра (1867—1948), впоследствии одного из самых разыскиваемых нацистами писателей. Супружеская чета Керров со своими детьми, сыном Майклом и дочерью Джудит, вынуждена была покинуть Берлин в 1933 г. Для Керров нацизм был реальной угрозой как из-за активной антифашистской писательской деятельности Альфреда Керра, так и из-за их еврейского происхождения. Семье пришлось эмигрировать в Швейцарию, Францию, а затем в Англию, где дети наконец смогли устроить свою жизнь.

Историю своей жизни Джудит Керр поведала миру в трилогии «Во времена фашизма». Вот только в центре разыгравшейся трагедии оказалась не маленькая и постепенно взрослеющая Джудит, а героиня Анна. Первая часть трилогии ориентирована на читателя-ребенка (6—9 лет), вторая и третья части адресованы уже читателю-подростку и читателю-взрослому, ведь сама Анна растет и меняется вместе с читателем.

Сопоставление биографий Керр и ее героини Анны возможно как благодаря письмам писательницы и ее брата Майкла к их отцу, так и работам Альфреда Керра, и в последствии исследованиям, посвященным его жизни и творчеству. Керр провел пятнадцать лет в качестве беженца в странах Европы, и в своих наблюдениях, которые он облакал в различные литературные формы, он по-своему остроумно схватывал события, которые и сегодня захватывают читателя и рассказывают ему о временах изгнания. Из этого периода сохранились рукописи романов и сценариев, радиолекции для Би-би-си, речи для немецкого ПЕН-клуба в Лондоне, стихи, листовки, статьи для различных эмиграционных журналов, биографические и репарационные документы и письма. Переписка не только с его детьми, когда те были оставлены одни в Швейцарии, пока Керр с супругой искали средства к существованию в Париже, но и отчаянные письма Джулии Керр мужу, когда она видит самоубийство единственным возможным выходом, а также переписка семьи во время интернирования Майкла Керра в Англии и встревоженные строки Керр своей матери, которая после 1945 года возвращается в Германию.

¹ Здесь и далее названия даны в переводе издательства «Белая ворона».

В трилогии Керр описала период с февраля 1933 года до осени 1956 года. Эта трилогия одна из первых посвящена миру, изменяющемуся под воздействием событий Второй мировой войны, рассказывающая о немецких изгнанниках, и в то же время обращена к детям и молодежи. С одной стороны, как многие тексты детской литературы (А.А. Милн «Винни-Пух», Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес»), произведения Керр ориентированы на конкретных детей, ее собственных. С другой стороны, этот жанр должен помочь сохранить перспективу вспоминаемого себя. Повествование ведется не от первого лица, а от третьего. Несмотря на дистанцированность автора и героя, образ мышления ребенка сохраняется в передаче слов и мыслей героини. Фокусировка носит образный и внутренний характер, поэтому знание ограничено на когнитивном уровне и окрашено точкой зрения ребенка, вовлеченного в происходящее. Поскольку Керр особенно освещает повседневную жизнь во всех ее аспектах, трилогия также приобретает значение в отношении изучения жизни «маленьких людей» в изгнании, поскольку семейные, финансовые и социальные трудности Керров почти не отличаются от тех, что были у других эмигрантов. Так, во второй книге трилогии представлена сцена, в которой Анна с мамой сидят в комнате ожидания в Организации помощи еврейским беженцам в Германии. Во время диалога с четой, сидящей напротив, Анна узнает, что те стали свидетелями ужасной картины, которая, однако, не кажется никому из присутствующих удивительной: «Там был один несчастный старик... Он думал, его документы в порядке. А его стали бить — кулаками, ногами. И потом закричали: а вы проваливайте. Но мы до вас доберемся! Мы вас всех позже прикончим!» [Керр 2019: 32].

Выбор представления событий с точки зрения вспоминаемого ребенком, а также обращение к собственным детям означает, что автор подчеркивает одни события, ослабляя или опуская другие. Эти сознательные пробелы не должны рассматриваться ни как фальсификации, ни как свидетельство неправды, но они обладают такой же выразительностью, как и эпизоды, литературно оформленные в произведении памяти.

Невозможно полностью определить текст как автобиографический на основе языково-структурных критериев. Филипп Лежен пытался разрешить данную проблему своей теорией «автобиографического пакта» не на производственно-эстетическом, а на рецепционно-эстетическом уровне, чтобы пролить свет на родовую проблему автобиографии. Лежен отличает грамматическое лицо от личности референтного субъекта, поскольку Я текста не всегда относится к автору и использование личных имен необходимо. Отсюда он заключает, что автобиографию можно анализировать только по имени собственному, и предполагает, что автор, рассказчик и главный герой имеют в автобиографии одно и то же имя [Lejeune: 384]. Таким образом, автобиографический пакт следует понимать как функцию в тексте, соглашение.

Трилогия, написанная от третьего лица, представляет собой пограничный случай. Однако неспособность Керр выполнить пакт посредством грамматической транспозиции не означает, что произведения следует читать как чистый вымысел. Функция изменения имени и использование третьего лица являются преднамеренными стилистическими приемами, которые служат для дистанцирования и стилизации прошлого.

Трилогия структурно характеризуется напряжением между беллетризацией и обещанием подлинности, то есть двумя противоречивыми текстовыми стратегиями: «вымышленным контрактом» в понимании Изера [Изер: 23—40]

и «автобиографическим пактом» по Лежену. С одной стороны, беллетризация есть результат работы памяти, происходящей в эстетизирующем процессе. Кроме того, Керр использует возможности, предлагаемые романом, и перенимает структурные элементы романа-воспитания и романа для девочек. Тексты Керр имеет смысл рассматривать не как чистый вымысел, а как автобиографический вымысел, в котором беллетризация и аутентичность не компенсируют друг друга, а образуют особую структуру рецепции. В трилогии Керр опыт и последствия изгнания закодированы во внешне простой структуре, в которой внешний и внутренний миры опыта соотносятся друг с другом. За тонко разработанной структурой скрывается достоверная картина жизни в изгнании, романы уделяют особое внимание проблемам, возникающим в бытовой и семейной жизни.

В тексте романов в завуалированной форме присутствует намек на тождество главной героини и автора. Это позволяет поставить вопрос о разграничении факта и вымысла. Керр рассказывает историю своей жизни через призму восприятия другого человека, что приводит к проблеме идентичности: насколько «я» Керр в момент написания романов и «я», описываемое в текстах, действительно одно лицо. Процесс поиска идентичности есть процесс поиска своего «я».

В трилогии Керр оперирует фактами своей биографии, однако ни разу напрямую не указывает на тождество между собой и главной героиней. Автор пытается представить свое детское восприятие событий, не выходя за рамки детского взгляда, однако голос взрослой Керр, смотрящей как бы со стороны на саму себя, периодически прорывает текст романа. Так, например, в самом начале романа «Как Гитлер украл розового кролика» автор, описывая одежду Анны, отмечает, что «для своих девяти лет Анна была маловата ростом, и концы ее шарфа свисали почти до самых колен» [Керр 2017: 9]. Подобная фраза принадлежит, скорее, взрослому человеку, смотрящему на ребенка, чем самому ребенку. Внутренний и внешний миры главной героини передаются с помощью речи Анны: ее мыслей, диалогов с другими персонажами. Подробность их воспроизведения указывает на присутствие в тексте элемента реконструкции, невозможной без вымысла, в том числе и по причине временной дистанции между реальным опытом автора и их записью.

В работе «Вопросы литературной эстетики» М.М. Бахтин отмечал, что в хронотопе «имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин: 244]. Как позже отмечал Н.Д. Тамарченко в книге «Теория литературы», «семиотическую природу знаков художественного языка обретают фундаментальные соотношенности <...> линейного — циклического <...>» [Теория литературы: 30—32]. А «крайними пределами подсистемы художественных значимостей являются наиболее генерализованные кругозоры: героя (внутренний хронотоп личности) и автора (внешний хронотоп мира, облегающего героя)» [Теория литературы: 30—32]. Тамарченко отмечает, что линейное разворачивание не обязательно противостоит циклическому, поскольку простая линейная последовательность событий не всегда может являться сюжетом, потому реально существующие антиподы — циклическая схема и кумулятивная, представляющая собой «нанизывание» однородных событий / персонажей вплоть до катастрофы. Как правило, циклическое «обрамление» сочетается с «нанизыванием» событий внутри рамки. При этом, как показал Ю.М. Лотман, взаимодействие этих двух принципов сюжетостроения непосредственно связано с соотношением случая и необходимости [Теория литературы: 30—32].

Действие трилогии Керр «Во времена фашизма» начинается за несколько дней до бегства семьи из Германии в феврале 1933 г. Поскольку впоследствии семье приходится несколько раз переезжать, мотив путешествия повторяется в течение трилогии: в частности, в тексте регулярно возникают поездки героев на поезде. Мотив путешествия смешан с элементами автобиографии.

В трилогии Керр жизнь главной героини прослеживается линейно. Но повторение некоторых сюжетных линий в текстах, например, поездка на поезде, путешествие в неизвестность, показывает, что формула, известная как изгнание — «однажды изгнанник — всегда изгнанник» — прослеживается во всех трех романах. Определенные переживания и эмоции, вызванные побегом, повторяются в произведениях. Джозеф Кэмпбелл объясняет это в своем исследовании структуры путешествия в работе «Тысячеликий герой»: «Мифы, фантазии и истории этого мира состоят из архетипических символов и структур. Они возвращаются с такой регулярностью и единообразием, что кажутся представляющими коллективную природу и действительными для всего человечества. Из этого следует, что они могут быть интегрированы в всеобъемлющий мономиф с определенными компонентами. Одна из составляющих приключения как целого — сам путь. Архетипическая структура путешествия делится на отъезд, посвящение и возвращение домой. Физическое путешествие — это движение от известного к неизвестному. Однако физическое движение само по себе не так важно, за исключением перехода из одной среды в другую. Что еще более важно, это также путешествие открытий, которое, в конце концов, является метафорой путешествия, которое можно понять психологически. Самым важным аспектом путешествия является инициация: в этот момент путешественник испытывает повышенное восприятие и понимание самого себя» [Кэмпбелл: 352].

Написание истории жизни должно противодействовать забвению истории. Керр разрабатывала ее в трех томах: первый охватывает последние дни девятилетней главной героини Анны в Германии, бегство и первые два года изгнания в Швейцарии и Франции перед отъездом в Англию. Рассказ разделен на 24 короткие главы с номерами в качестве заголовков. Такое структурирование, вероятно, было выбрано с учетом интересов ребенка-читателя. Центральными проблемами здесь являются язык, стигматизация и понижение статуса.

Второй том состоит из двух частей, которые также разделены на двенадцать последовательно пронумерованных глав, хотя разделение на два больших раздела непонятно, так как переход не является поворотным моментом. В этом томе описываются годы, проведенные главной героиней в Англии с 1940 по 1945 гг. Здесь насыщенная событиями структура первого тома преобразовывается в пользу рефлексивной связи между субъективным опытом и историческими событиями. В качестве основных тем автор выбирает воздушную бомбардировку Лондона, интернирование брата и взросление главной героини.

Последняя часть трилогии приобретает другую форму и показывает иное отношение, поскольку на внутридиегетическом уровне разработаны только шесть дней из жизни главной героини, которые описывают обстоятельства жизни после изгнания. Роман разделен на главы, которые обозначены названиями дней недели — период интрадиегетического повествования длится с субботы до следующего четверга, но линейное повествование постоянно прерывается вторжением желаемых и нежелательных воспоминаний, экстрадиегетических аналепсисов. Эти воспоминания одновременно выполняют

функции и ретардации, и ретроспекции. С одной стороны, прерывая основное повествование, с другой же, обращаясь к событиям более ранним. Основное повествование относится к 1956 году, времени народного восстания в Венгрии, которое совпало с Суэцким кризисом, когда Израиль, Франция и Великобритания напали на Египет с целью захвата Суэцкого канала. Личный кризис совпадает с международным: главная героиня покидает Англию, чтобы отправиться к своей матери в Берлин, потому что та находится в коме после попытки самоубийства. Беседы, попытка понять поступок матери и столкновение с воспоминаниями о детстве еще раз напоминают переживания побега и жизни в изгнании, психологический ущерб становится видимым.

Хотя фамилия семьи никогда не упоминается в романах, соотношение с биографией автора очевидно: отец — известный театральный критик из Берлина. И выбор имен главных героев также можно почерпнуть из биографии Джудит Керр: ее имя при рождении — Анна Джудит Гертруда Хелен Керр. В Англии ее имя англицизируется, что сначала приводит к обращению Энн Джудит Керр, а затем сокращается до Джудит Керр. Майкл Керр убеждал сестру не использовать его реальное имя в романе — пока трилогия не была опубликована, он не признавался в своем происхождении. Это его имя в трилогии — «Макс». Автор избегает выбора новых имен для родителей, называя их обоих исключительно «папа» и «мама».

Анализ произведений действительно показывает различные формы отклонений от исторической фактичности, которые оправдываются разными причинами: практически весь текст строится по принципу стилизации, при этом необходимо выделить два расходящихся типа стилизации: то, что можно назвать «желаемой автобиографией», а также преднамеренное стилистическое оформление произведения. Анализ отклонений должен дать понять, что сдвиги в значительной степени характеризуют текст. Сама Керр объясняла, что ее жизненная история основана не только на фактах, но и на стремлении к правде. Керр утверждала, что все это — история, но она представлена в форме романа, а не мемуара. Поскольку дневников у Керр не было, она полагалась исключительно на свою память: «В конечном итоге детали не важны, важно, чтобы чувства были правдой» [Interview...].

Основа оценки воспоминаний не историческая, объективно проверяемая истина, а правдивость индивидуума, вспоминающего себя. Претензия на истину трансформируется и заменяется требованием подлинности, которое Керр стремится выполнить.

Из-за постоянных новых переживаний истины прошлого меняются: то, что хранится в памяти, претерпевает постоянные изменения, что особенно ясно в третьей части трилогии. Таким образом, автобиографический текст следует читать в большой зависимости от вспоминающего Я, а не от реальных переживаний. Переосмысление своего прошлого имеет для Керр освобождающую функцию: в процессе создания трилогии она становится автором своей жизни. Именно неполнота памяти открывает возможность создания художественной конфигурации, эстетического оформления: природа человеческой памяти становится воротами для воображения и, следовательно, причиной художественного переосмысления автобиографии.

В ее изображении переживаний в повествовании доминирует не вспоминающее «я», а эмоциональный ландшафт, в котором движется вспоминаемое «я». Следовательно, фокализация является внутренней, поскольку основана на перспективе главного героя. Таким образом, знания

ограничены и окрашены взглядом ребенка, вовлеченного в события. Так, описание отъезда Анны из Берлина не включает в себя чувства страха или ужаса, напротив, на первый план выходят волнение и восторженное ожидание: было приятно и авантюрно быть беженкой, не иметь дома и не знать, где она будет жить. Это звучало захватывающе. Анна так представляла свое будущее: «дом в горах <...> козы <...> коровы»² [Керр 2009: 37]. Ей было почти стыдно признаваться в этом, но чем дольше она думала о переезде, тем больше ей этого хотелось. Побывать в незнакомой стране, где все иначе. Напряжение главной героини до и во время путешествия автор описывает как приключение. Точка зрения главной героини на происходящие события позволяет наиболее ярко продемонстрировать невыносимую ситуацию изгнания. В линейной презентации читатель переживает — по меньшей мере, в первых двух томах — только то, что испытывает, думает и чувствует главная героиня Анна.

С точки зрения повествовательной перспективы как синтеза планов нарративного художественного текста, можно говорить об образе автора как субъекта повествования, неидентичного категории субъекта текста. Авторская точка зрения выражается в тексте через призму восприятия главной героини благодаря определенным семантическим свойствам языковых элементов. Так, «лексические и грамматические единицы языка служат средствами формирования повествовательного модуса, варьирующегося в зависимости от авторского замысла как модус изложения, воспоминания или воображения» [Шипова: 161], что дает возможность в некоторой степени определить авторское отношение к содержанию текста или его фрагмента.

Авторский самоанализ внедряется в сознание вспоминающего ребенка, который представляет собой призму, через которую воспринимается то, что произошло, и с точки зрения которого создается рассказываемый мир. Так, например, первое слово трилогии — «Анна». Рассказчица идентифицирует девушку по имени, но не дает ей авторскую характеристику. Главная героиня менее описана, чем показана в эпизодической структуре романа своими действиями. Об Анне читатель в начале трилогии знает только то, что она невысокая. Во втором романе портрет дополняется благодаря мыслям героини о том, что, по ее мнению, она «выглядела опрятно, но невзрачно. Маленькое существо в темном: «...в зеркале ее все раздражало: темные волосы, зеленые глаза, сверхсерьезное лицо» [Керр 2019: 11]. Действия Анны оказываются более показательными для формирования образа героини. Например, то, как Анна прощается с домом, который семья вынуждена покинуть, дает гораздо более точную характеристику девочки как человека чувствительного и эмоционального: «...до свидания, прихожая!.. Прощай, гостиница! <...> До свидания, занавески! <...> Прощай, дверца в чуланчик!» [Керр 2017: 38].

По мере развития трилогии тексты адаптируются к развитию сознания Анны, а рассказчик, особенно в третьем томе, также охватывает бессознательное. В трилогии и повествователь, и главная героиня являются центрами, создающими смысл, т. к. даже если повествователь принимает личную точку зрения, он все равно присутствует в повествовании. С помощью вспоминаемых событий Керр объективирует субъективное и историческое время. В результате темпоральность является решающей структурной особенностью трилогии.

² Здесь и далее перевод Д.В. Демьяненко-вой.

Как любой автобиограф, Керр столкнулась с невозможностью описать всю свою жизнь. Потому рассказанное фрагментарно по отношению к жизни в целом, но, тем не менее, должно отражать реальность этапов жизни. Скачки во времени, которые можно обнаружить в трилогии, могут быть оправданы своей необходимостью. С одной стороны, критерий релевантности того, что запоминается, играет роль; с другой стороны, из-за изначальной ориентации на собственных детей как ожидаемых читателей, опускаются периоды времени, которые воспринимаются как особенно удручающие или приводят к конфликту лояльности со своими родителями или Англией как принимающей страной. Один из примеров — годы между первым и вторым томом, которые Керр проводит в английской школе-интернате, где она сильно страдает от одиночества, невключенности в социум, что ярко показано в письмах ее родителям, сохраненных в архиве Альфреда Керра. Об Анне же в этот период известно следующее: ей пришлось перейти в школу-интернат, потому что у родителей закончились деньги, и теперь у семьи не было возможностей оплачивать Анне гостиничную комнату, по той же причине девушка оказалась в доме у Бартоломею, друга семьи. В начале второй части трилогии читатель узнает, что моральное состояние главной героини близко к отчаянию.

Тексты Керр показывают, что сны, игры и страхи как координаты памяти предлагают временные закономерности, которые необходимо рассматривать как временные, реальные перспективы. В третьей части главная героиня возвращается на место первых лет жизни, но даже при физическом возвращении к местам воспоминания она не может вернуться к тому, что помнит, к ощущениям, которые были у нее в детстве. Попав на улицу, где раньше находился ее дом, Анна вспоминает о своей детской игрушке, ее охватывает ностальгия: «Как-то летом Анна сидела в тени под грушей с няней Хеймпи и смотрела, как она вышивает глаза розовому кролику — вместо выпавших стеклянных. Кролик был любимой мягкой игрушкой Анны» [Kerr 2013: 137]. В этот момент главная героиня в очередной раз задумалась, что же стало с ее кроликом. Стоя на дороге и наблюдая за домом, Анна вспоминает, как любила взбегать «по ступенькам с криками: “А мама дома?”» [Kerr 2013: 160]. Именно эту фразу переводчик выносит в заглавие финального романа трилогии, однако стоит обратить внимание, что оригинальное название романа — “A Small Person Far Away” — придает другую фоновую окраску всему произведению.

Как следует из названия первого романа, Керр находится в своеобразном поиске утраченного времени детства. Однако перед лицом прошлого и настоящего историческое место детства невозможно найти снова, потому что оно никогда не было реальным в смысле географического измерения, но основывалось на атмосфере. Время и пространство не могут снова ожить во время путешествий, только в памяти, обратимой во времени.

Таким образом, было установлено, что трилогия Керр «Во времена фашизма» отвечает признакам литературы воспоминания. Так, личность главной героини и автора, с одной стороны, тождественны, что подтверждают задокументированные факты биографии Керр и ее семьи; с другой же стороны, выбор повествования от третьего лица позволяет сочетать оценки автора в описании и ощущения героини. В трилогии соблюден принцип гетерогенности повествования, связанный с нахождением в центре сознания героя. События, происходящие с героиней, представляют линейное повествование, а всплывающие воспоминания демонстрируют возможности человеческого

сознания и носят функции как ретардации, так и ретроспекции. При этом сознание героини в описываемом возрасте воссоздано за счет передачи ее речи и мыслей.

Несмотря на ряд выявленных черт автобиографического повествования, трилогия не является сугубо документальным источником, а строится в соответствии с художественными целями автора. К ним относятся: использование диалогов между упоминаемыми лицами, сны героини, ретранслирующие ее состояние и ее переживания, мелкие бытовые события, связанные с повседневной жизнью семьи. Факт и вымысел сливаются воедино, создавая единый художественный мир, правдоподобно отражающий действительность, но окрашенную в то же время восприятием выбранного центрального героя и его возрастными особенностями.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
(Bakhtin M.M. Problems of literature and esthetics. Moscow, 1975. 504 p. — In Russ.)
- Изер В. Вымыслообразующие акты. Глава из книги «Вымышленное и воображаемое: набросок литературной антропологии» / пер. с англ. Г. Дашевского // НЛЮ. 1997. № 27. С. 23—40.
(Izer W. Fiction-Forming Acts. The chapter from the Book “The Fictitious and the Imaginary: A Sketch of Literature Anthropology”, transl. by G. Dashevskiy, *New Literary review*, 1997, № 27, pp. 23—40. — In Russ.)
- Керр Дж. А мама дома? М.: Альбус корвус, 2021. 247 с.
(Kerr J. A Small Person Far Away, Moscow, 2021, 247 p. — In Russ.)
- Керр Дж. Как Бог съел что-то не то. М.: Альбус корвус, 2019. 261 с.
(Kerr J. Bombs on Aunt Dainty, Moscow, 2019, 261 p. — In Russ.)
- Керр Дж. Как Гитлер украл розового кролика. М.: Альбус корвус, 2017. 264 с.
(Kerr J. When Hitler Stole Pink Rabbit, Moscow, 2017, 264 p. — In Russ.)
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 352 с.
(Campbell J. The Hero with a Thousand Faces, St. Petersburg, 2018, 352 p. — In Russ.)
- Сапожникова Ю.Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 54—56.
(Sapognikova U.L. Genre of autobiography: concept and features. *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, history, oriental studies*, 2012, № 2, pp. 54—56. — In Russ.)
- Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: АCADEMIA, 2004. 511 с.
(The theory of literature: in 2 vols., ed. by N.D. Tamarchenko, vol. 1. The Theory of fictional discourse. Theoretical poetics. Moscow, 2004, 511 p. — In Russ.)
- Шипова И.А. Повествовательная перспектива, тип повествовательных форм и категории субъекта как знаки нарративного художественного текста // Вестник ВГУ. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 161—166.
(Shipova I.A. Narrative perspective, type of narrative forms and subject categories as the signs of a narrative literary text, *Proceeding of VSU. Series 2. Linguistics*, 2016, № 1 (30), pp. 161—166. — In Russ.)

Interview with Judith Kerr, Bea Lewkowicz Archive. 2001. URL: <https://bit.ly/3zkpaSq> (accessed: 01.07.2022).

Kerr J. A Small Person Far Away. London: Harper Collins Children's Books, 2013. 216 p.

Kerr J. Bombs on Aunt Dainty. London: Harper Collins Children's Books, 2012. 336 p.

Kerr J. When Hitler Stole Pink Rabbit. London: Puffin Books (reissue edition). 2009. 192 p.

Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil. 1996. 384 p.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Демьяненко Дарья Викторовна — магистр педагогики, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, ddemyanenkova@bk.ru

Demianenkova Daria Viktorovna — Master of Pedagogy, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, ddemyanenkova@bk.ru

Разумахина Ксения Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, razumakhina.kseniya@inbox.ru

Razumakhina Kseniya Yurievna — Candidate of Sciences (Philology), Assistant at Foreign Literature Department, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, razumakhina.kseniya@inbox.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 26—35.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 26—35.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

DOI: 10.46726/И.2022.4.3

АНТИЧНЫЙ КОД В СТИХОТВОРЕНИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА «ДОМ»

Наталья Геннадьевна Коптелова

Костромской государственной университет,
г. Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы действия античного кода, присутствующего в стихотворении Ходасевича «Дом» (сборник «Путём зерна» (1920)). Характеризуются его функции и способы художественного воплощения. Отмечается, что философская концепция, репрезентированная в стихотворении «Дом», во многом солидаризируется с античным толкованием категории «судьбы». Доказывается, что мотив кощунственного нарушения тайны личностного существования, прозвучавший в «Доме», затем станет центральным и в очерке Ходасевича «Помпейский ужас» (1925). Картина катастрофических разрушений как в стихотворении, так и в очерке ассоциируется с «Аидом современности» и характеризуется автором как напоминание о вечно возвращающемся «античном сумраке». В четвёртой части стихотворения «Дом» Ходасевич переосмысливает концепцию «четырёх стихий» («воздуха», «воды», «земли» и «огня»), восходящую к натурфилософии античности и весьма востребованную в мировой литературе. Одновременно поэт вводит в структуру традиционных представлений о «стихиях» как первоэлементах мироздания отголосок античного мифа о саламандре, живущей в огне, а также свою авторскую мифопоэтическую «версию» о «пятой стихии», «времени». В статье делается вывод о том, что античный код в стихотворении «Дом» выполняет не только смыслообразующую, но и коммуникативную функцию. Он диалогически взаимодействует с другими культурными кодами: библейским, пушкинским, постсимволистским. Кроме того, античный код также даёт импульс индивидуально-авторскому мифотворчеству Ходасевича.

Ключевые слова: Ходасевич, античный код, лирическое стихотворение «Дом», очерк «Помпейский ужас», миф, взаимодействие культурных кодов

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Античный код в стихотворении В.Ф. Ходасевича «Дом» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 26—35.

Original article

ANTIQUÉ CODE IN V.F. KHODASEVICH'S POEM "HOUSE"

*Nataliya G. Koptelova*Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation, nkoptelova@yandex.ru

Abstract. The article discusses the mechanisms of action of the antique code present in Khodasevich's poem "House" (collection "By the Way of Grain" (1920)). Its functions and ways of artistic embodiment are characterized. It is noted that the philosophical concept represented in the poem "House" is largely in solidarity with the ancient interpretation of the category of "fate". It is proved that the motif of the blasphemous violation of the secret of personal existence, voiced in The House, will later become central in Khodasevich's essay "The Horror of Pompeii" (1925). The picture of catastrophic destruction both in the poem and in the essay is associated with the "Hades of Modernity" and is characterized by the author as a reminder of the ever-returning "antique twilight". In the fourth part of the poem "House" Khodasevich rethinks the concept of "four elements" ("air", "water", "earth" and "fire"), which goes back to the natural philosophy of antiquity and is in great demand in world literature. At the same time, the poet introduces into the structure of traditional ideas about the "elements" as the primary elements of the universe, an echo of the ancient myth about the salamander living in fire, as well as his own mythopoetic "version" about the "fifth element", "time". The article concludes that the antique code in the poem "House" performs not only a semantic, but also a communicative function. It dialogically interacts with other cultural codes: biblical, Pushkin's, post-symbolist. In addition, the antique code also gives impetus to the individual author's myth-making of Khodasevich.

Keywords: Khodasevich, antique code, lyric poem "House", essay "The Horror of Pompeii", myth, interaction of cultural codes

For citation: Koptelova N.G. Antique code in V.F. Khodasevich's poem "House", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 26—35.

Подобно многим русским поэтам, в своём творчестве В.Ф. Ходасевич ведёт диалог с традициями античной культуры. Он достаточно активно осваивает образы и мотивы античной мифологии: древнегреческие и римские. В его произведениях фигурируют некоторые античные имена и названия: «Психея», «Орфей», «Вакх», «Пан», «Афродита», «Дарий», «музыка сфер», «Помпейский ужас», «лары», «Сатурн» и т. д.

Современные исследователи не раз обращались к рассмотрению вопроса о роли античности в художественном мире Ходасевича. Например, Е.В. Болнова проследила процесс художественной трансформации в лирике Ходасевича «символистского мифа об Орфее» [Болнова]. Е.Ю. Куликова охарактеризовала творческую модификацию орфического сюжета в его очерке «Помпейский ужас» [Куликова]. В.В. Зельченко показал особенности лирического преломления в стихах Ходасевича образов Вакха [Зельченко 2012] и Дария, а также пифагорейской концепции «музыки сфер» [Зельченко 2019: 76—87]. О.А. Лавшук соотнесла «Памятник» Ходасевича с одноимённым стихотворением Горация [Лавшук]. О.И. Федотов проанализировал варианты имитации в поэзии упомянутого автора античной метрики и силлабики [Федотов]. Однако особенности рецепции античного культурного наследия в творчестве Ходасевича, весьма многоплановой и по содержанию, и по форме,

раскрыты литературоведами ещё далеко не исчерпывающе. Несомненно, в его поэзии наряду с другими культурными кодами значим и античный код, определяющий некоторые аспекты лиризма и глубинные смыслы стихов. В понимании категории литературного кода мы идём от положений, сформулированных Ю.М. Лотманом [Лотман: 11—22] и учитываемых современными учёными [Чернец]. Методологическим ориентиром для нас является мысль, отчётливо выраженная Л.В. Чернец: «“разработка” понятия код <...> помогает конкретнее изучить проблему литературной преемственности» [Чернец: 22].

В предложенной статье мы рассмотрим механизмы действия античного кода, репрезентированного в стихотворении Ходасевича «Дом», вошедшем в сборник «Путём зерна» (1920); охарактеризуем его содержание, функции и способы художественного воплощения.

Архетип дома становится композиционным центром уже во втором лирическом сборнике Ходасевича «Счастливый домик» (1914), отмеченном влиянием пушкинской традиции [Сурат], [Богомолов]. Именно в стихотворении «Дом», включённом в сборник «Путём зерна», обозначается кульминация развития образа дома в контексте творчества поэта. В этом произведении «возникает символический мотив семейного “гнезда”, разорённого и разрушенного смерчем времени» [Коптелова 2014: 14].

Несомненно, слово «домик», интонационно акцентированное в первой строке стихотворения «Дом», ассоциативно перекликается с образом «счастливого домика», созданным во втором лирическом сборнике Ходасевича (1914) и символизирующим психологическое убежище: «Здесь домик был. Недавно разобрали / Верх на дрова <...>» [Ходасевич 2009: 109]. В то же время в этой перекличке явно транслируется и творческая полемика автора с собственными упованиями на создание уютного и гармоничного домашнего пространства, подпитанная постоянным философским диалогом с Пушкиным [Коптелова 2021: 130—131]. Предметом творческой рефлексии Ходасевича-поэта становятся мотивы пушкинских поэм «Домик в Коломне» и «Медный всадник». О них он рассуждал и в своей критической статье «Петербургские повести Пушкина» (1915) [Ходасевич 1915]. Примечательно, что в интерпретации Ходасевича-критика единый конфликт, запечатлённый во всех пушкинских произведениях, приближается к типу конфликта античной трагедии, основанного на столкновении воли человека и судьбы: «Силы неведомые, нежданые и враждебные не дают жизни простых и смиренных людей течь беспрепятственно. Они непрошено вторгаются в эту жизнь, как кто-то, нанявшийся в кухарки к коломенской вдове; они врываются, как Варфоломей ворвался в уединённый домик на Васильевском; они рушат и сносят всё на своём пути, как воды, разрушившие домик Параши и её матери» [Ходасевич 1915: 43]. Вслед за Пушкиным в стихотворении «Дом» Ходасевич также ставит в центр лирического повествования коллизию, вызванную вмешательством в жизнь отдельной личности, в мир неповторимого частного существования, «неведомых и враждебных сил», находящихся «вне доступного» человеку «поля действия» [Ходасевич 1915: 43]. Иными словами, поэт, по сути, во многом солидаризируется с античным толкованием категории «судьбы». Как отмечают А.А. Тахо-Годи и А.Ф. Лосев, «древнейшее понимание судьбы связано с представлением о неведомом, неожиданном, не имеющем названия демоническом проявлении» [Тахо-Годи, Лосев: 123]. Нечто подобное видит Ходасевич и в «петербургских повестях» Пушкина, об этом он пишет и в своём стихотворении «Дом».

Показательно, что в стихотворении Ходасевича вторжение «неведомых и враждебных сил» приводит не только к полному разрушению дома как строения, но и бесцеремонно открывает те стороны интимной жизни людей, которые обычно принято скрывать от постороннего любопытного взгляда:

<...> Затхлый холод
Идёт от груды мусора и щебня,
Засыпавшего комнаты, где прежде
Гнездились люди...
Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про чёрный день; где в духоте и мраке
Супруги обнимались; где потели
В жару больные; где рождались люди
И умирали скрытно, — всё теперь
Прохожему открыто. <...> [Ходасевич 2009: 109—110].

Мотив кощунственного нарушения тайны личностного существования, прозвучавший в стихотворении «Дом», затем станет стержневым и в очерке Ходасевича «Помпейский ужас» (1925): «Здесь собрана часть утвари, найденной при раскопках: блюда, миски, оружие, баночки для румян, дверные замки, статуэтки» [Ходасевич 1997: 34]. Но он дополнится и другими смысловыми обертонами. В очерке Ходасевич выразил своё потрясение тем, что в «маленьком музее» Помпеи становится общим достоянием не только глубоко потаённая личная жизнь, но и «неблаголепная смерть» [там же: 37] жителей маленького итальянского городка: «Здесь вскрываются “тайны гроба”. Здесь насилуется целомудрие могилы, её единственное право — право на сокровенность» [там же: 34]. Картина катастрофических разрушений, в стихотворении Ходасевича воссозданная впечатлительным лирическим субъектом, а в очерке реконструированная благодаря эмоциональной чуткости и богатству воображения повествователя, ассоциируется с «Аидом современности» [Куликова] и характеризуется автором как напоминание о вечно возвращающемся «античном сумраке» [там же: 38].

Лирический герой Ходасевича воспринимает разрушение дома как воистину вселенскую катастрофу. Случившееся в стихотворении «Дом» описывается с использованием «античной оптики», как своего рода «помпейский ужас». Неслучайно даже «рухнувшая балка» «домика» кажется лирическому субъекту «колонной»: «Рухнувшая балка / Похожа на колонну» [Ходасевич 2009: 109]. О «рядях торжественных колонн», равно подверженных разрушению, как и «двери» «лачуги», поэт упоминает и далее [Ходасевич 2009: 110]. Семантика образа колонны, повторяющегося в стихотворении, несомненно, содержит в себе коннотацию, восходящую к античной культуре. Ведь именно в архитектуре древних греков и римлян, как точно указывает Е.Н. Поляков, этот элемент был широко распространён и имел космологический смысл [Поляков: 9—19, 20—23]. Исследователь, в частности, отмечает: «Гомер был уверен, что основание небесного купола опирается на колонны, установленные титаном Атлантом. <...> То есть в VII в. до н. э. греки представляли вселенную в виде огромной ротонды» [там же: 16].

Во втором абзаце стихотворения Ходасевича описание обломков дома парадоксально переходит в картину бесконечного космического пространства, нарисованную «лирическим повествователем с интонацией эпической торжественности» [Коптелова 2021: 131]:

Вот лестница с узором
 Поломанных перил уходит в небо,
 И, обрываясь, верхняя площадка,
 Мне кажется трибуною высокой.
 Но нет на ней оратора. – А в небе
 Уже горит вечерняя звезда.
 Водительница гордого раздумья [Ходасевич 2009: 110].

Однако благодаря вмешательству горькой иронии текст этой строфы становится многозначным. Представляется, что в данном поэтическом отрывке Ходасевич переключает античный код в иную культурную систему координат: он обращается к библейской традиции. Поэт буквально «перелицовывает» ветхозаветный символ лестницы, соединяющей землю и небо и явленной в откровении Иакова (Ветхий Завет: Бытие: глава 28). Он пародийно осовременивает его и тем самым лишает сакрального смысла: у лестницы, уходящей в небо, «поломаны перила» [Ходасевич 2009: 110]. А воззвание Бога к Иакову («И вот, Господь стоит на ней и говорит...») (Ветхий Завет: Бытие: глава 28) вообще замещается саркастически окрашенным мотивом «высокой трибуны», на которой нет «оратора» [Ходасевич 2009: 110].

Третья строфа стихотворения Ходасевича «Дом» явно полемизирует с первой строфой. Отторжение лирического субъекта от беспощадной эпохи, его неподдельная душевная боль от мысли о разрушении дома неожиданно сменяется трагической и парадоксальной «хвалой времени»: «Да, хорошо ты, время. Хорошо / Вдохнуть от твоего ужасного простора» [Ходасевич 2009: 110]. В самой природе человека Ходасевич видит скрытую и дерзкую «жажду пойти навстречу неведомой силе» [Ходасевич 1915: 45], проявляемой в страшных и опасных для него событиях, в апокалиптическом ритме времени, чтобы испытать необъяснимый восторг:

К чему таиться? Сердце человекье
 Играет, как проснувшийся младенец,
 Когда война, иль мор, или мятеж
 Вдруг налетят и землю сотрясают;
 Тут разверзаются как небо, времена —
 И человек душой неутолимой
 Бросается в желанную пучину [Ходасевич 2009: 110].

Думается, эти философские размышления во многом навеяны ассоциацией, восходящей к античной теме соперничества человека с судьбой. Но эта ассоциация обогащена и поэтической интуицией Пушкина, выраженной в «Пире во время чумы»: «Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незъяснимы наслажденья — / Бессмертья, может быть, залог!» [Ходасевич 1915: 45]. По признанию самого Ходасевича, эти пушкинские строчки в своё время поразили его своей провидческой гениальностью. Кроме того, античная реминисценция, в контексте стихотворения определяющая вектор движения поэтической мысли автора, в определённой мере переключается ещё с блоковским и даже общесимволистским поклонением «стихии», отеснившей «культуру» [Минц: 490—493]. Таким образом, смысловая полифония стихотворения «Дом» обеспечивается тем, что в его образной структуре сопрягаются и взаимодействуют пушкинские реминисценции, постсимволистские ориентации, библейские ассоциации и античные элементы. В итоге античный код вступает в диалог-согласие с другими культурными кодами.

В четвёртой части стихотворения «Дом» античный код проявляется особенно отчётливо. В ней Ходасевич создаёт свой миф о времени, переосмысливая концепцию «четырёх стихий» («воздуха», «воды», «земли» и «огня»), восходящую к натурфилософии античности и весьма востребованную в мировой литературе [Поляков: 25], [Третьяков: 42—47]. Одновременно поэт вводит в структуру традиционных представлений о «стихиях» как первоэлементах мироздания отголосок поверья о саламандре, способной жить в огне. Это поверье было предметом рефлексии ещё в работах Плиния Старшего и Аристотеля [Трессидер: 320]. В свою очередь, на фундаменте лирически освоенного античного мировоззрения Ходасевич и выстраивает свою авторскую мифопоэтическую «версию» о «пятой стихии», «времени», — среде обитания, органичной только для человека:

Как птица в воздухе, как рыба в океане,
Как скользкий червь в сырых пластах земли,
Как саламандра в пламени — так человек
Во времени. <...> [Ходасевич 2009: 110—111].

Таким образом, в этой композиционной части стихотворения Ходасевич сознательно соотносит античный код с собственным мифотворчеством. При этом, согласно его художественной философии, человек не только пытается измерить бездну времени, но и своевольно чередует в историческом потоке разрушение и созидание, испытывая одновременно и «ужас», и «тайное сладострастье»: «<...> Человеку / Ломать и строить — равная услада: / Он изобрёл историю — он счастлив!» [Ходасевич 2009: 111].

В своеобразном эпилоге стихотворения показано, как лирический герой вместе с «горбатой старухой» покорно и смиренно разбирает останки разрушенного дома, словно расчищая место для нового строительства. Сцена, рисующая совместную «работу» повествователя и «старухи», уничтожающей последние приметы бывшего человеческого жилища, отличается точным описанием жестов и движений лирических персонажей, предельной конкретизацией визуальных и звуковых деталей [Коптелова: 132]:

Но вот —
Шуршат шаги. Горбатая старуха
С большим кулём. Морщинистой рукой
Она со стен сдирает паклю, драпки
Выдёргивает, молча подхожу
И помогаю ей, и мы в согласьи добром
Работаем для времени. <...> [Ходасевич 2009: 111].

Однако в облике «горбатой старухи», описанном столь реалистично, проступают черты греческой богини судьбы, мойры Атропос (парки Мортты — у древних римлян), по словам А.Ф. Лосева, неотвратимо приближающей будущее и обрывающей земное существование человека [Лосев: 169], [Тахо-Годи, Лосев: 90]. При этом античная аллегория обрезания нити жизни творчески расшифровывается Ходасевичем и претворяется в мотиве разбора обломков разрушенного дома. Приятие трагической утраты дома для лирического героя мотивируется осознанием непреодолимого закона времени, пониманием того, что из этой предназначенной ему «стихии», а в конечном счёте, судьбы в античном толковании, человек не волен вырваться, а может ей только

подчиниться. Как видим, Ходасевич интуитивно постигает диалектику античного понимания «судьбы», о которой писал Лосев: «Античная судьба не есть только предмет слепой веры, не есть только стихия жизни, вызывающая ужас и трепет. <...> судьба для античного человека <...> есть ещё прекрасная и самодовлеюще-успокоительная картина жизни» [Тахо-Годи, Лосев: 389].

Примечательно, что вывод в финале стихотворения «Дом» в смысловом отношении отчётливо перекликается с итогом стихотворения «Жеманницы былых годов...» (раздел «Пленные шумы» в сборнике «Счастливый домик»). В упомянутом произведении доминирует «мотив отказа от дома-усадыбы прошлых веков как символа обветшавшего и давно ушедшего прошлого» [Коптелова 2014: 12]: «И сладко было мне сознание, / Что мир ваш навсегда исчез / И с ним его очарованье» [Ходасевич 2009: 64]. Как и в стихотворении «Дом», лирический субъект Ходасевича здесь «мысленно устремляется в будущее»: «О, пусть отныне жизнь мою / Одно грядущее волнует» [Коптелова 2014: 12]. Несмотря на разрушение и утрату дома-усадыбы, былого «дворянского гнезда», являвшегося символом культуры XIX столетия («Я думал: в грустном сем краю / Уже полвека всё пустует») [Ходасевич 2009: 64], лирический герой всё-таки слагает гимн Сатурну, в римской мифологии — неумолимому, всесильному и беспощадному богу времени, как созидающему, так и разрушающему:

Блажен, кто среди разбитых урн,
На невозделанной куртине,
Прославит твой полёт Сатурн,
Сквозь многозвёздные пустыни! [Ходасевич 2009: 64].

Образ Сатурна, отождествляемый в сознании древних римлян с «семенем, возвратившимся в породившую его землю» [Штаерман: 417], в данном поэтическом контексте не только раскрывает тему власти времени, но и имплицитно содержит в себе символику умирающего и прорастающего зерна. Эта символика пронизывает всё смысловое пространство сборника «Путём зерна» и интерпретируется Ходасевичем преимущественно в христианском ключе, но, как видим, она включает и коннотацию, восходящую к античному миропониманию.

Таким образом, в стихотворении «Дом» античный код выполняет не только смыслообразующую, но и коммуникативную функцию, становясь инструментом творческой преемственности. Он диалогически взаимодействует с другими культурными кодами: библейским, пушкинским, постсимволистским, а также даёт импульс индивидуально-авторскому мифотворчеству Ходасевича.

Важно, что в сборнике «Путём зерна» стихотворение «Дом» следует сразу же за стихотворением «Обезьяна», в котором, как убедительно показал В. Зельченко, античные реминисценции выполняют весьма существенную смыслообразующую функцию [Зельченко 2019: 76—87]. В «Доме» так же, как и в «Обезьяне», сплавляются повествовательность, изощрённая изобразительность и установка на глубокий анализ изображённых событий. В итоге стихотворение «Дом» как бы подхватывает и развивает авторскую философию, выраженную в «Обезьяне» и во многом художественно преломляющую отголоски античного миропонимания. В конечном счёте, античный код скрепляет эти произведения Ходасевича, образующие своеобразный поэтический диптих.

Список литературы / References

- Богомолов Н.А. Рецепция пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 359—375.
(Bogomolov N.A. Reception of the Pushkin era in the lyrics of V.F. Khodasevich, *Bogomolov N.A. Russian Literature of the First Third of the 20th Century: Portraits. Problems. Searches*, Tomsk, 1999, pp. 359—375. — In Russ.)
- Болнова Е.В. Разрушение «символистского мифа об Орфее» в творчестве В. Ходасевича // Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов / отв. ред. И.С. Юхнова. Нижний Новгород: Книги, 2017. Вып. 7. С. 194—207.
(Bolnova E.V. The destruction of the “symbolist myth of Orpheus” in the works of V. Khodasevich, *Grekhnev's readings: Literary work in the system of contexts*, ed. by I.S. Yukhnova, Nizhny Novgorod, 2017, iss. 7, pp. 194—207. — In Russ.)
- Зельченко В.В. О «Вакхе» В.Ф. Ходасевича // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana; Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 4. С. 350—356.
(Zel'chenko V.V. About “Bacchus” by V.F. Khodasevich, *The Ancient World and we: Classical Heritage in Europe and Russia: Almanac*, Saint-Petersburg, 2012, iss. 4, pp. 350—356. — In Russ.)
- Зельченко В. Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий. М.: Новое издательство, 2019. 146 с.
(Zel'chenko V. Poem by Vladislav Khodasevich “Monkey”: Commentary, Moscow, 2019, 146 p. — In Russ.)
- Коптелова Н.Г. Интерпретация образа дома в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича «Путём зерна» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 3. С. 125—137.
(Koptelova N.G. Interpretation of the Image of Home in the Collection of Poems by V.F. Khodasevich “By The Way of Grain”, *Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 125—137. — In Russ.)
- Коптелова Н.Г. Образ дома в лирике В.Ф. Ходасевича (на материале сборника «Счастливый домик») // Костромской гуманитарный вестник. 2014. № 1 (7). С. 8—14.
(Koptelova N.G. The Image of the House in the Lyrics of V.F. Khodasevich (Based on the Collection “A Happy House”), *Kostroma humanitarian bulletin*, 2014, no. 1 (7), pp. 8—14. — In Russ.)
- Куликова Е.Ю. «Экскурсия» в Аид (Орфический сюжет в очерке В. Ходасевича «Помпейский ужас») // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сборник науч. трудов. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2004. С. 139—151.
(Kulikova E.Ju. “Excursion” to Hades (Orphic plot in V. Khodasevich’s essay “Pompeian Horror”), *Materials for the dictionary of plots and motives of Russian literature: a collection of scientific works*, Novosibirsk, 2004, pp. 139—151. — In Russ.)
- Лавшук О.А. Пушкинская поэтическая традиция в творчестве В. Ходасевича и И. Бродского // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи: сб. науч. тр. по итогам Международной конференции, 23—24 июня, 2009 г. Ч. 2: Литература Русского зарубежья и продолжатели традиций / ред.-сост. В.А. Скрипкина. М.: МГОУ, 2010. С. 122—129.
(Lavshuk O.A. Pushkin's poetic tradition in the work of V. Khodasevich and I. Brodsky, *Verbal art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era: a collection of scientific papers based on the results of the International Conference*,

June 23—24, 2009, vol. 2: Literature of the Russian Diaspora and Followers of Traditions, ed. by V.A. Skripkina, Moscow, 2010, pp. 122—129. — In Russ.)

Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К—Я. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 189.

(Losev A.F. Moira, *Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols., vol. 2: K—Ya*, ed. by S.A. Tokarev, Moscow, 1982, p. 189. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

(Lotman Ju.M. Inside thinking worlds. Human — text — semiosphere — history, Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)

Минц З.Г. Блок и русский символизм // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство—СПБ, 2000. С. 456—536.

(Mints Z.G. Blok and the Russian Symbolism, *Mints Z.G. Alexander Blok and Russian writers*, Saint Petersburg, 2000, pp. 456—536. — In Russ.)

Поляков Е.Н. Мифологические представления античных народов о строении вселенной // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 2 (35). С. 9—27.

(Poljakov E.N. Mythological representations of ancient peoples about the structure of the universe, *Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*, 2012, no. 2 (35), pp. 9—27. — In Russ.)

Сурат И.З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт, 1994. 111 с.

(Surat I.Z. Vladislav Khodasevich as a Specialist in Pushkin's Creativity, Moscow, 1994, 111 p. — In Russ.)

Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах / сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Алетейя, 1999. 710 с.

(Taho-Godi A.A., Losev A.F. Greek culture in myths, symbols and terms, general, ed. by A.A. Taho-Godi, Saint Petersburg, 1999, 710 p. — In Russ.)

Трессидер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

(Tressider Dzh. The Dictionary of Symbols, transl. from English S. Palko, Moscow, 1999, 448 p. — In Russ.)

Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырёх стихий в творческой системе Н.В. Гоголя / науч. ред. А.С. Янушкевич. Томск: STT, 2015. 354 с.

(Tret'yakov E.O. The Philosophy and Poetics of the Four Elements in the Creative System of N.V. Gogol, ed. by A.S. Yanushkevich, Tomsk, 2015, 354 p. — In Russ.)

Федотов О.И. Метрика и ритмика Владислава Ходасевича. Имитация античной метрики и силлабики // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. Кн. 2. С. 180—191.

(Fedotov O.I. Metrics and rhythmicity by Vladislav Khodasevich. Imitation of ancient metrics and syllabics, *Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities*, 2007, vol. 149, book 2, pp. 180—191. — In Russ.)

Ходасевич В. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 33—50.

(Khodasevich V. Petersburg's Tales of Pushkin, *Apollon*, 1915, no. 3, pp. 33—50. — In Russ.)

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине. 592 с.

(Khodasevich V. F. Collected Works: in 4 vols., Moscow, 1997, vol. 3: Prose, Derzhavin, About Pushkin, 592 p. — In Russ.)

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступит. ст. Дж. Малмстада. Т. 1: Полное собрание стихотворений. М.: Русский путь, 2009. 648 с.

(Khodasevich V.F. Collected Works: in 8 vols., vol. 1: Complete collection of poems, ed. by J. Malmstad and R. Hughes, Moscow, 2009, 648 p. — In Russ.)

Чернец Л.В. О понятии «код» в литературоведении и о пейзаже в произведениях И.С. Тургенева // Тургеневские чтения: сборник статей. Вып. 7 / сост. Т.Е. Коробкина, Е.Г. Петраш; науч. ред. Е.Г. Петраш. М.: Экон-Информ, 2018. С. 17—29.

(Chernec L.V. About the concept of “code” in literary studies and about the landscape in the works of I.S. Turgenev, *The Turgenev readings: a collection of article*, ed. by E.G. Petrash, Moscow, 2018, iss. 7, pp. 17—29. — In Russ.)

Штаерман Е.М. Сатурн // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К—Я. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 417.

(Shtaerman E. M. Saturn, *Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.*, vol. 2: K—Ya, ed. by S.A. Tokarev, Moscow, 1982, p. 147. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Коптелова Наталия Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru

Koptelova Nataliya Gennad'evna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor at the Department of Russian Philology, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, nkoptelova@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 36—47.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 36—47.

Научная статья

УДК 821.161.1-192

DOI: 10.46726/И.2022.4.4

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОК-ПОЭЗИИ ХЕЛАВИСЫ (НАТАЛЬИ О'ШЕЙ) (На примере альбома «Манускрипт»)

Руслан Васильевич Любарский

Средняя общеобразовательная школа № 57, г. Брянск, Россия, ludmila12a@rambler.ru

Аннотация. Рок-поэзия Хелависы, солистки и автора песен группы «Мельница», не остается без внимания исследователей. Творчество Натальи О'Шей рассматривается как в языковедческом и музыкальном, так и в литературоведческом аспектах. Отдельного внимания заслуживает мифопоэтика произведений данного автора. Актуальность исследования данной проблемы определяется тем, что рок-поэзия Хелависы характеризуется новым подходом к изображению ирреальной картины мира в современной литературе, в том числе и через мифологические образы. В статье рассмотрена специфика создания мифических образов в рок-пространстве Хелависы на примере песен альбома «Манускрипт». Исследована песня «Апельсиновая баллада» в качестве художественного пространства для переосмысления библейского сюжета о Петре и Тавифе как индивидуально-авторского романтизированного повествования. В песне «Филидель» выявлено художественное воплощение функций и свойств фейри — образов мифических существ кельтской мифологии: «обладание эзотерическими знаниями» и «власть над силами природы». Мифопоэтика занимает значимое место в альбоме Хелависы «Манускрипт». В альбоме активно проявляется соприкосновение элементов обывательской реальности с инобытийной. В песне «Филидель» элементы природы приобретают ирреальное значение благодаря заклинанию фейри. В произведении «Апельсиновая баллада» происходит романтизированное соприкосновение Тавифы с чудом, имеющим божественную основу. Однако в отличие от остальной художественной практики Хелависы в альбоме содержится представление о многообразии миров, воплощенное с помощью мифологических существ («Джинн», «Грифон»).

Ключевые слова: Хелависа, рок-поэзия, мифологические образы, «Мельница», «Манускрипт», фейри

Для цитирования: Любарский Р.В. Мифологические образы в рок-поэзии Хелависы (Натальи О'Шей): (на примере альбома «Манускрипт») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 36—47.

Original article

MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE ROCK POETRY OF HELAVISA (NATALIA O'SHAY) (On the example of the album "Manuscript")

Ruslan V. Lyubarsky

Secondary school № 57, Bryansk, Russian Federation, ludmila12a@rambler.ru

Abstract. The rock poetry of Helavisa, the soloist and songwriter of the group "Melnitsa", does not remain without the attention of researchers. Natalia O'Shay's work is considered both in linguistic, musical, and literary aspects. The mythological originality of the works of this author deserves special attention. The relevance of the study of this problem is determined by the fact that Helavisa's rock poetry is characterized by a new approach to depicting the unreal picture of the world in modern literature, including through mythological images. The article considers the specifics of artistic modeling of mythical images in the rock space of Helavisa on the example of the songs of the album "Manuscript". The song "Orange Ballad" is investigated as an artistic space for rethinking the biblical story about Peter and Tabitha as an individual author's romanticized narrative. The song "Philidel" reveals the artistic embodiment of the functions and properties of the images of mythical creatures of Celtic mythology — fairies: "possession of esoteric knowledge" and "power over the forces of nature". Mythopoetics occupies a significant place in Helavisa's album "Manuscript". The album actively shows the contact of elements of the philistine reality with the otherworldly. In the song "Philidel", elements of nature acquire an unreal meaning thanks to a fairy spell. In the "Orange Ballad" there is a romanticized contact of Tabitha with a miracle that has a divine origin. However, unlike the rest of Helavisa's practice, the album contains the idea of the diversity of worlds, embodied with the help of mythological creatures ("Genie", "Griffin").

Keywords: Helavisa, rock poetry, mythological images, "Mill", "Manuscript", fairy

For citation: Lyubarsky R.V. Mythological images in the rock poetry of Helavisa (Natalia O'Shea): (On the example of the album "Manuscript"), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 36—47.

Рок-поэзия Хелависы (Натальи О'Шей), солистки и автора текстов группы «Мельница», стала предметом исследования многих научных работ. Д.В. Хусаинова и О.И. Осетрова рассматривают творчество Хелависы в языковедческом аспекте. Авторы исследуют семантическое поле «Растения» в контексте песен рок-исполнительницы [Хусаинова, Осетрова].

О.В. Пивницкая, в свою очередь, изучает произведения Хелависы как феномен фолк-этно-рока: «Творчество группы "Мельница" характеризует неповторимое сочетание фолка и рока (в музыке) с эпосом и фэнтези — в песенных текстах. Особого внимания заслуживает вокал Натальи О'Шей» [Пивницкая: 130]. Автор отмечает, что работа Хелависы, связанная с освоением кельтских народных песен, отразилась как на её вокале (сочетание русской и ирландской песенной традиции), так и на создании текстов для группы «Мельница».

Творчество Натальи О'Шей богато элементами мифологического сознания разных культур. Следовательно, особое внимание уделяется изучению как мифопоэтической системы произведений группы «Мельница», так и ее отдельных мифологических составляющих. Е.К. Дробышева анализирует мифопоэтику А. Васильева и Н. О'Шей, которая является следствием заимствования мифологических образов и сюжетов [Дробышева]. Д.А. Холина

и Е.Г. Тер-Оганова рассматривают понятие смерть во взаимодействии с мифопоэтическим пространством произведений Хелависы [Холина, Тер-Оганова]. Однако К.И. Одинцова и М.В. Олюнина сосредоточились на мифообразе кицуне из одноименной песни Хелависы [Одинцова, Олюнина]. Образ кицуне в песне является следствием переосмысления образа лисы-оборотня из японского фольклора как символического изображения гармоничной любви.

Мы, в свою очередь, в статье «Художественное моделирование идей К. Кастанеды в рок-поэзии Хелависы» исследовали специфику художественного воплощения концепций Карлоса Кастанеды, основанных на мифологии индейцев яки, в песнях Хелависы «Дорога Сна», «Воин Вереска» и «Шаман» [Любарский 2016]. При этом в статье «Освоение концепции “многообразие миров” К. Кастанеды в рок-поэзии Хелависы» мы сосредотачиваем внимание на сущности отражения идеи «многомирия» Кастанеды в рок-пространстве Натальи О’Шей [Любарский 2019].

Отдельного внимания заслуживает специфика воплощения мифологических образов в песнях из альбома Хелависы «Манускрипт», выпущенного в 2021 году. При этом песни «Грифон» и «Мне нужен снег» Хелависа написала в соавторстве с Ольгой Лишиной.

Песня «Апельсиновая баллада» представляет собой художественное пространство, в котором Хелависа переосмысляет библейский сюжет о Петре и Тавифе. Согласно христианской мифологии жизнь Тавифы была праведной: «В Иупии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: “серна”; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь» [Новый Завет... 9:36: 269]. Апостол Петр, узнав о смерти Тавифы, возвращает ее к жизни: «Петр выслал всех вон, и, преклонив колена, помолился, и, обратившись к телу, сказал: “Тавифа! встань”. И она открыла глаза свои и, увидевши Петра, села» [Новый Завет... 9:40: 269]. Именно жизнь Тавифы, посвященная христианским добродетелям, послужила катализатором для ее последующего воскрешения апостолом Петром. «Апельсиновая баллада», напротив, следствие художественного моделирования образов Петра и Тавифы, помещенных в субъективно-авторский сюжет, основанный на библейском.

Произведение начинается с изображения автором девушки, находящейся вне этого мира:

Этот город соткан из цветов,
Между берегов, садов, мостов —
Девушка, застрявшая во времени [Мельница]¹

Обывательская реальность характеризуется определенным течением времени. Следовательно, присутствие героини в произведении в качестве «застрявшей во времени» свидетельствует о том, что она не подчиняется темпоральным законам повседневности. Значит, персонаж Хелависы находится в инобытийном мире. Обратнический мотив, представленный в песне, дает понять, что таинственный персонаж Натальи О’Шей — это Тавифа:

Было бы куда вернуться,
Враз проснуться, разогнуться, и
Обернуться золотою серною... [Мельница]

¹ Здесь и далее тексты Мельницы приводятся по этому источнику.

В «Новом Завете» упоминается, что ономастика имени Тавифа связана с «серной». Однако стремление пробудиться трактуется как преодоление смерти главной героиней посредством мистического преображения в «золотую серну». Данный аспект свидетельствует о магической природе персонажа Хелависы. Преодоление смерти коррелирует с возвратом Тавифы из ирреального пространства, находящегося за пределами временного хода обывательского мира. В следующем куплете пробуждение ото сна все больше отождествляется со смертью. Неслучайно Наталья О'Шей вводит в свое произведение мифический мотив воскрешения Тавифы апостолом Петром, упоминая, что «смерти больше нет»:

Встань и иди!
Иди ко мне, смерти больше нет, Тавифа,
Встань и шагай —
Шагай за мною, из камня по камню за мной,
За мной, Тавифа... [Мельница]

Тем самым Тавифа существует вне времени обывательской реальности, что связано с пребыванием праведницы в инобытии, которое, в свою очередь, является своеобразным миром смерти, из которого ее спасает Петр. При этом призыв следовать за Петром, направленный к Тавифе, свидетельствует об определенной связи между праведниками. Однако в отличие от трактуемых лишь с библейской позиции персонажей, а именно: совершающий по отношению к праведно живущему субъекту чудо апостол, образы Петра и Тавифы осмысляются Хелависой как романтизированные. Ночь становится интимным миром для духовно близких героев. Таким образом, их духовное единение солистка группы «Мельница» показывает через метафоры «двери» и «ключа»:

Если ты мне дверь,
Я тебе стану ключом
<...>
Двое в ночи,
Ветер горчит... [Мельница]

Библейская праведность Тавифы сопряжена с метафорическим осмыслением сердца героини в качестве апельсина. Неспроста осуществляется сравнение сердца-апельсина с луной, которая, наряду с ночью, также создает романтический ореол для Петра и Тавифы. Хелависа пишет: «Рыжая луна — / Как сердца твоего апельсин» [Мельница]. В европейском романтизме авторами активно использовался хронотоп ночи. По мнению различных исследователей, ночь служит укрытием от неприглядной жизни и вносит в нее недостающую гармонию. Как правило, авторы описывают интимную ночную обстановку: свет звезд и луны. В.А. Красман пишет, что «в романтических текстах часто выводится на первый план иллюзорность ночи, её фантастичность, связанная с категорией сна. Возникают проблемы соотношения сна и смерти, сна и иллюзии, сна и яви» [Красман: 19]. В мифологическом пространстве Хелависы мир смерти соотнесен со сном, а ночной хронотоп представляет собой укрытие от данной реальности в повседневной обстановке города.

Таким образом, помимо включения в произведение индивидуально-авторского инобытийного феномена, Хелависа превращает апостольское деяние в романтизированный сюжет о двух духовно близких героях.

Песня Хелависы «Филидель» имеет мистическую основу. Как свидетельствует Наталья О'Шей: «Пару лет назад мне довелось заниматься переводом пьесы Джона Драйдена “Король Артур, или Честь Британии” для постановки соответствующей оперы Генри Перселла. Постановка эта особо не прогремела, и текст никуда не пошел, но колдовские стишки гендерно неопределившегося фейри Филиделя я отложила в свою записку, поскольку есть в них и “истинно английская магия”, и ритм, хорошо дающийся русскому языку переводчика, выросшему на Маршаке и Лозинском» [Хелависа рассказала магическую...]. Фейри представляют собой фантастических существ из кельтской мифологии, которые получили известность благодаря публикациям английских писателей. В кельтском фольклоре образ фейри трактовали неоднозначно: одни жили вдалеке от людей, при этом встреча с данными волшебными созданиями могла завершиться бедой; другие были друзьями, оберегающими человека от несчастий. Следовательно, фейри Филидель, являющийся героем одноименной песни, имеет ирреальную природу. В произведении Натальи О'Шей Филидель — магический друг и помощник Короля:

Кто с тобою до конца,
Кто поклялся быть с тобой —
Я с тобою, мой Король [Мельница]

В творчестве У. Шекспира фейри изображаются в качестве сверхъестественных существ, обладающих мистическими функциями и свойствами. По мнению С.О. Зотова: «фейри в представлении Шекспира — это прежде всего существа, обладающие сверхъестественными свойствами: скоростью, размерами» [Зотов: 297]. Песня Хелависы не является исключением: фейри Филидель также наделен магическими способностями. В произведении Филидель произносит заклинание, которое должно определенным образом помочь Королю. С другой стороны, сама песня Хелависы и есть цельное колдовское заклинание фейри Филиделя. Однако в этой ритуально-магической речи фейри призывает силы природы:

Ты морозен и искрист,
Господин мой Остролист,
<...>
В горло сбитый свиристель —
Повелитель певчих птиц,
Зимних радужных зарниц [Мельница]

В магическом призыве Филиделя растение остролист выполняет функцию божества природы. Остролист представляет собой растение, способное выживать в практически любых природных условиях и вооруженное колючками и ядовитыми кроваво-красными ягодами. Филидель просит связанные с данным аспектом ирреальные силы защитить Короля в битве, в которой правителю будет необходима устойчивость ко всем невзгодам, а также возможность дать отпор неприятелю. Помимо Остролиста в роли божества, управляющего определенными природными элементами, выступает «повелитель певчих птиц» и «радужных зарниц» — свиристель. Как пишет О.А. Плахова,

«наделение объектов жизнью, владение тайнами жизни и смерти — прерогатива богов, и в этом плане, являясь по своей сути природными духами, фейри, уступая древним богам в могуществе, тем не менее, имеют огромную власть над природой» [Плахова: 243]. Также О.А. Плахова отмечает связь фейри с природой посредством водной стихии, что наблюдается в англоязычных сказках: «В англоязычном сказочном дискурсе водоемы являются привычным местом обитания водных духов, хотя отмечены также отдельные случаи упоминания водных источников в качестве ареала распространения фейри» [Плахова: 358]. Следовательно, Филитель в произведении Хелависы выполняет типичную функциональную особенность фейри — власть над природой.

Помимо вышеописанных божеств, фейри возносит мольбы и к Чертополоху. При этом Чертополох также приобретает в песне не только категорию одушевленности, но и божественный статус:

Ты хозяин верных слов,
Господин Чертополох,
Ветер северных племён,
Мастер истинных имён
Мастер истинных мастей... [Мельница]

Магически-божественная сущность Чертополоха заключается не только в его связи с определенным родом природной составляющей. Чертополох вбирает в себя сакральные мистические знания: он властелин слов, являющихся основой человеческого представления о мире. О.А. Плахова при изучении англоязычного сказочного дискурса выделяет «эзотерическое знание» как функциональную особенность фейри. Как поясняет исследователь, «знания фейри, значительно превосходящие глубиной проникновения в суть вещей знания человека, манифестируются в сказочном дискурсе в ЛЕ с корневой основой know...» [Плахова: 243]. Не менее интересно изображение в колдовской песне-заклинании Филителя старца Можжевельника. Данное ирреальное создание так же, как и Чертополох, обладает тайными сведениями о сути вещей. Однако сакральный характер знаний коррелирует с осведомленностью субъекта о грядущей беде. При этом сведения о возможной неприятности доступны лишь Королю и его верному другу Филителю. Хелависа пишет:

Ох и тяжела рука
Старца-Можжевельника,
<...>
Совы дремлют на ветвях
Совы дремлют на костях,
<...>
Обернёшься — жди беды [Мельница]

О Можжевельнике как о вместилище магических знаний свидетельствуют совы, располагающие как на ветвях божества, так и на костях погибших. В греческой мифологии сова была спутницей богини Афины и олицетворяла, как и сама богиня, мудрость и сопряженные с ней познания. Таким образом, божество Чертополох, как и Можжевельник, вбирает в себя одну из важнейших функций фейри — «носитель эзотерического знания». При этом если Филитель способен призвать силу данного божества, а также направлять

ее в определенное русло, то эзотерические знания Чертополоха и Можжевельника отчасти доступны и фейри.

Произведение «Грифон» является пространством для моделирования исторических составляющих древнеримской цивилизации. Причем на ее фоне лирический герой песни желает, чтобы его нашел близкий ему человек — брат. При этом ожидающий брата находится на грани гибели:

То ли рычат львы императора,
То ли мотор ревет за стеной,
Если здесь брат убивает брата,
Брат мой — явись за мной.
<...>
Покуда зверям меня не отдали,
Брат мой — найди меня,
Брат мой — найди [Мельница]

Хелависа и Лишина описывают древнеримский мир посредством лексем «львы» и «император», которые являются его неотъемлемой частью. Своего предполагаемого брата лирический герой связывает с мифологическим существом — грифоном:

Мне нужен волк — говорила она —
Мне нужен орёл,
Мир добела раскалён.
Мне нужен орёл — говорила она —
Мне нужен волк,
И может быть, даже грифон [Мельница]

По мнению, А.И. Мацыны, мифический образ грифона — следствие мышления людей, отражающий концепцию «многомирия». По мнению исследователя, «птицы были отображением верхнего мира, копытные изображали срединный мир, а представителями нижнего мира выступали рыбы и пресмыкающиеся» [Мацына: 16]. Однако «грифон — существо одновременно и хищное, и крылатое, не чуждое верхнему миру — связывает, объединяет собой все три зоны мироздания. Он прекрасно вписывается в схему Мирового Дерева, ствол которого мыслился не только как ось мира, но и как путь, по которому можно перемещаться из одного мира в другой, связь между мирами представлялась необходимой и для богов, и для людей» [Мацына: 16].

Следовательно, в песне Хелависы и Лишиной лирический герой сначала олицетворяет родного ему человека с волком, тем самым связывая собственного брата со срединным миром. Но неопределенность персонажа Хелависы и Лишиной приводит к тому, что он уже предполагает сопряженность своего брата с орлом — верхним миром. В конечном итоге, нуждающийся в близком человеке герой останавливается на грифоне, выполняющем схожие с шаманом функции проводника между реальностями. Соотнесение брата с грифоном делает данного субъекта ирреальным явлением, способным перемещаться между действительностями. Тем самым возникает мифопоэтическое пространство, состоящее из двух отдельных реальностей — срединной и верхней, объединенных с помощью образа грифона и мифа о Мировом Дереве. Стоит отметить, что обе части мифообраза грифона так или иначе присутствуют в песне. Кроме орла, олицетворяющего отнесенность субъекта

к верхнему миру, в «Грифоне» появляется лев, составляющая срединной действительности, как элемент Древнего Рима, выступающий скорой причиной смерти персонажа песни. В желании совместить близкого человека с грифоном прослеживается намерение уйти от смертельной участи в повседневном мире путем перемещения в новую реальность.

Данное мифопоэтическое пространство, основанное на связи образа грифона и мифологической концепции Мирового Дерева, типологически сходно с многоуровневым построением мироздания Карлоса Кастанеды. По мнению мистика, «мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем — это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш, но не совпадающие с ним» [Кастанеда 2013а: 194]. Если мифопространство песни Хелависы и Лишиной соткано из представления о двух возможных мирах, то концепция Кастанеды предполагает наличие бесконечного множества действительностей.

Похожая мифолого-художественная модель представлена в песне «Джинн». Произведение начинается с описания лирической героиней собственного дома, который примечателен «царственными лозами», «кварцевыми листьями» и «пепельными гроздьями»:

У моего дома царственные лозы —
Кварцевые листья, пепельные грозди
Лозы из гробницы, лозы из раскопа
Их прямые спины — словно древки копий [Мельница]

Однако героиня покинула родные пенаты. При этом уход из дома сопровождается разбитием лампы, после чего джинн вырывается наружу:

Я ушла из дома, я разбила лампу,
Выпустила в поле верхового джинна
Там, где зрели лозы — зреют только камни
Не найти домой дорогу мне отныне [Мельница]

Как отмечают В.А. Матросов и М.В. Кривошеева, джинны — сверхъестественные существа исламской мифологии, которые «являются разумными существами, сотворенными Аллахом из чистого пламени. Как и люди, они обладают категорией души (нафс), что позволяет им выбирать между добром и злом, между правильными и неправильными поступками: словом, они могут встать на праведный путь, или же отречься от Всевышнего. Обитая рядом с людьми, джинны остаются невидимыми для них и формируют нечто вроде “параллельного мира”» [Матросов, Кривошеева: 99]. Помимо частично отраженного в песне западноевропейского представления о джинне, который должен находиться в лампе, образ данного сверхсущества не может осмыслиться вне исламского вероучения. Так как джинны обитают в отличной от обывательского мира действительности, то, скорее всего, выпущенный на волю героиней Хелависы ирреальный феномен оказался в своей родной стихии.

Н.А. Маничкин рассматривает образ джинна в качестве «множества мелких существ, подчас имеющих зооморфный облик (преимущественно, насекомых, пресмыкающихся или амфибий) и могущих принимать разнообразные формы; джинны связаны с темной, ночной стороной бытия, могут входить в человека и выходить из него (часто через рот); джинны обладают

волшебной силой и помогают шаманам, даруя им магическую власть и возможность преодолевать “границы миров”» [Маничкин: 184]. Следовательно, джинн не только живет в ирреальной действительности, но и способен путешествовать между мирами. Причем данные инобытийные существа могут служить источником силы шаманов для перемещения из одной действительности в другую. Герой Хелависы никогда не сможет найти дорогу домой без джинна. Тем самым джинн являлся своеобразным проводником в иную реальность для персонажа солистки группы «Мельница», а значит дом лирической героини — инобытийная действительность. Мотив недостижимости собственного дома в песне Хелависы соотносится с идеей мнимости Икстлана Кастанеды. Дон Хенаро, сколько бы он ни шел, никогда не достигнет Икстлана, что ставит под сомнение существование данного города: «— Я никогда не дойду до Икстлана, — твердо, но очень тихо, едва слышно проговорил он. — Иногда бывает — я чувствую, что вот-вот, еще немного, еще один шаг — и я дойду. Но этого не будет никогда”» [Кастанеда 2013b: 283]. Прозрачность кастанедовского города превращает его в инобытийное явление. Следовательно, дом героини Хелависы также связан с категорией мнимости, что противопоставляет его обыденной реальности и приобщает к ирреальной.

При этом дом героини Хелависы является инобытийным феноменом не только в связи с его недостижимостью без потусторонней помощи и мифологической природой ирреального создания, но и с необходимостью использования самого могущественного джинна для путешествия в место «царственных лоз». Данный аспект расходится с западноевропейским представлением о джиннах, исходя из которого любой из них, благодаря словесно выраженному желанию, смог бы осуществить перемещение в любую точку мира, которая бы не являлась иной действительностью.

Неслучайно потерявший дорогу к родному дому выражает намерение получить сильнейшего джинна для того, чтобы оказаться в желаемом месте:

Просто мне нужен джинн,
Мне очень нужен джинн, любой ценою
Нужен отменный джинн, чтоб добраться домой, царь царей [Мельница]

Мифологическое пространство, аналогичное присутствующему в песне «Грифон», произведения «Джинн» состоит из мистической идеи о нескольких мирах, а также о джинне, способном не только находиться в инобытии, но и осуществлять перемещение туда того или иного субъекта. Таким образом, песни «Джинн» и «Грифон» представляют собой мифопоэтическую систему, основа которой — представление о «многомирии». Причем составными мифологическими элементами этой системы являются джинн и грифон.

Мифопоэтика занимает значимое место в альбоме Хелависы «Манускрипт». Песни наполнены образами волшебных существ («Джинн», «Грифон», «Филидель»). При этом в произведении «Апельсиновая баллада» присутствуют художественно переосмысленные библейские персонажи — Петр и Тавифа. Однако в песне «Апельсиновая джига», где нет внешнего наполнения мифообразами, прослеживается связь образа «апельсиновой кожуры» с «сердцем-апельсином» из «Апельсиновой баллады», связанном с мифической героиней Тавифой. В альбоме активно проявляется взаимодействие элементов магической действительности и составляющих обывательского мира посредством ирреального создания. Неслучайно в песне «Филидель» природа,

часть мира людей, наполняется ирреальным смыслом благодаря заклинанию фейри. А в произведении «Апельсиновая баллада» происходит романтизированное соприкосновение Тавифы с чудом, имеющим божественную основу. Однако, в отличие от остальной практики Хелависы, в альбоме содержится аллюзия на существование множества реальностей, реализованная с помощью мифологических существ («Джинн», «Грифон»).

Список литературы / References

- Дробышева Е.К. Мифопоэтический компонент и его функции в лирике А. Васильева и Н. О'Шей // Филологические открытия: сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции. Владивосток, 2019. С. 202—206.
(Drobysheva E.K. The mythopoetic component and its functions in the lyrics of A. Vasiliev and N. O'Shay, *Philological discoveries. Collection of scientific articles of the VII International Scientific and Methodological Conference*, Vladivostok, 2019, pp. 202—206. — In Russ.)
- Зотов С.О. Фольклор или литература: образы фейри и ведьм в пьесах Шекспира // Научный потенциал: работы молодых ученых. 2015. № 1. С. 295—303.
(Zotov S.O. Folklore or literature: images of fairies and witches in the plays of Shekspir, *Scientific potential: works of young scientists*, 2015, no. 1, pp. 295—303. — In Russ.)
- Кастанеда К. Искусство Сновидения. М.: София, 2013а. 288 с.
(Kastaneda K. *The Art of Dreaming*, Moscow, 2013a. 288 p. — In Russ.)
- Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М.: София, 2013б. 288 с.
(Kastaneda K. *Journey to Ixtlan*, Moscow, 2013b. 288 p. — In Russ.)
- Красман В.А. К вопросу о специфике «ночного хронотопа» в европейском романтизме // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 5 (28). С. 18—20.
(Krasman V.A. On the question of the specifics of the “night chronotope” in European Romanticism, *Young Scientist*, 2011, vol. 2, no. 5 (28), pp. 18—20. — In Russ.)
- Любарский Р.В. Освоение концепции «многообразие миров» в рок-поэзии Хелависы // Образовательная система в рамках процесса совершенствования современного научного знания: сборник научных трудов. 2019. С. 21—25.
(Lyubarskij R.V. Mastering the concept of “diversity of worlds” in the rock poetry of Helavisa, *The educational system as part of the process of improving modern scientific knowledge. Collection of scientific papers*, 2019, pp. 21—25. — In Russ.)
- Любарский Р.В. Художественное моделирование идей К. Кастанеды в рок-поэзии Хелависы // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 141—148.
(Lyubarskij R.V. Artistic modeling of K. Castaneda's ideas in Helavisa's rock poetry, *The Bryansk State University Herald*, 2016, no. 4 (30), pp. 141—148. — In Russ.)
- Маничкин Н.А. Образ джинна в центрально-азиатском фольклоре // Наука, новые технологии и инновации. 2015. № 3. С. 182—184.
(Manichkin N.A. The image of the genie in Central Asian folklore, *Science, new technologies and innovations*, 2015, no. 3, pp. 182—184. — In Russ.)
- Матросов В.А., Кривошеева М.В. Между джинн и шайттин: недосказанное // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 96—108.
(Matrosov V.A., Krivosheeva M.V. Between jinn and shaitin: the unsaid, *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, 2020, no. 2 (12), pp. 96—108. — In Russ.)

- Мацына А.И. Грифон. К содержанию образа // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 1 (9). С. 15—34.
(Macyna A.I. Gryphon. To the content of the image, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1999, no. 1 (9), pp. 15—34. — In Russ.)
- Мельница — Манускрипт (2021) // Мельница — официальный сайт. URL: <https://melnitsa.info/portfolio/manuscript/> (дата обращения: 06.12.2021).
(Mel'nica — Manuscript (2021), *Mel'nica — official site*. — In Russ.)
- Новый Завет и псалтырь. 655 с.
(The New Testament and the Psalter. 655 p. — In Russ.)
- Одинцова К.И., Олюнина М.В. Образ китцуне в одноименной песне группы «Мельница» // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV Международной молодежной научно-практической конференции. 2018. С. 296—300.
(Odincova K.I., Oljunina M.V. The image of kitsune in the song of the same name by the group “Mel'nica”, *World literature through the eyes of modern youth. The digital age. Collection of materials of the IV International Youth Scientific and practical Conference*, 2018, pp. 296—300. — In Russ.)
- Пивницкая О.В. Феномен фолк-этно-рока в отечественной песенной культуре и перспективы его освоения в классе эстрадно-джазового вокала // Музыкальное искусство и образование. 2021. Т. 9, № 1. С. 121—135.
(Pivnickaja O.V. The phenomenon of folk-ethno-rock in the Russian song culture and the prospects for its development in the class of pop-jazz vocals, *Musical Art and Education*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 121—135. — In Russ.)
- Плахова О.А. Влияние кельтской мифологической традиции на мифологические представления в англоязычном сказочном дискурсе // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 357—361.
(Plahova O.A. The influence of the Celtic mythological tradition on mythological representations in the English-language fairy-tale discourse, *Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 357—361. — In Russ.)
- Плахова О.А. Манифестация представлений о фейри как носителях магического знания в англоязычном сказочном дискурсе // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 3 (26). С. 239 — 248.
(Plahova O.A. Manifestation of ideas about fairies as carriers of magical knowledge in English fairy-tale discourse, *Bulletin of Pacific National University*, 2012, no. 3 (26), pp. 239—248. — In Russ.)
- Хелависа рассказала магическую историю песни «Филидель» // Наше радио. 2021. 21 март. URL: <https://www.nashe.ru/news/khelavisa-rasskazala-magicheskuyu-istoriyu-pesni-filidel/> (дата обращения: 30.01.2021).
(Helavisa told the magical story of the song “Filidel”, *Our Radio — official site*, March 21, 2021. — In Russ.)
- Холина Д.А., Тер-Оганова Е.Г. Концептуализация смерти в мифопоэтической картине мира современной русской рок-поэзии (на примере творчества группы «Мельница») // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 257—272.
(Holina D.A., Ter-Oganova E.G. Conceptualization of death in the mythopoetic picture of the world of modern Russian rock poetry (on the example of the creativity of the group “Mel'nica”), *Language, communication and social environment*, 2012, no. 10, pp. 257—272. — In Russ.)

Хусаинова Д.В., Осетрова О.И. Сематическое поле «растения» в творчестве Н.А. О'Шей // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. Лингвистика. Вып. 1 (25). Ульяновск: УлГУ, 2020. С. 37—40.

(Husainova D.V., Osetrova O.I. The semantic field of “plants” in the works of N.A. O'Shay, *Scientific notes of the Ulyanovsk State University. Actual problems of the theory of language and linguodidactics. Linguistics series*, Ulyanovsk, 2020, iss. 1 (25), pp. 37—40. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 08.12.2022; approved after reviewing 06.02.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Любарский Руслан Васильевич — кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 57, г. Брянск, Россия, ludmila12a@rambler.ru

Lubarsky Ruslan Vasilyevich — Candidate of Sciences (Philology), teacher of Russian language and literature, Secondary school № 57, Bryansk, Russian Federation, ludmila12a@rambler.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 48—57.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 48—57.

Научная статья

УДК 821.161.1-31

DOI: 10.46726/И.2022.4.5

ПОКАЯННЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ПАЛИСАНДРИЯ»

Елена Михайловна Тюленева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению покаянного дискурса, представляющего одним из наиболее устойчивых в полидискурсном пространстве романа Саши Соколова «Палисандрия» и в целом характерного для сверхтекста писателя. Именно в «Палисандрии» рефлексия феномена раскаяния и работа с ним становится сюжетообразующим и провоцирующим нарратацию фактором, а устойчивость мотива покаяния/раскаяния, его активное варьирование и помещение в различные контексты позволяют говорить еще и о дискурсивности покаяния, то есть разработке его природы, условий, среды, компонентного состава, структуры, иначе говоря — языка покаяния. В ходе исследования анализируются жанровые формы, концептуальные единицы, тезаурус и своеобразные семантические гнезда «покаяния», а также причины и механизмы их деконструкции. Показывается, что в тексте реализуется нарративная стратегия обнаружения и выведения на поверхность как «вещества» симуляции, так и находящегося с ним в сложных пересечениях «вещества» покаяния. Разрушение первого не всегда приводит к осуществлению второго, поэтому более существенным оказывается выявление и расширение собственных дискурсивных возможностей покаяния.

Ключевые слова: Саша Соколов, Палисандрия, полифония, полиморфный нарратор, покаяние, покаянный дискурс, симулятивность

Для цитирования: Тюленева Е.М. Покаянный дискурс в романе Саши Соколова «Палисандрия» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 48—57.

Original article

A DISCOURSE OF REPENTANCE IN SASHA SOKOLOV'S NOVEL "PALISANDRIIA"

Elena M. Tyuleneva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

Abstract. The article deals with repentant discourse, one of the most stable in the polydiscursive space of Sasha Sokolov's novel "Palisandriia" and generally characteristic of the writer's supertext. Reflection on the phenomenon of repentance becomes plot-forming precisely in "Palisandriia", it provokes narration, and the stability of the motif of repentance/remorse, its active variation and placement in various contexts allow us to speak about the discursiveness of repentance — about the development of its nature, conditions, environment, component composition, structure, in other words, the language of repentance. The study analyzes genre forms, conceptual units, thesaurus and peculiar semantic nests of 'repentance', as well as the causes and mechanisms of their deconstruction. The article shows that the text implements a narrative strategy for detecting both the "substance" of simulation and the "substance" of repentance that is in complex intersections with it. The destruction of the first does not always lead to the implementation of the second, therefore, it is more important to identify and expand one's own discursive possibilities of repentance.

Keywords: Sasha Sokolov, Palisandriia, polyphony, polymorphic narrator, repentance, repentant discourse, simulativeness

For citation: Tyuleneva E.M. A discourse of repentance in Sasha Sokolov's novel "Palisandriia", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 48—57.

В полифонии дискурсов, формирующей текст «Палисандрии» Саши Соколова и репрезентирующей полиморфного [Жолковский: 67] нарратора — Палисандра Дальберга, одним из дискурсов-голосов оказывается покаяние. Вообще, покаяние/раскаяние — довольно устойчивый компонент в сверхтексте Соколова: есть он и в романе «Между собакой и волком», и в прозе «Филорнит», и в целом входит в тезаурус концептов, организующих внутреннее романтическое поле соколовского нарратива, где для субъекта наррации и/или лирического героя, сколь бы ни был он подвержен метаморфозам и отождествлениям-неразличениям, вопрос самоидентификации и, соответственно, индивидуального выбора, всегда важен. И, учитывая общий скепсис Соколова по отношению к конвенциональности, раскаяние в этих ситуациях эквивалентно отказу от себя (своего) и уступке конформизму. В этом смысле «Палисандрия» как пример наиболее явной деструкции риторичности и ритуальности социального будет особенно интересен. Здесь, с одной стороны, для героя, находящегося в ситуации несвободы, покаянный дискурс предстает как нечто навязанное и мнимое. Закономерно, что раскаяние, которого настойчиво и порой агрессивно добиваются от героя, будет всячески дискредитироваться и травестироваться. Но с другой стороны, рефлексия феномена раскаяния и работа Палисандра с ним становится сюжетообразующим и провоцирующим наррацию фактором, а устойчивость мотива покаяния/раскаяния, его активное варьирование и тщательное прописывание позволяют говорить еще и о дискурсивности покаяния, то есть разработке его природы, условий, контекстов, компонентного состава, структуры, иначе говоря — языка покаяния. И в этом плане роман оказался непрочитанным.

А, думается, при современной его реактуализации этот момент будет едва ли не самым важным как в прагматическом, так и исследовательском смыслах.

«Палисандрия» — роман-пастиш, и уже установка Соколова на пародийную работу с жанрами, на которую обращают внимание все исследователи — с отсылкой к биографическому компоненту [Johnson] или исходя из собственно текстовой логики [Липовецкий], [Савельзон], формирует определенную дискурсивную интонацию. Ее компонентный набор формируется между двумя полюсами — «свое» и «чужое» — и реализуется в конфликте между ними. Соответственно, мемуаристика как массовый, популярный жанр эмигрантской литературы для Соколова — очевидно «чужое», с ним ведется борьба: обнажением приема, стилизацией, гиперболизацией, умножением вплоть до тавтологии и т. п. Но постмодернистская интенция приводит работу по «распаковке» жанра к обнаружению «своих» элементов и, как следствие, к своеобразной деконцептуализации устойчивых жанровых структур.

Посмотрим, как это происходит. Одним из первостепенных жанровых параметров *покаяния* выступает исповедальность как демонстрация серьезности намерения и ожидаемого качества высказывания (подлинности, предельности и т. п.). Именно на этой жанровой платформе строится субъективный нарратив «Палисандрии»: перед читателем не просто записки Палисандра, но его исповедь. Этот факт действительно подчеркивается самим Дальбергом, многократно им упоминается/напоминается, и читатель не имеет шанса о нем забыть. Однако он метанарративно усиливается в характеристике состояния героя и специфики его письма, которую дает симулятивный биограф: «Отдавшись на волю исповедальной горячки, Дальберг с первой до последней строки творит исступленно, не останавливая бега пера ни перед какими условностями» (8)*. Градус достоверности повышается указанием конкретных дат: Дальберг заканчивает рукопись и подписывает ее 2044 годом, а безымянный Биограф свое предупреждение делает в 2757 году. Таким образом, исповедь как бы дважды закодирована знаками подлинности, а судя по разрыву в 7 веков, еще и ценности. Конечно, в условиях симулятивного и пастишного текста подобные ритуализации и умножения работают в основном на опустошение формулы, жанра и отчасти содержания. Но в процессе деконструкции неминуемо актуализируют *подлинность*, если не в смысле проблематики, то в плане организации высказывания героя-нарратора. Именно романтический соколовский подтекст заставляет относиться к такого рода феноменам весьма серьезно: сколь бы трикстерским не были речевые жесты Палисандра, в какие мистификации или трагедии он не пускался, в рамках его авторского дискурса это должно быть максимально подлинно (потому что и для героя, и для автора это — искусство). Точно также разработка симулятивности, которую можно рассматривать как главный процесс в тексте, сопровождается знаками максимальной подлинности (искренности и достоверности). Собственно, из этого основания исходит та сложность покаянного дискурса в романе, которую мы собираемся показать.

Так, героем-нарратором тщательно воспроизводятся атрибутивные и наиболее показательные параметры исповеди: пограничный хронотоп с соответствующими маркерами (сумрак, свеча, угроза равелина), ностальгические

---

* Здесь и далее текст романа цитируется по: [Соколов] с указанием в скобках страниц.

мотивы (молодость), обращение к образцам («в ту пору, попав под влияние Руссо, я уже приступаю гербаризировать» (76), мемуаризация (исповедь начинает создаваться в рамках «Книги Изгнания»). На протяжении текста активно поддерживается «качество» исповеди: за счет ее подробности и многоаспектности; предельной искренности и откровенности, порой доведенной до лингвистического предела; перевода в экзистенциальный план («Хотелось прижаться к кому бы то ни было всем собою, хотелось забыться в исповеди, хотелось тепла. А меж тем — сквозило» (287)); наконец, необыкновенной ответственности за ее «художественное» оформление — в заключительной Книге Палисандр резюмирует: «с присущей мне щедростью выразительных средств — исповедался в своих обстоятельствах» (277). Показательно, что другие персонажи — в противовес Палисандру живущие в логике системы — исповедоваться либо не хотят, либо нарушают законы и ритуалы исповеди в большей степени, чем сам Дальберг, либо подменяют содержание и назначение исповеди: «не пожелал» исповедаться Брежнев; Мажорет «на продолжении исповеди ... по-детски дерзила, капризничала и показывала ему язык» (305); Стрюцкий «исповедался мне, что в прошлую среду, а также в четверг и пятницу не упустил своего» (237). А в определенный момент исповедь меняет свой жанровый функционал и выступает как элемент текста, источник, на основании которого строится новая наррация: «И он изложил мне свою гипотезу, основанную на моей исповеди» (289). Все это говорит о развитии двух параллельных авторских стратегий. Одна, несомненно, направлена на травестирование жанра: через утрирование, стилизацию, пародирование симулируются и, закономерно, разрушаются как формула и ситуация исповеди, так и ее содержание. Другая — нацелена на его о-своение и разработку. Здесь показательно возникновение своеобразных семантических гнезд, не просто умножающих контекст покаяния, но демонстрирующих процесс формирования покаянного тезауруса и усиливающих дискурсивность покаяния.

Во-первых, это отчасти синонимичное покаянию, но все же имеющее свои коннотативные нюансы и находящееся в диалоге с покаянием, *раскаяние*. Раскаяние выступает в тексте как некий конструкт, присутствующий во всех его ключевых элементах. Раскаяться призывают Палисандра как основные, так и факультативные участники наррации, о возможности и границах раскаяния рассуждает он в своей «Исповеди», раскаяние должно изменить судьбу героя и, вероятно, текста. Соответственно, для его уловления отрабатываются всевозможные дискурсивные контексты. Наиболее заметный и тешащий самолюбие самого Дальберга — *героический*, в котором возможны варианты от сознательной жертвенности («Я — безотчетный солдат истории... Не рассуждать! — вот мой четвертый девиз. И хотя мне, по-видимому, предстоят танталовы муки Сибири ... вы напрасно рассчитываете, что я раскаюсь» (211)) и героической фронды («Раскаиваетесь ли вы в содеянном? — последовал вопрос канадской журналистки Викки Габоро. — Ни за какие коврижки!» (188)) до беспечного лихачества («Раскаяться? — отвечали вы. — Хоть сто раз...» (134)) и трезвого расчета («Однако теперь моя карта бита, с былым покончено, я раскаиваюсь и прошу у вас политического убежища» (286)).

Однако более частотный — *профанный*. В этом контексте либо раскаяние деформируется и утрачивает свое (на)значение, либо под сомнение ставятся субъекты, иницирующие и/или совершающие его. Так, одними из первых призывают Палисандра раскаяться многоюродные тетки, которые, однако, в своей многословной речи очень быстро замещают раскаяние

в политическом убийстве признанием в прелюбодействе, а далее и вовсе подменяют «покаянное» и этическое содержание проблемы предельно бытовым интересом («Уважьте, польстите старческому любопытству...» (134)). Раскаяние таким образом отождествляется с необходимостью 'отчитаться перед кем-то', 'соотнести себя с образцом' и, постепенно входя в мещанский дискурс, наконец называется «своим» именем — 'удовлетворение любопытства'. Не случайно в этом контексте педалируется словоформа «тетки» и их число, которое «не поддается учету».

В профанном контексте реализуется и симулятивное раскаяние с мнимым, а потому пародийным наказанием: «Желчную внучку Суслова хотели везти поначалу на грязи, однако врачи настояли на минеральных водах. Учитывая ее чистосердечное раскаяние и что Катя сходила с ума по Лермонтову с его демоническим идеализмом, Ессентуки заменили ей Пятигорском» (102). Развивая этот механизм всеобщей подмены смыслов и объектов, Палисандр открывает для себя возможность подмены субъектов: он замещает собственное раскаяние обнаружением нераскаившихся других и требованием раскаяния от них: «Вы что — саботируете? Мешочничаете? Укрываете пищевые продукты от лиц государственной важности? ... Подумайте, что подумает Трибунал Истории. Раскайтесь, молю вас» (137).

Но есть и более сложные варианты *замещенного раскаяния*, при котором Палисандр выражает желание раскаяться за другого, например, за Шагане. Конечно, здесь не идет речь о жертвенности и избытении чужой вины — для Палисандра это трагифарс: «раскаяться и расплакаться: за нее, за себя, за нас взятых вкупе — нас, без устали, разными способами погубляющих себе души» (109). Но дискурсивное проживание чужого раскаяния показательно. Тем более, что формы такого замещения развиваются: используется и метонимический вариант, в котором Палисандр замещает «свое человеческое», представая орловским скакуном: «участь останков моих сложилась порусски плачевно. Из чалой в яблоках шкуры выделали пару сапог. На Покров сапоги обновили: отправились в них на радостях в храм, а оттуда, покаявшись и не переобуваясь, — в кабак. Где и пропили» (219). Метонимизация, запуская стирание границ, позволяет в контексте бытового и формального практически отождествить покаяние и раскаяние (и то, и другое не более чем опустошенный ритуал), а также поставить в один ряд свое (героя-коня) и максимально чужое (субъектно даже не проявленных персонажей). Собственно, это предельное замещение и последовавшее за ним неразличение дает возможность Соколову соединить все принципиальные моменты раскаяния/покаяния, каким оно видится Палисандру: утрата себя, ритуальность, симулятивность, всегда последующее новое прегрешение. Утратив аксиологичность, раскаяние оформляется в риторические формулы, употребляемые между делом, либо в значении технического сожаления, типа «у меня нет решительно никакого желания вам растолковывать, ... я уже, тем не менее, растолковал. В чем и раскаиваюсь, т. к. делать это гораздо проще, нежели перемаывать целый лист» (24). Как видим, в процессе этой череды подмен раскаяние теряет в статусе, но приобретает в коммуникативной востребованности.

Другой компонент покаянности — *признание*. Формально предшествующий раскаянию, но в речевой практике и в том числе в той ее версии, какую демонстрирует роман, часто синонимичный ему. Как все требуют от Дальберга раскаяния, так все ожидают и признания. И это очередное неразличение дает возможность Палисандру осуществлять свои подмены-замещения, с одной

стороны, травестируя признание, а с другой — умножая примеры самого неразличения, в орбиту которого втягивается все больше элементов. Так, тетки — как только переходят от политического, которое не понятно и не интересно, к бытовому — требуют признания собственной значимости и привязанности к ним; вслед за общественным мнением связывают виновность (не приходил, забыл их) с муками совести, которые должны терзать Палисандра, и его потенциальной маскулинной виновностью, виновностью по определению (здесь, возможно, один из источников размышлений Палисандра о вопросах пола).

Признание так же, как раскаяние, теряет привязку к вине и начинает развиваться в других значениях, заметим, акцентирующих семантику подлинности: *открытие тайны* («— Строга? — Мегера, — признался метрдотель» (108); «он признался, что в своде законов нет ни статей, ни параграфов, касающихся гражданских прав жертв родительской похоти» (197); «Признайся, не юность ли Командора бродила аллеями помпезного твоего погоста, звенела твоими ключами и ключевыми болванками, скрипела рассохшейся обстановкой твоих мебелирашек и караулен стрелецких» (85)) и *откровенный рассказ о себе* («Он согласился, принес извинения, а потом вдруг признался, что грешным делом кропает вирши» (197); «Интуит, мастер сложной дворцовой интриги, я, признаться, вводил Брикабракова в известное заблуждение» (59); «Простите, я вижу, вы смущены, — начал П., в свой черед приближаясь к заветной развязке. — Признаться, я тоже в смятении...» (110)). Но в обоих случаях и тайна, и откровенность весьма факультативны — признается что-то важное, но по большому счету не востребованное ни собеседником, ни абстрактным социумом или Историей, к которым постоянно апеллируют персонажи. Закономерно, что в финальной книге «тайна» и «откровение о себе» пересекаются: «Увы, я приехал сюда не только в качестве потенциального внука, но и как матерый шпион, — признается Дальберг» (288), но и здесь не вызывают особенной коммуникативной реакции. Это давно мир симулятивного признания, в котором признаются все вокруг. Соответственно, текст насыщен словоформами признания, но уже совершенно идиоматическими: «весьма филигранно владея тоскским наречием — должен признаться, на редкость абракадабрым» (37), «в баскском, признаться, я был не слишком силен» (46). Впрочем, и эту пустую формульность Соколов не оставляет без внимания, обрушая и ее стилистическим несовпадением: «М-м, признайтесь, вы любите первоснежье? — А чего его не любить, — возражал де Сидорофф, — мероприятие дельное» (303). Как не отказывает себе в удовольствии через каламбурное разыгрывание достичь апофеоза неразличения: роман о мнимых признаниях героя заканчивается признанием его нобелевским лауреатом («И той же, довольно туманной, осенью литературные мои достижения получили признание у стокгольмских высокоумов» (349)).

Не менее характерный компонент покаяния — *вина*. Уже говорилось о случаях разрыва связи покаяние — вина, вполне ожидаемых в ситуации общей сомнительности покаяния. И, безусловно, активно используются варианты опустошенно-риторического применения словоформы и ее однокоренных вариантов: «Ой, виноват, — отвечал Орест. — Утонченности мне еще не хватает в ухватках. Мужиковат-с» (237); «В дверь просовывается голова моего тюремщика Стрюцкого: Извините, к вам там Виктория» (199); «Но кто, извините меня, кто подарит мне все остальное — все те развлечения и игры, которыми обречен я скрашивать свой досуг в сем узилище» (210). В последнем

случае, впрочем, есть и вполне семантизированная составляющая: речь идет о Палисандре, который в рамках повествования изначально виновен, а потому как будто всегда вынужден извиняться (Ср. «Я тоже более или менее человек, и человеческое, извиняюсь, мне тоже не чуждо» (289)). С этого ракурса и вполне идиоматичное «виновник торжества» применительно к Палисандру звучит двусмысленно: «Что подарить виновнику торжества, который ни в чем не нуждается, у которого есть практически все» (158). Еще более откровенно выглядит применение идиомы к уже умершему Сталину: «Лик виновника невеселого торжества, обрамленный аспидным крепом, глядел на меня с укоризной» (103). Разделение идиомы и разрушение ее семантической устойчивости актуализирует два самостоятельных компонента — «виновник» и «торжество». И если с виновником все понятно, то торжество в этом контексте, вероятно, формирует новую ожидаемую идиому — «торжество справедливости». Эта постоянно действующая комбинаторика порождает множество заходов в пространство вины — формальных и содержательных.

Так, Палисандр-автор извиняется перед читателем за отклонение от задач повествования: «А я, изведя уж изрядную сумму страниц, нисколько не удосудил себя маломальской фабулой. Пропасть моей вины перед Вами — неизгладима» (95). С одной стороны, это риторическая формула, доведенная до гиперболы, а потому пародийная. Но с другой — все абсолютно серьезно: вина нарратора состоит в отсутствии фабульности, то есть понятности и привычности — иначе говоря, это вина в несоответствии требованиям. А эту вину Палисандр всегда готов признать.

Дальберг очень четко проводит различие между виноватым и виновным. «Существо, горделиво прячущее виноватую улыбку в монокль. Большое. И в чем-то глубоко уязвленное. Этаким, извините за наукообразность сравнения, престарелый выкидыш» (89), — говорит он себе. «Виноватая улыбка» — вполне формульный литературный шаблон, в контексте романтической позы уязвленного героя он демонстрирует скорее реакцию на ложное обвинение и подчеркнутую невиновность, чем признак раскаяния. Утверждение своей «без вины виноватости» стимулирует как мужественный отказ героя от раскаяния, так и его романтическую интонацию оскорбленной праведности. Здесь, в отсыле к романтическому дискурсу, есть возможность обозначить «подлинное» и вывести его на поверхность. И акцент на невиновности становится весьма активным. На этой почве начинает развиваться целая линия *невинности* («Се человек, пораженный сиротством, лишенный надежд на увнученье, родины и свободы, реноме и невинности, юности и багажа» (332)). Невинность, подобно другим рассмотренным концептам, синтезирует возможные варианты значений: а) отсутствие вины, невиновность; б) наивность, простодушие; в) девственность, целомудрие. Первое выступает точкой отсчета и одновременно генеративным элементом — его на протяжении всего текста Палисандр пытается отстоять и доказать. Второе — своеобразным адвокатским аргументом. Третье — полем для рефлексий и экспериментов, как самый провокативный и нестабильный элемент. На выходе они формируют искомое неразличение: Палисандр невиновен, безвозрастно наивен и невинен, поскольку изученные им пределы телесности демонстрируют либо свою симулятивность, либо непознаваемость.

Но невинность сама всегда на границе, всегда предощущение травмы: «Не была ли наша невинная снеговая игра, так нелепо закончившаяся, лишь прелюдией к чему-то более непоправимому, роковому? — спросил я себя» (42);

«Осознание своей без вины виноватости, ядовитый осадок косвенного соучастия в преступлении века до сих пор разъедают мне память сердца, и без того истерзанную» (101). Закономерно в рамках изучения контекстов виновности выстраиваются параллели между социальным и телесным. Осмысливая реализацию и воздействие дискурса насилия, Соколов не обнаруживает разницы между этими его проявлениями, а потому отождествляет их и подменяет друг другом: совращение физическое всегда одновременно социальное, и наоборот. В этом смысле парадоксально правыми оказываются тетки, призывающие Дальберга покаяться в политическом убийстве и сбивающиеся на рассуждения о телесных удовольствиях племянника. Не раскаиваясь ни в том, ни в другом, Палисандр активно множит рассказы о своих «прегрешениях», внешне эпатируя слушающих, но в большей степени демонстрируя следующую за повсеместностью привычность и легитимность подмен.

Показательно, что и в разговорах с шантажистом, грозящим ему разоблачением и новым обвинением, Дальберг следует обнаруженной симулятивной логике и выворачивает ситуацию, пользуясь теми дискурсивными возможностями, которые предоставляет ему социальная среда: «Вымогатель! — подвернулось мне хлесткое слово. — Хотите оклеветать невинного. Пользуетесь его несовершеннолетием. Полагаете, если он обретается на поруках, а вы облечены келейным доверием, то поверят вам — не ему. В добрый час — клевете. Однако не обнадеживайтесь, что вследствие шантажа одолжу я вам денег. Наоборот, я одолжу их не вследствие, а вопреки, чтоб вам сделалось покаянно» (35). Используя концептуальный набор защиты (невиновность, несовершеннолетие, клевета), Палисандр формально воспроизводит необходимую ритуальную ситуацию. И в ее опустошенном пространстве совершает свой главный жест — коммуникативный сдвиг: нарушение логики и детерминации (одолжу не вследствие, а вопреки шантажу) производит подмену субъекта покаяния («покаянно» должно стать шантажисту) и обеспечивает моральный выигрыш Палисандру. Фактически произведенный эффектный жест не меняет смысл: герой так или иначе платит шантажисту, но он обнажает механизм и само вещество симуляции. По сути, Палисандр своим жестом проявляет симуляцию, ее плотность/физичность, воспроизводимость, дискурсивную насыщенность.

Невиновность и нежелание раскаиваться оформляется в *неприкаянность* героя, которая вполне логично встраивается в романтический набор героя-нарратора, создающего грандиозное исповедальное слово: «Таким образом, я и вправду был одинок, неприкаян, а блеска, незаурядности мне было, конечно, не занимать» (38); «Но я ... в придачу ко всем недугам страдаю не только комплексами превосходства и неприкаянности, а и синдромом максимализма. Я, понимаете ли, клинический максималист» (210). Но вместе с тем именно неприкаянность добавляет в комплекс покаяния элемент хронотопического рассеяния, столь важный для понимания текста. Формально Палисандр не-прикаян, потому что 'не пришел к покаянию и не признал вину', но по существу его проблема в отсутствии своего места. Именно это отсутствие замещается калейдоскопом исторических времен и как будто насильственным помещением Палисандра во вневременность. Так в напластованиях симуляций вновь мерцает важная для него как нарратора подлинность: «Что ж, если взглядеться в глаза Истории надлежащим образом, то заметишь под ними и тени усталости, и морщины — следы терзаний, бессонниц» (99). Проблема лишь в том, что ее проявление неминуемо сопровождается использованием

романтических знаков, и если не симулятивности, то вторичности их не может не чувствовать герой. Поэтому ему приходится деконструировать и эти родственные себе концепты.

Это происходит в первую очередь с *терзаниями* и *мучениями*, вероятно, как с наиболее эффектными проявлениями подлинности. С их помощью Палисандр порой осуществляет прямое высказывание: «За что мы столь возлюбили Россию, что, и оставив ее пределы — оставив надолго, если не навсегда, — все никак не можем о ней не терзаться, не маяться — ну за что?» (252); «эти сидоровы, одеяловы и петровы — они-то и составляют тот самый народ, о счастье которого мы все так мучительно и неумело печемся» (302). Мука, боль, терзания — лейтмотивные состояния, роднящие Дальберга с абстрактными другими и, как оказывается, народом, родиной, историей. Но здесь уже сама подлинность, стремящаяся к универсализации, начинает создавать опасность и, чтобы не впасть в новую риторику и новую симуляцию, герою-нарратору необходимо преодолеть собственную уникальность и пафос. И вновь запускаются те же методы пересборки, что применялись к условно враждебным раскаянию и признанию: опустошение через профанизацию («Терзания мои были столь велики, что я даже осунулся. И собрался уже воскричать дяде Юре свое наотрезное нет, как вошли с сообщением, что в парном департаменте пар опять достигает высоких кондиций, и если угодно еще раз попариться, то добро пожаловать» (164); «Более благородной, серийной икотой страдают телеграфисты, актеры, искусствоведы. Следствие их впечатлительности, она может мучать часами, но в конце концов отпускает» (232) — здесь еще и очевидный отсыл к Вен. Ерофееву, использующему те же приемы); ироничное снижение ценности или серьезности («А баронесса — та в одночасье отмучилась. Дело житейское, знаете» (267)); шаблонная каламбуризация («Разве гарпии совести не превратят преклонные ваши дни в сплошные терзанья, а розы — в тернии?» (134)); актуализация других, более нейтральных значений («Услышав меня в тот час, Вы, верно, подумали бы, что мной овладели бесы или что я овладел новой группой мертвых наречий и мучусь их оживить» (277); «И сие тоже было мучительно и докучно, ибо на мой абсолютный слух те лихорадочные мелодии суть ритмы собачьей свадьбы» (330)) или растворение в составе другого слова («Подстрекаемая провокаторами толпа могла растерзать убийцу Местоблюстителя во мгновение ока, и во избежание беспорядков мы выбыли через Спасские» (180)).

Так герой жертвует собой, своим высказыванием ради сохранения подлинности, и даже самой подлинностью, если она начинает концептуализироваться. Формально он растворяется в других и «другом», доводя до предела свою двойственность и способность принимать различия, — становится текстом: «Дерзайте и вы — терзайте — члените — зачитывайте меня до дыр» (139). Но этим жестом навсегда открывает высказывание, и в нашем случае высказывание покаянное, обозначая пути формирования его языка и потенциальную вариативность, которая должна обеспечивать его нестабильность и тем самым предупреждать симулятивность. Думается, здесь мы наблюдаем весьма перспективный переход от описания и использования покаянного дискурса к демонстрации дискурсивности покаяния. И, вероятно, есть смысл в дальнейшей деконцептуализации, распаковке «покаяния», чтобы иметь возможность его совершить.

Список литературы / References

- Жолковский А.К. Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука: Восточная литература, 1994. 428 с.
(Zholkovsky A.K. Pale in love daffodils about time and about themselves, *Zholkovsky A.K. Wandering dreams and other works*, Moscow, 1994, 428 p. — In Russ.)
- Липовецкий М.Н. Контекст: мифологии абсурда (поэтика соц-арта) // Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. С. 252—283.
(Lipovetsky M.N. Context: mythologies of the absurd (poetics of Sots Art), *Lipovetsky M.N. Russian postmodernism (Essays on historical poetics)*, Yekaterinburg, 1997, pp. 252—283. — In Russ.)
- Савельзон И.В. Маскарад в зеркальной комнате. О романе Саши Соколова «Палисандрия» // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 212—227.
(Savelzon I.V. Masquerade in the mirror room. About the novel by Sasha Sokolov “Palisandriia”, *Questions of Literature*, 2008, no. 4, pp. 212—227. — In Russ.)
- Соколов Саша. Палисандрия: Роман. Эссе. Выступления. СПб.: Симпозиум, 1999. 432 с.
(Sokolov Sasha. Palisandriia: A novel. Essay. Performances, Saint Petersburg, 1999, 432 p. — In Russ.)
- Johnson Barton D. Sasha Sokolov: *A Literary Biography*, *Canadian-American Slavic Studies*, vol. 21, iss. 3—4, Fall—Winter 1987, pp. 203—230.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Тюленева Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

Tyuleneva Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 58—66.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 58—66.

Научная статья

УДК 811.111'374

DOI: 10.46726/И.2022.4.6

СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ НА МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНАХ

Екатерина Михайловна Григорьева, Ольга Михайловна Карпова

Ивановский государственный университет,

г. Иваново, Россия, grigoryeva.ekaterina@mail.ru, olga.m.karpova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению новых тенденций, наблюдаемых в современной англоязычной лексикографии в связи с цифровизацией общества. Одним из основных аспектов развития лексикографии сегодня становится появление не только цифровых двойников авторитетных словарей, но и мобильных приложений подобных справочников следующих издательств: Longman, Oxford University Press, Cambridge University Press, HarperCollins Publishers и др. Кроме того, в статье рассматриваются основные особенности изучения языка как с помощью портативного устройства, так и характерные черты компьютерного обучения иностранному языку. В связи с эпидемией коронавируса COVID-19 студенты обучались дистанционно, что также подразумевало использование словарей на компьютерах и мобильных устройствах. Материалом работы послужили два справочника английского языка на мобильных устройствах: Longman Dictionary English и Dictionary.com. В этих словарях микроструктура носит детальный характер, присутствуют иллюстративные примеры, позволяющие проследить употребление слова в контексте. Часто к входным единицам также даются графические иллюстрации, способствующие лучшему запоминанию значений слов. Оба словарных приложения носят учебный характер, что проявляется в наличии разработанной системы упражнений. В исследовании делается вывод о том, что успех словарей на мобильных устройствах и расширение аудитории их пользователей объясняется рядом факторов, таких как доступность справочников, удобная навигация, дружелюбный интерфейс, быстрота нахождения требуемой информации, а также обеспечение гибкого контекста безотносительно времени и пространства, что предоставляет возможность их применения в автономном обучении.

Ключевые слова: словарь на мобильном телефоне, лексикография, микроструктура, адресат, цифровизация

© Григорьева Е.М., Карпова О.М., 2022

• Серия «Гуманитарные науки»

Для цитирования: Григорьева Е.М., Карпова О.М. Современные англоязычные словари на мобильных телефонах // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 58—66.

Original article

MODERN ENGLISH DICTIONARIES ON MOBILE PHONES

Ekaterina M. Grigoryeva, Olga M. Karpova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
grigoryeva.ekaterina@mail.ru, olga.m.karpova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the new trends observed in modern English lexicography in connection with the digitalization of the society. One of the main aspects of the development of lexicography today is the emergence of not only digital twins of authoritative dictionaries, but also mobile applications of such authoritative reference books of the following publishers: Longman, Oxford University Press, Cambridge University Press, HarperCollins Publishers, etc. In addition, the article studies the main features of language learning with the help of a portable device, and the characteristic traits of foreign languages computer learning. Due to the COVID-19 coronavirus epidemic, students had distance learning, which also meant using dictionaries on computers and mobile devices. The material of the research includes two dictionaries of the English language on mobile devices: Longman Dictionary English and Dictionary.com. In these dictionaries the microstructure is detailed, there are illustrative examples that allow users to see the words use in context. Graphic illustrations are also often given to the lexical units which contribute to better memorization of the words meanings. Both dictionary apps are learner's ones. It is manifested in the presence of a developed system of exercises. The study concludes that the success of dictionaries on mobile devices and the expansion of the audience of their users is explained by a number of factors, such as the availability of reference books, easy navigation, user-friendly interface, the speed of finding the required information, as well as the provision of flexible context regardless of time and space, which provides the possibility of their application in autonomous learning.

Keywords: mobile phone dictionary, lexicography, microstructure, addressee, digitalization

For citation: Grigoryeva E.M., Karpova O.M. Modern English dictionaries on mobile phones, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 58—66.

Современная англоязычная лексикография в связи с интенсивным развитием информационных технологий и накопленным многовековым опытом создания различных типов печатных словарей не могла остаться в стороне от создания качественно новых справочников для различных конкретных исследовательских и практических целей. Это привело к изменениям научной лексикографической парадигмы, а соответственно, и появлению новых типов словарей на различных носителях [Карпова 2022b: 7]. Так, вслед за печатными и электронными словарями, в репертуар таких изданий вошли справочники на мобильных телефонах.

С темой словарей на мобильных устройствах тесно связано изучение языка, которое поддерживается с помощью портативного мобильного устройства. MALL (Mobile assisted language learning) — это подмножество как мобильного обучения (m-learning), так и компьютерного обучения языку (CALL — computer-assisted language learning).

Такой термин, как CALL, появляется в британской и американской литературе еще в 1980-е гг., что коррелирует с началом использования компьютеров в обучении иностранному языку. В начале 1990-х гг. возникает альтернативный по отношению к CALL термин, который характеризует использование не только компьютеров, но и других ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) в процессе изучения иностранных языков. Это термин TELL (Technology Enhanced Language Learning) [Розина: 355].

TELL подразумевает изучение иностранного языка следующими способами:

1. Использование электронного словаря на занятиях с целью поиска значения той или иной лексемы.
2. Общение с другом в мессенджере на иностранном языке.
3. Чтение новостей в Интернете.
4. Создание видео и его публикация на канале ю-туб.
5. Прослушивание песен на иностранном языке и ознакомление с текстом песни.
6. Поиск слова в корпусе.
7. Компьютерные игры на иностранном языке [Patel].

Однако в настоящее время в науке активнее используется термин CALL, под которым имеется в виду использование широкого ряда ИКТ-технологий.

За время своего формирования CALL-методы прошли путь развития от поддержки традиционных тренировочных текстов упражнений до коммуникативных методов обучения на мобильных устройствах (MALL). MALL представляет собой расширение возможностей CALL и подразумевает использование в процессе обучения иностранным языкам различных мобильных цифровых устройств, например, сотовых телефонов, MP3-плееров, карманных персональных компьютеров (Personal Digital Assistant, PDA), смартфонов (iPhone) или планшетов (iPad).

История развития CALL начинается с первых программ управления обучением и перевода текстов с русского языка на английский на мейнфреймах, далее популярность приобретает просмотр учебных фильмов на видеодисках. Постепенно развивается обучение, в основе которого лежит применение профессиональных текстов, тематически близких к специальности студента (content-based instruction, CBI). Далее появляются блоги, веб-сайты, вики и подкасты. Кроме того, важным элементом CALL становятся веб-квесты, викторины и игры (WebQuest about WebQuest) [Розина: 356—358].

По словам Дж. Стоквелла, CALL имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Ситуация с пандемией коронавируса COVID-19 наглядно демонстрирует данную позицию. Некоторые ученые и преподаватели считают использование информационных технологий в учебном процессе неотъемлемой частью, поскольку их применение благотворно влияет на качество процесса обучения. Однако другие специалисты считают, что такие технологии лишь на время вызывают интерес у обучающихся, а впоследствии даже могут отнимать необходимое время занятия [Stockwell: 3].

Н. Карр полагает, что все технологии можно разделить на ряд групп: 1) технологии, способствующие развитию физической силы и ловкости; 2) технологии, расширяющие диапазон чувств индивида; 3) технологии, позволяющие поддерживать умственные способности. Мобильные устройства могут способствовать осуществлению данных ролей в полной мере [Carr].

Согласно Дж. Атвелл, мобильные технологии в дидактических целях могут оказывать положительное влияние в следующих случаях:

1. Мобильное обучение помогает учащимся улучшить грамотность.
2. Мобильное обучение позволяет учащимся увидеть области, в которых им требуется поддержка и помощь.
3. Мобильное обучение дает студентам возможность оставаться сконцентрированными в течение более долгого времени.
4. Мобильное обучение позволяет поднять самооценку и уверенность в себе [Attewell: 13—14].

Изучение иностранных языков, в частности MALL, гарантирует хороший сценарий для развития мультилингвальных контекстов. Использование упражнений на мобильных устройствах может способствовать улучшению взаимодействия между представителями разных культур, так как это оказывает значительное влияние на овладения навыками устного общения со стороны обучающихся [Innovation and Leadership in English Language Teaching: XVII].

В свете организации учебного процесса в дистанте в связи с пандемией коронавируса COVID-19 использование словарей на мобильных устройствах получает широкое распространение. Согласно исследованиям, проведенным лингвистом Ч. Лай в работе “Autonomous Language Learning with Technology Beyond the Classroom”, использование мобильных телефонов может способствовать повышению качества учебного процессе онлайн [Lai].

Во время эпидемии коронавируса COVID-19 школы были закрыты, и занятия проводились онлайн, что подразумевало использование различных учебных пособий, в том числе словарных изданий на мобильных устройствах. Обучаясь дома, школьники должны были уметь автономно пользоваться словарями для поиска новых слов, выражений, примеров их употребления [Zour, Barr, Thomas, Jia].

Мобильные устройства предоставляют подходящие учебные материалы и обеспечивают гибкий контекст безотносительно времени и пространства, тем самым поддерживая автономное обучение.

В настоящее время ведущие словарные издательства создают мобильные словарные приложения. Словари, основанные на мобильных приложениях, порождают ряд вопросов, связанных с удобством использования как для создающих приложения, так и для пользователей. Читаемость на небольшом экране, простота навигации и стоимость становятся достоинствами словарей на мобильных устройствах [Wong, Saunders: 50].

Такие издательства, как Longman, Oxford University Press, Cambridge University Press, HarperCollins Publishers и др. имеют не только цифровые двойники своих авторитетных словарей, но и мобильные приложения этих авторитетных словарей [Карпова 2022а: 290]. К ним относятся “Longman Phrasal Verbs Dictionary”, “Longman Pronunciation Dictionary”, “Oxford Advanced Learner's Dictionary”, “Oxford Advanced American Dictionary for learners of English”, “Oxford Collocations Dictionary”, “Cambridge Advanced Learner's Dictionary” и др.

Существует также новое направление в современной английской лексикографии — это ресурс Apps dictionaries for young learners. Это словари на мобильных устройствах для юных пользователей — детей младшего дошкольного возраста. Подобные издания построены по тематическому принципу: “everyday life”, “the human body”, “history and culture”, “communication”, “natural environment” и др. Эти разделы предлагают детям слова, способствующие росту интереса к изучению новой лексики и расширению кругозора. Каждый раздел включает 8—10 слов. Раздел “*History and Culture*” включает

ряд ключевых слов: history, myth, religion, science, tradition. Такие словари завоевали детскую аудиторию не только в Великобритании, но и в других странах мира [Карпова 2021: 223].

Рассмотрим мобильное словарное приложение *Longman Dictionary English*. Оно включает несколько подразделов: домашняя страница, мои группы, все темы, история, произношения, специальные символы, квизы и др. На главной странице пользователь видит поисковую строку, в которой он может набрать интересующую лексему, например, *dandelion*, микроструктура которого представлена далее:

dandelion /'dændəleɪən/ noun [countable] звуковой файл

a wild plant with a bright yellow flower which later becomes a white ball of seeds that are blown away in the wind.

Examples from the Corpus:

Today that team breaks up and scatters to the winds like a **dandelion**.

Yes, curlier even than Derek Johnstone's big **dandelion** noggin.

Origin. Dandelion (1400—1500) French dent de lion “lion’s tooth” (because of the shape of the leaves) [Longman Dictionary English].

Кроме того, к лексеме также дана графическая иллюстрация.

На главной странице словарного приложения можно увидеть такой подраздел, как Hot Topics: Family, Geology, School, Literature, Astronomy, Water и др. Нажав на конкретную тему, пользователь может получить список лексем по данной категории.

Отдельный раздел называется «Слово дня» и «Картинка дня».

Еще одна категория словарного приложения — это Top 10000 Spoken Words, которая может быть полезна изучающим английский язык на начальном и среднем уровнях. В этом списке лексем есть существительные (*care, driver*), прилагательные (*careful, general*), глаголы (*drink, expect*), наречия (*always, early*), предлоги (*and, in*) и др.

Кроме того, пользователи имеют возможность составить список своих любимых слов (Favorites), а также добавлять туда коллокации.

Для разъяснения смысла тех или иных значков, которые используются в словарном приложении, есть отдельный раздел Special Signs: S1 — Top 1000 spoken words, S2 — Top 2000 spoken words, S3 — Top 3000 spoken words, W1 — Top 1000 written words, \$ — separates British and American pronunciations: British on the left, American on the right.

В отдельной таблице “Pronunciation” есть символы, транскрипционные значки, а также примеры слов на то или иное произношение согласного, либо гласного звука, что значительно повышает как информативность, так и привлекательность справочника.

Для укрепления изученных лексем в словарном приложении есть особый раздел “Quizzes English”, который подразделяется на несколько подразделов: Study Center, Pronunciation и Exam Practice. Первый подраздел “Study Center” состоит из нескольких частей: *grammar* (разъяснение основных грамматических правил), *vocabulary* (включает задания на акронимы и аббревиатуры), *synonyms* (даны синонимы), *collocations* (примеры коллокаций), *register* (примеры разновидностей языка, используемые для определенных целей или в конкретных коммуникативных ситуациях), *culture* (раздел, включающий задания на общекультурные знания).

Pronunciation делится на две части: Listening and Pronunciation, а также Dictation. Первый подраздел включает различные типы заданий, например, на прослушивание произношения слова и расстановку ударений.

Exam practice представляет интерес для тех, кто собирается сдавать экзамен на определение уровня владения английским языком. Пользователь может выполнить задания по следующим разделам: лексика и грамматика, чтение в рамках таких экзаменов, как FCE, CAE, CPE, IELTS, TOEIC, PTE Academic.

Таким образом, мобильное приложение справочника “Longman Dictionary English” является полезным для пользователей. Поскольку это англо-английский словарь, то такое словарное приложение подойдет пользователям, обладающим средним, выше среднего или продвинутым уровнем владения английским языком. Дефиниции к лексемам носят подробный и детальный характер, наличие иллюстративных примеров позволяет увидеть функционирование слов в речи. Раздел Hot Topics дает пользователям возможность увидеть список лексем по определенной тематике, сгруппированных в едином пространстве.

Данное приложение носит учебный характер, о чем свидетельствует наличие таких категорий, как “Quizzes” и “Exam practice”.

Dictionary.com представляет собой еще один интересный ресурс. Он создан Браеном Кэригером и Дэниэлом Фьерро как часть проекта Lexico Publishing.

Словарное приложение включает такие разделы, как «тезаурус», «значения», «игры», «выучите», «письмо» и «слово дня». Далее отдельно рассмотрим каждый из перечисленных разделов.

В части «тезаурус» пользователь может ввести в поисковой строке необходимую лексическую единицу и получить подробную словарную статью. Например, рассмотрим микроструктуру к слову *good*:

good

adjective, better, best.

morally excellent; virtuous; righteous; pious: *a good man.*

satisfactory in quality, quantity, or degree: *a good teacher; good health.*

of high quality; excellent....

noun

profit or advantage; worth; benefit: *What good will that do? We shall work for the common good.*

excellence or merit; kindness: *to do good...*

interjection

(used as an expression of approval or satisfaction): *Good! Now we can all go home* [Dictionary.com].

Отдельно к лексеме дается список синонимов и антонимов. Пользователь имеет возможность нажать на необходимый синоним или антоним и получить информационную справку о лексеме.

Новаторским является следующий раздел приложения: адресат сайта может добавить в строку поиска собственное предложение, в котором одним из компонентов является рассматриваемая входная единица. Далее пользователь увидит список аналогичных предложений, в которых рассматриваемая входная единица будет заменена тем или иным синонимом, что позволит адресату лучше и нагляднее познакомиться с синонимами и увидеть, в каких контекстах функционирует этот синоним.

Кроме того, отдельным списком приводятся слова, которые связаны с лексемой *good*. Это могут быть наречия: *very well, willingly, precisely* и др.; прилагательные: *solid, rare, wonderful* и т. д.

Такая часть как «Значения» подразделяется на несколько категорий: эмодзи, сленг, акронимы, поп-культура, мемы, гендер, перепутанные значения. Подраздел «сленг» включает списки сленговых слов и выражений с дефинициями, например:

main character

[meyn kar-ik-ter]

Published October 29, 2020

WHAT DOES MAIN CHARACTER MEAN?

Main character is a popular trend on the video app TikTok in which a person pretends their life is a movie and they are the main character in it. Shared as the hashtag #maincharacter, *main character* videos on TikTok generally depict the person as part of a montage of exciting activities or reenacting tropes from movies, especially indie films [Dictionary.com].

Далее следует список лексем, связанных с необходимой единицей, в данном случае с выражением *main character*: TikTok, tea, Simp и др.

Еще одним разделом, который представляет отдельный интерес для изучающих язык, становится часть «акронимы», из которой пользователь узнает не только о значении и расшифровке акронима, но и получает информацию о его происхождении и употреблении.

Раздел *Mixed-up meanings*, несомненно, характеризуется учебным характером и направлен на то, чтобы пользователи не путали значения и контексты употребления похожих по звучанию слов, например, *viola / violin, affect / effect, in route / en route, break / brake, council / counsel* и др.

Такая составляющая приложения как Games позволяет изучающим английский язык в игровой форме повторить ранее изученную лексику, либо выучить новые лексемы и их значения. Это такие игры, как Word Puzzle, Quizzes, Crossword Solver, Scrabble Word Finder, Daily Crossword Puzzle, Play Four и др.

Отдельный раздел называется Learn, и он включает списки слов, новые лексемы, так называемые модные слова, все об английском языке, части науки и технологии, литература и искусство.

Чтобы идти в ногу с языком, необходимо быть знакомым не только со списком слов и выражений, устоявшихся в языке, но и с новыми лексемами, неологизмами, которые появляются в языке в связи с рядом обстоятельств, происходящих в экономике, политике, экологии, искусстве и других сферах жизнедеятельности. Например, в Dictionary.com зарегистрирована такая входная единица как Generation A, которая служит для обозначения поколения, рожденного между 2010 и 2025 гг.

Часть Writing включает 5 подразделов: Grammar Coach, Writing Prompts, Grammar 101, Writing Tips, Ways to Say it Better.

Заключительный раздел Word of the Day подразделяется на несколько частей: Word of the Day, Synonym of the Day и Word of the Year. Отличительной чертой приложения является добавление раздела «Синоним дня», поскольку обычно в словарь добавляется лишь такая часть, как слово дня, либо года.

Итак, данное мобильное приложение позволяет пользователю получить необходимую информацию о лексической единице в доступной форме. Адресатом приложения становятся изучающие английский язык на разных ступенях.

Наличие грамматического справочника, списка акронимов, игр свидетельствуют об обучающей направленности словарного приложения. Следует подчеркнуть, что над разделами приложения Dictionary.com работают профессиональные лингвисты и лексикографы, что обеспечивает достоверность и правоту включаемых материалов.

Таким образом, современная англоязычная лексикография активно развивается и предоставляет пользователям новые справочные ресурсы. Кроме того, одним из проявлений цифровизации, наблюдаемой в различных сферах жизни современного общества, становится появление словарей на мобильных телефонах. Справочники на подобных устройствах просты в использовании, обладают удобной навигацией, предоставляют быстрый доступ к языковому материалу, тем самым отвечая конкретным нуждам и потребностям пользователя XXI века.

Пользователи молодого поколения имеют в распоряжении новые гаджеты и средства, которые они используют в процессе изучения иностранных языков. Правильное применение подобных устройств несомненно способствует эффективному усвоению лексического материала.

Следует отметить, что перед преподавателями встает важная задача — познакомить студентов с новыми тенденциями, происходящими в лексикографии в связи с всеобщей цифровизацией, и обеспечить их конкретным инструментарием, который позволит решить возникающие перед ними задачи.

Список литературы / References

- Карпова О.М. Английская лексикография в цифровую эпоху // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 3. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 208—229.
(Karpova O.M. English lexicography in the digital age, *Modern Germanic Philology and West-European Literature: Collective Monograph*, iss. 3, Moscow, 2021, pp. 208—229. — In Russ.)
- Карпова О.М. Англоязычные цифровые лексикографические проекты // ПАНДЕМИЯ-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков: монография / под ред. И.И. Климовой, М.Э. Конурбаева, Н.А. Козловцевой. М.: РУСАЙНС, 2022а. С. 289—295.
(Karpova O.M. English-Language digital lexicographic projects, *PANDEMIA-22: Teaching, analysis, discourse in the natural diversity of foreign languages. Monograph*, ed. by I.I. Klimova, M.E. Konurbaev, N.A. Kozlovvtseva. Moscow, 2022, pp. 289—295. — In Russ.)
- Карпова О.М. Изменение современной лексикографической парадигмы в цифровую эпоху (на материале словарей английского языка) // Вестник Воронежского ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022б. № 2. С. 6—12.
(Karpova O.M. Changing of modern lexicographic paradigm in digital age (with special reference to English dictionaries), *Proceedings of Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication"*, 2022, № 2, pp. 6—12. — In Russ.)
- Розина И.Н. Эволюция CALL-методов обучения английскому языку // Образовательные технологии и общество. Т. 20, № 3. 2017. С. 353—363.
(Rozina I.N. The evolution of CALL-methods of teaching English, *Educational technology and society*, vol. 20, № 3, 2017, pp. 353—363. — In Russ.)

- Attewell J. Mobile Technologies and Learning. A Technology Update and M-learning Project Summary, London: Learning and Skills Development Agency, 2004, 26 p.
- Carr N. The Shallows: What the Internet is Doing to our Brains, New York: W.W. Norton & Company, 2011, 280 p.
- Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (accessed: 12.08.2022).
- Innovation and Leadership in English Language Teaching. Left to my Own Devices: Learner Autonomy and Mobile-Assisted Language Learning, vol. 6, ed. by J.E. Diaz-Vera, Bingley: Emerald Group Publishing limited, 2012, 216 p.
- Lai Ch. Autonomous Language Learning with Technology Beyond the Classroom, London: Bloomsbury Publishing, 2017, 240 p.
- Longman Dictionary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed: 12.08.2022).
- Patel D.S. Significance of Technology Enhanced Language Learning (TELL) in Language Classes, *Journal of Technology for ELT*, URL: <https://www.sites.google.com/site/journaloftechnologyforelt/archive/vol-4-no-2-1/2> (accessed: 11.08.2022).
- Stockwell G. Mobile Assisted Language Learning. Concepts, Contexts and Challenges, Cambridge: Cambridge University Press, 2022, 300 p.
- Wong M.A., Saunders L. Reference and Information Services: an Introduction, Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2020, 748 p.
- Zour B., Barr D., Thomas M., Jia W. Emerging Concepts in Technology-Enhanced Language Learning, Hershey: IGI Global, 2022, 347 p.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Grigoryeva Ekaterina Mikhaylovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Карпова Ольга Михайловна — доктор филологических наук, руководитель научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olga.m.karpova@mail.ru

Karpova Olga Mikhaylovna — Doctor of Science (Philology), Head of the Scientific and Educational Center “Modern Russian and European Lexicography”, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olga.m.karpova@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 67—76.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 67—76.

Научная статья

УДК 811.111'374.3

DOI: 10.46726/И.2022.4.7

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (На материале исторического словаря *The Wordsworth Dictionary of British History*)

Марина Николаевна Панютина

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
marinapanyutina@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является определение параметров модели микроструктуры терминологического словаря по истории Великобритании. Основное содержание исследования составляет лексикографический анализ авторитетного англоязычного энциклопедического издания *The Wordsworth Dictionary of British History*. При проведении исследования применены методы обобщения и интерпретации результатов, выявлены необходимые компоненты модели словарной статьи терминологического словаря по истории Великобритании. Результаты исследования позволяют автору внести вклад в теоретическую и прикладную лексикографию.

Ключевые слова: лексикографический анализ, антропоцентризм, функциональный подход, профиль пользователя, мегаструктура, макроструктура, микроструктура словаря

Благодарности: работа выполнена при поддержке доктора филологических наук, профессора О.М. Карповой.

Для цитирования: Панютина М.Н. Специальные энциклопедии: (на материале исторического словаря *The Wordsworth Dictionary of British History*) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 67—76.

Original article

SPECIAL ENCYCLOPEDIAS (With reference to *The Wordsworth Dictionary of British History*)

Marina N. Paniutina

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, marinapanyutina@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to determine the parameters of the microstructure model of the terminological dictionary on the history of Great Britain. The main content of the research is a lexicographic analysis of the authoritative English-language encyclopedic dictionary *The Wordsworth Dictionary of British History*. The methods of generalization

---

© Панютина М.Н., 2022

and interpretation of the results were applied during the research. The essential components of the model of the dictionary entry of the terminological dictionary on the history of Great Britain are revealed. The research results allow the author to contribute to theoretical and applied lexicography.

Keywords: lexicographic analysis, anthropocentrism, functional approach, user's profile, megastructure, macrostructure, microstructure of dictionary

Acknowledgments: the work was supported by Doctor of Philology, Professor O.M. Karpova.

For citation: Paniutina M.N. Special Encyclopedias: (With reference to *The Wordsworth Dictionary of British History*), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 67—76.

Введение

В теории лексикографии, начиная с середины XX века, существует традиционное деление всех словарей на лингвистические и энциклопедические [Щерба]. Однако в связи с изменениями, которые наблюдаются в настоящее время, а также с трансформацией профиля пользователя, появилось значительное количество комбинированных словарей, объединяющих в себе характерные признаки лингвистических словарей и энциклопедий [Карпова 2019a]. Целью создания подобных справочных изданий является стремление авторов познакомить читателя с новыми понятиями и культурными реалиями стран, без знания которых любой пользователь, например, студент, не получит полного представления о предмете изучения, будь то язык или культура отдельно взятой страны (в нашем случае — англоговорящей). В свете всемирных интеграционных процессов невозможно изучать язык в отрыве от культуры. Пользователи, для которых английский не является родным, не всегда обладают достаточными фоновыми знаниями, что нередко приводит к неудачам в коммуникации. Именно поэтому словари, сочетающие лингвистические и энциклопедические толкования, становятся всё более популярными [Карпова 2019b].

Наиболее удачным примером служат, прежде всего, словари культурного наследия, интерес к которым значительно возрос в последнее время [Алхастова, Карпова]. Без знания исторических и культурных реалий, собранных в общих и специальных энциклопедиях, изучение иностранного языка практически не представляется возможным. Однако с появлением незнакомых понятий, требующих разъяснения, целесообразным становится совмещение различных типов информации не только о слове, но и о самом понятии в одном справочном издании. Таким образом, актуальность приобретают отраслевые толково-энциклопедические словари. В частности, исторические.

Цель настоящего исследования состоит в создании модели терминологического словаря, совмещающего в микроструктуре лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Введение этих информационных категорий в словарную статью, на наш взгляд, будет способствовать созданию нового типа словаря исторических терминов для конкретной целевой группы пользователей.

В качестве основной задачи выступает лексикографический анализ принципов составления словаря, являющегося англоязычной энциклопедией по истории Великобритании, опубликованной одним из ведущих британских

издательств. Результаты анализа планируется применить при дальнейшей разработке структуры словарной статьи авторской модели справочного пособия по истории Великобритании. Примером такого словаря является авторитетное справочное издание *The Wordsworth Dictionary of British History*. Его выбор обусловлен, прежде всего, широким охватом материала, компетентностью автора, репутацией издательства и рядом его переизданий (1981, 1994, 1999 гг.), а также стабильно высоким спросом у пользователей, которые продолжают привлекать этот словарь в качестве источника культурно-ориентированного материала, отражающего различные аспекты культуры Великобритании.

Лексикографический анализ словаря J.P. Kenyon *The Wordsworth Dictionary of British History*, 1999

Мегаструктура словаря

Как правило, энциклопедические словари предметной области «История» создаются по традиционным принципам. Это, в первую очередь, большой объём словника, определённые состав и содержание словаря, специфические особенности подачи материала, обусловленные данной предметной областью. Во вводной части автор-составитель сообщает о составе словаря, принципах отбора языкового материала в словник и т. д. Входные единицы располагаются в привычном для пользователя алфавитном порядке и выделяются особым (жирным) шрифтом для удобной визуализации материала. Словарные статьи содержат информацию об исторических реалиях и терминах. Приложение в заключительной части даёт в систематизированном виде дополнительную информацию о входных единицах, представленных в словнике. Неотъемлемым элементом мегаструктуры словаря является указатель слов на странице.

Содержание соответствует параметрам, заявленным во введении, и представлено главным образом в словнике. В качестве вспомогательного материала выступают хронологические и генеалогические данные, которые дают подробную информацию о датах правления британских монархов, начиная с Эгберта и заканчивая королевой Елизаветой II. В их числе представители всех когда-либо правящих династий Англии — нормандской, Плантагенетов, Ланкастеров, Тюдоров, Йорков, Стюартов, Ганноверов и Виндзоров: *Normans; Plantagenet, house of; Lancaster, house of; Tudor, house of; York, house of; Stuart (or Stewart), house of; Hanover, house of; Windsor, house of*.

Следует отметить, что мегаструктура словаря *The Wordsworth Dictionary of British History* имеет логически выстроенное построение и включает: *contents* — содержание; *preface* — пролог; *foreword* — предисловие; *dictionary of British History* — словник; *chronology* — хронологию; *genealogy of British Monarchs* — генеалогию британской монархии и *maps* — карты.

Квалификация составителей и степень погружения в материал крайне важны для авторов любого словаря, и, в первую очередь, толково-энциклопедического. Несомненное достоинство данного словаря заключается в том, что автор, профессор современной истории университета Св. Эндрю Дж. П. Кеньон, и рецензент, профессор современной истории Оксфордского университета Н. Стоун, являются экспертами в области истории Великобритании, что обеспечивает достоверность материала.

Словник включает три тысячи статей о внутренней, внешней и социальной политике, а также главных культурных и научных достижениях вместе с именами выдающихся деятелей со времён Романского завоевания до 1970 года. Особого внимания заслуживает раздел «Хронология», в котором указаны основные события истории Великобритании и колониальных завоеваний в Америке. Наличие подобного хронологического среза является большим преимуществом данного справочника, так как облегчает поиск имён исторических деятелей, дат их правления и в целом способствует лучшему усвоению материала.

Макроструктура словаря

Макроструктура включает единицы с ярко выраженной национально-культурной спецификой, описывающие события, факты, биографии исторических деятелей Великобритании на протяжении всей её истории. Например, *имена собственные* (ИС), среди которых встречается большое количество *антропонимов* и *топонимов*, составляющих важный культурный слой, например:

Chippendale, Thomas (?1718—1779). Furniture designer, whose *Gentleman and Cabinet-Maker's Director* (1754) established him as the leading influence on English furniture design during the period 1750—80. ...

Henry II (1133-89). King of England (1154—89), the first *Angevin king. ...

Middle Anglia. An Anglo-Saxon province between Mercia and East Anglia, probably corresponding to parts of Leicestershire, Cambridgeshire, Lincolnshire, and Northamptonshire. ...

Northern Rhodesia. A British dependency (1889—1964), administered first by Rhodes' *British South Africa Company (1889—1924) and then as a protectorate (1924—53). ...

Наряду с ИС в словнике присутствуют *культурные реалии*, которые образуют отдельные группы. Среди них входные единицы, обозначающие:

1. Различные языки

Gaelic. A Celtic language of the Goidelic group. ...;

2. Названия племён

Celts. A prehistoric people of Britain. ...;

3. Народов и наций

Jews. A Semitic people, claiming descent from the ancient Israelites. ...;

4. Общества и организации

militia. The people's army, originating in the Anglo-Saxon *fyrd. ...;

5. Ассоциации и гильдии

gilds. See guilds;

6. Секты и братства

Fenian Society. An Irish revolutionary society committed to the establishment of an independent republic of Ireland. ...;

7. Монашеские ордена

Templars. A military order of *knighthood, called in full the Poor Knights of Christ and of the Temple of Solomon, which was founded in 1118 by Hugo de Payens, a French knight, to protect pilgrims to the Holy Land. ...;

8. Военизированные структуры

wapentake. An administrative subdivision of the northern and central English shires in which Danish influence predominated. ...;

9. Военные альянсы

NATO. *See* North Atlantic Treaty Organization. ...;

10. События

Aclea, battle of (851). A battle, probably fought at modern Oakley, in which the forces of Wessex under *Aethelwulf defeated the Danes. ...;

11. Термины религиозного характера

Catholic emancipation. The achievement of full civil and political rights for *Roman Catholics. ...;

12. Государственные реформы

Remonstrance of the Army (Nov 1648). A petition presented by the army council to parliament during the Civil War. ...;

13. Акты, договоры, соглашения политического и военного характера

Abbeville, treaty of. *See* Paris, treaty of (1259);

14. Государственные должности

prime minister. The head of the government and leader of the political party with the majority, of largest number, of seats in the House of Commons. ...;

15. Банковские термины

exclusion bills. Three bills, introduced by the *Country Party, that were designed to exclude James, duke of York, from the succession. ...;

16. Термины монетарной системы

gold standard. A monetary system in which a country's paper currency (in Britain's case, sterling) is valued in terms of gold, which is freely traded; implicit is the right to demand gold for paper money. ...;

17. Термины административной системы

Danelaw. The parts of north, central, and eastern England in which Danish, rather than Saxon, laws and customs prevailed. ...;

18. Мифы и легенды

Glastonbury legends. Myths associating Glastonbury abbey in Somerset with King Arthur and St Joseph of Arimathea. ...;

19. Юридические термины, практически полностью заимствованные из латыни

Habeas corpus (Latin: you may have the body).

Приведённые в словаре документальные свидетельства различных исторических эпох удачно воссоздают картину формирования и развития Великобритании.

Анализ словника показал, что среди входных единиц преобладают имена собственные — фамилии государственных и политических деятелей (*Alexander, Sir William, 1st earl of Stirling (c. 1576—1640); Cunedda (early 5th century; Jellicoe, John Jellicoe, 1st Earl (1859—1935)*), названия географических объектов, локаций (*Munster; Ridgeway; Virgin Islands*) и т. д.

Микроструктура словаря

В структуру словарной статьи помещены географические карты, иллюстрирующие отдельные геополитические моменты истории страны различных эпох и периодов правления. Такой приём составителей представляет собой несомненное удобство для пользователя, поскольку изображения способствуют лучшему восприятию и усвоению материала. Так, например, соответствующими картами сопровождаются статьи *Africa, exploration of; Danish invasions; India; Marches of Wales; Roman Britain* и др.

Микроструктура является универсальной для всех типов вокабул. Культурологическая информация или комментарий представляет собой энциклопедическое толкование. Например:

Frith (Old English: peace). The condition of peace and security in a kingdom. Frith-guilds were voluntary associations formed in southern England in the 10th century. They were divided into groups of a hundred freemen, subdivided into groups of ten, and were collectively responsible for maintaining law and order.

В словарной статье, к сожалению, отсутствуют какие-либо пометы, кроме хронологических, которые включены в дефиницию. Кроме того, отсутствует иллюстративный материал (за исключением географических карт), что, на наш взгляд, является недостатком для энциклопедического издания.

Результаты лексикографического анализа *The Wordsworth Dictionary of British History* позволяют отнести данное справочное пособие к специализированным энциклопедиям, описывающим предметную область «История», поскольку словарь представляет богатый исторический материал, незаменимый при изучении истории, языка и культуры Великобритании. Доступный и лаконичный метаязык словаря делает его привлекательным для широкого круга пользователей (специалистов, переводчиков, студентов).

Данный печатный энциклопедический словарь может послужить источником и основой для составления нового типа справочника, а именно: терминологического словаря онлайн формата для студентов гуманитарных специальностей, изучающих язык, историю и культуру Великобритании. При этом входные единицы целесообразно снабдить набором помет (фонетической, грамматической, переводом термина), включая произносительную. Кроме того, не менее важным представляется дополнение микроструктуры иллюстративным материалом, отражающим содержание словарной статьи и облегчающим его восприятие. Такие приёмы в оформлении могли бы способствовать привлечению большего количества пользователей и популяризации издания.

В век информационных технологий и цифровизации общества, стремясь привлечь большее число пользователей, лексикографы все чаще обращаются к созданию онлайн версий многих словарей, которые завоевали авторитет в печатном формате [Карпова 2021]. Приведение словаря *The Wordsworth Dictionary of British History* в цифровой формат будет способствовать не только его доступности, но и повышению пользовательского спроса.

Перспективы создания терминологического словаря по истории Великобритании

Энциклопедии в целом имеют несомненную значимость для определённой группы пользователей. Прежде всего для тех, кто желает поближе познакомиться со страной изучаемого языка.

Проведение лексикографического анализа словарей различных типов, анализ запросов и требований целевой аудитории в рамках антропоцентрического подхода привели к выводу о необходимости создания авторской модели толково-энциклопедического словаря предметной области «История», адресованного русскоязычному пользователю.

При планировании любого типа справочника следует в первую очередь учитывать перспективу пользователя (*user's perspective*) [Varantola]. Эффективным способом получения надёжных и объективных данных для оценки нужд пользователей является опрос целевой аудитории в формате анкетирования.

В основе подобного лексикографического эксперимента лежит идея создания учебного культурологического словаря, посвящённого специфическим явлениям материальной и духовной культуры Великобритании. Антропоориентированность планируемой модели является определяющей для культуроведческого словаря, который также коммуникативно-ориентирован, то есть служит переносу входных единиц из языка в речь.

Моделируемый словарь относится к разновидности культуроведческих справочников, так как описывает определённым образом структурированную совокупность сведений о культуре и истории Великобритании. Цель создания такого словаря — обеспечить понимание языка и культуры. Словарь является учебным, поскольку его основное назначение — стать методологическим пособием по овладению методиками использования языка для студентов гуманитарных факультетов, в том числе филологических и переводческих, а также исторических. Он должен стать источником данных и базой для формирования культуроведческой компетенции относительно кодирования и декодирования культурно-значимых единиц, которые, наравне со знанием языка, являются основополагающими в процессе успешного межнационального общения [Ужова]. Лексика должна быть представлена собственно историческими терминами и фразеологическими сочетаниями.

По лексикографической форме описания входных единиц (способу презентации материала в словаре) модель словаря такого типа должна быть толковой, так как его основная задача заключается в передаче смыслов. По числу языков предполагаемый словарь двуязычный, англо-русский. В силу востребованности в современной учебной лексикографии организация макроструктуры алфавитная. Словарь будет существовать в онлайн формате вследствие популярности данного формата среди студентов [Карпова 2021].

Отбор культурно-ориентированного языкового материала, отражающего смысловые аспекты истории и культуры Великобритании, должен производиться на основе культуроведчески релевантных трудов. В частности, в качестве источника может выступить историческая энциклопедия *Dictionary of British History by J.P. Kenyon*.

Входными единицами могут стать как отдельные слова, так и словосочетания в канонической форме. Словник должен включать группы лексики, отражающие регулярную лексику английского языка, географическую лексику, имеющую историческую коннотацию, имена исторических персонажей, исторические номинации.

На наш взгляд, план выражения единиц должен заключаться в графической и звуковой форме. Пользователь, таким образом, получает информацию об орфографической норме написания и об орфоэпической норме — произношении. В словарные статьи необходимо включить следующие категории: произносительную помету; фонетические символы; грамматические пометы (род, число); перевод; развёрнутую дефиницию; хронологическую помету; иллюстративные примеры (вербальные — пример употребления в английском и русском языках, графические — рисунки, карты, фото).

Пример словарной статьи

Druids произносительная помета [ˈdruːɪdz], *n, pl*, **друиды**. Жрецы в религии кельтов. Одной из их главных функций было воспитание юношества, а также свершение правосудия. Они осуждали безнравственность, верили в переселение душ и участвовали в жертвоприношениях животных и даже

людей многочисленным божествам своей религии. Остров Англси в Уэльсе был центром друидов, чьи обычаи, особенно связанные с человеческими жертвоприношениями, приводили в ужас римлян, которые в 61 г. н. э. убили представителей местного сословия друидов и разрушили их священные дубовые рощи. После этого организованный друидизм исчез до тех пор, пока не возродился в измененной форме в XIX веке. Его связь со Стоунхенджем не доказана (перевод словарной статьи о друидах в словаре *Dictionary of British History* by J.P. Kenyon, с. 116).

Практически все сведения о друидах происходят из *Записок о Галльской войне* и иных греко-римских сочинений IV в. до н. э.— II в. н. э.

Пример употребления

В английском языке: In 2 days there's a meeting of the druids in the region;

в русском языке: Плиний Старший описывал каннибализм друидов — то есть употребление в пищу человеческой плоти. Последние археологические находки — в пещере Алвестона (*Alveston*) на юге графства Глостершир, а также в торфяном болоте Линдоу-мосс близ деревни Мобберли, графство Чешир, Великобритания — подтверждают сообщения римлян.

Далее размещается графическая иллюстрация — в данном случае рисунок 1676 г. (чистейший вымысел — фантазии художников, в представлении которых друиды выглядят как странствующие монахи. На самом деле никто не знает, что они из себя представляли внешне).

Используя подобный словарь, студент не должен обращаться к другим источникам: вокабула должна определяться с помощью известных студентам терминов. Объяснение энциклопедического знания должно строиться на основе лексики, уместной для данного этапа обучения, чтобы определения соответствовали уровню знаний российских студентов среднего и высшего звена.

Таким образом, данная модель словаря, хотя и базируется на принятых в современной лексикографии принципах, имеет свои особенности. В словарной статье совмещаются характерные признаки как лингвистического — транскрипция, перевод, набор помет, так и энциклопедического (экстралингвистическая информация) справочника. В результате комбинированный подход при составлении словаря способствует созданию дружелюбно ориентированного (user-friendly) культурологического словаря, который призван помочь адресату в формировании межкультурной компетенции. Словарь оптимален для пользователя, для которого английский язык не является родным.

Заключение

Лексикографический анализ словаря *The Wordsworth Dictionary of British History* показал, что данное печатное справочное пособие может выступить в качестве источника и послужить основой для составления учебного терминологического словаря онлайн-формата для студентов гуманитарных специальностей, изучающих язык, историю и культуру Великобритании. Однако в рамках функционального подхода считаем целесообразным внести в словарную статью не только энциклопедическую информацию о входных единицах, но и лингвистическую, содержащую расширенный набор помет (фонетические, грамматические, перевод термина), включая произносительную, актуальную в данном формате. Кроме того, не менее важным представляется дополнение микроструктуры иллюстративным материалом, отражающим

содержание словарной статьи и облегчающим его восприятие. Такие приёмы в оформлении могли бы способствовать привлечению большего количества пользователей и популяризации издания.

Список литературы / References

- Алхастова З.Р., Карпова О.М. Лексикография культурного наследия (на материале словарей языка английских писателей, цитат и пословиц). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. 172 с.
(Alkhastova Z.R., Karpova O.M. Lexicography of Cultural Heritage (based on Dictionaries of English Writer's Language, Quotes and Idioms), Ivanovo, 2020, 172 p. — In Russ.)
- Карпова О.М. Еще раз о типологии словарей (на материале английских словарей нового поколения) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019а. № 3 (12). С. 12—16.
(Karpova O.M. Typology of Dictionaries (based on English Dictionaries of the New Generation), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, iss. 3 (12), Ivanovo, 2019, pp. 12—16. — In Russ.)
- Карпова О.М. Английская лексикография культурного наследия в электронно-цифровую эпоху (на материале словарей языка писателей) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2021. № 3. С. 41—47.
(Karpova O.M. English Lexicography of Cultural Heritage in the Digital Age (based on Dictionaries of Writer's), *Bulletin MSRU serie "Linguistics"*, 2021, № 3, pp. 41—47. — In Russ.)
- Карпова О.М. Издательство HarperCollins: Что делает словарь привлекательным? // Теоретическая лексикография: современные тенденции развития: сб. науч. тр. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. С. 16—18.
(Karpova O.M. HarperCollins: What makes a Dictionary Attractive?, *Teoreticheskaya leksikografiya: sovremenniye tendentsii razvitiya*, Ivanovo, 2003, pp. 16—18. — In Russ.)
- Карпова О.М. Современные тенденции в английской лексикографии // Современная германистика и западноевропейская литература: монография. М.: Флинта, 2019b. С. 178—193.
(Karpova O.M. Contemporary Trends in English Lexicography, *Modern humanistic studies and Western European literature*, Moscow, 2019, pp. 178—193. — In Russ.)
- Карпова О.М., Денисов К.М. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. № 1. С. 39—43.
(Karpova O.M., Denisov K.M. Contemporary Global Lexicography and its Science Paradigm Evolution, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, iss. 1, Ivanovo, 2018, pp. 39—43. — In Russ.)
- Ужова О.А. Принципы составления учебного толкового культурологического словаря «Великобритания. История и культурные ассоциации» // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч. статей. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 86—95.
(Uzhova O.A. The Principles of Compiling an Educational Explanatory Cultural Dictionary "Great Britain. History and Cultural Associations", *Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vishshej shkole: sb. nauch. statej*, Ivanovo, 2020, pp. 86—95. — In Russ.)
- Чайникова Г.Р. Разработка учебного электронного словаря тезаурусного типа как средства формирования внутреннего иноязычного лексикона // Вестник

- ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2014. С. 70—84.
- (Chajnikova G.R. Designing an E-Dictionary Thesaurus for Educational Purposes as a Tool for Building Foreign Lexicon, *PNRPU linguistics and pedagogy bulletin*, 2014, pp. 70—84. — In Russ.)
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- (Scherba L.V. Language system and speech activity, Moscow, 2004, 432 p. — In Russ.)
- Varantola K. Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context Sensibility, *Lexicography and Natural Language Processing: A Festschrift in Honor of B.T.S. Atkins*, 2002, pp. 30—44.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 08.06.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Панютина Марина Николаевна — аспирантка кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marinapanjutina@mail.ru

Paniutina Marina Nikolaevna — Post-graduate student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, marinapanjutina@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 77—87.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 77—87.

Научная статья

УДК 327.8(091)

DOI: 10.46726/H.2022.4.8

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Иван Андреевич Ветров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, i.a.vetrov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору взаимодействий стран Латинской Америки и Европейского союза на межрегиональном уровне в рамках политики помощи Европейского союза. Проведенное исследование дает понять, что встречи глав государств и правительств являются одним из главных инструментов взаимодействия двух регионов для развития сотрудничества и определения стратегических направлений деятельности. Однако, исходя из содержания принятых итоговых документов, можно сделать вывод о том, что политическое сотрудничество, оставаясь одной из главных целей, продвигается медленными темпами.

Ключевые слова: политика помощи Европейского союза, взаимодействие Латинской Америки и ЕС, социальная политика Латинской Америки, декларация Лима, Андское сообщество, МЕРКОСУР

Для цитирования: Ветров И.А. Выявление основных направлений взаимодействия Латинской Америки и Европейского союза на межрегиональном уровне // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 77—87.

Original article

IDENTIFICATION OF THE MAIN DIRECTIONS OF INTERACTIONS BETWEEN LATIN AMERICA AND EUROPEAN UNION AT THE INTERREGIONAL LEVEL

Ivan A. Vetrov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, i.a.vetrov@mail.ru

Abstract. The article reviews the interaction of Latin America and the European Union at the interregional level within the framework of the European Union's aid policy. This study clearly shows that the Summit of Heads of State and Government is one of the main instruments for interaction, cooperation development and the definition of strategic directions between the two regions. However, based on the content of the final documents adopted, it can be concluded that the political cooperation, although still one of the main objectives, is progressing slowly.

Keywords: politics of the European Union, the interaction of Latin America and the EU, social policy in Latin America, the Declaration of Lima, Andean community, MERCOSUR

For citation: Vetrov I.A. Identification of main directions of interactions between Latin America and Europe Union at the interregional level, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 77—87.

Помощь в развитии всегда занимала особое место во внешней политике стран Европы и европейских сообществ. Формально помощь развитию стала частью совместной политики в 1993 году с момента подписания Маастрихтского договора, в котором страны-участники брали на себя обязательство координировать свою внешнюю политику с Европейской комиссией. Четыре основные цели политики Европейского союза по сотрудничеству это:

- стимулирование устойчивого политического, экономического и культурного развития;
- усиление интеграции развивающихся стран в мировую экономику;
- снижение бедности в развивающихся странах;
- развитие гражданских инициатив, уважение прав человека и основных свобод.

Для достижения поставленных целей Европейский союз использовал так называемые Регламенты о финансовой и технической помощи развивающимся странам. Первый такой регламент был принят Советом ЕЭС 25 февраля 1992 года еще до подписания Договора о Европейском союзе. Этот документ стал базой для финансирования различных проектов Европейского сообщества в странах Латинской Америки и Азии [Reglamento (Cee) No 443/92]. Главной целью Регламента было объявлено развитие человеческого потенциала в беднейших странах. Пятая статья Регламента гласит, что «финансовая и техническая помощь должны уделять первоочередное внимание разработке сельского сектора и повышению уровня продовольственной безопасности» [Reglamento (Cee) No 443/92], так как сельское хозяйство не только обеспечивает продовольствием население, но и дает рабочие места большому количеству жителей регионов. Охрана окружающей среды и борьба

с оборотом наркотиков также занимает особое место в сотрудничестве ЕЭС с регионами-партнёрами. Шестая статья создает основы межрегионального сотрудничества и определяет приоритетные направления:

- сотрудничество в области окружающей среды;
- развитие внутрирегиональной торговли;
- укрепление региональных государственных учреждений;
- поддержка региональной интеграции и выработка политики и деятельности между развивающимися странами;
- региональные связи в области стандартизации, коммуникаций и услуг, включая телекоммуникации;
- исследования всех видов;
- подготовка кадров;
- развитие сельских районов и обеспечение продовольственной безопасности;
- сотрудничество в энергетическом секторе.

Основные сферы экономического сотрудничества были определены в восьмой статье Регламента:

1) повышение научно-технического потенциала и, в целом, улучшение экономической, социальной и культурной ситуации, что будет осуществляться путем передачи, подготовки и повышения квалификации;

2) совершенствование институциональной поддержки должно сопровождаться интенсификацией диалога со странами-партнерами, чтобы экономический, законодательный, нормативный и социальный климат стал более благоприятным для развития;

3) оказание помощи предприятиям, которая будет предоставлена главным образом через торговые и рекламные мероприятия, обучение и техническую помощь по установлению контактов между предприятиями и схемы для облегчения сотрудничества.

Кроме сфер сотрудничества определяется и принципиальный метод финансирования: «Финансовая и техническая помощь, а также расходы по экономическому сотрудничеству в целом, осуществляются в форме грантов, финансируемых из общего бюджета Европейского Сообщества» [Reglamento (Cee) No 443/92]. Кроме того, в документе были определены приоритетные сферы, в которых будут предоставлены необходимые финансовые ресурсы. Первая фаза регламента была завершена в 1995 году, когда Европейская комиссия определила новые ключевые направления взаимодействия ЕС со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Определение новых направлений сотрудничества происходило на фоне определенных политических событий в Западном полушарии, которые повлияли на дальнейшие действия ЕС в отношениях с Латинской Америкой. В их число входит вступление в силу договора о Североамериканской зоне свободной торговли НАФТА в 1994 году и Саммит глав американских государств в Майами в том же году. На данной встрече была озвучена инициатива создания общей для обеих Америк зоны свободной торговли. В то же время Европейский союз начал терять свои позиции в латиноамериканском регионе, наметилась тенденция сокращения товарооборота между двумя регионами и уменьшение доли европейских стран в общем объеме инвестиций в страны Латинской Америки. Доля Западной Европы в прямых иностранных инвестициях (ПИИ) в регионе, составлявшая в конце 80-х годов 50 %, снизилась в 1990—1995 гг. до 25 %.

Все эти события стали причинами активизации европейской политики в южноамериканском регионе и интенсификации связей на всех уровнях в течение второй половины 90-х годов XX века. Стоит отметить, что стремление Европейского союза возобновить утраченные связи было положительно встречено представителями латиноамериканского континента, благодаря чему в июне 1999 года был проведен первый Саммит глав государств и правительств Европейского союза и Латино-Карибской Америки.

Первая большая встреча состоялась в Рио-де-Жанейро 28—29 июня 1999 года. По итогам Саммита была принята Декларация Рио-де-Жанейро, главной целью которой стало «создание межрегиональной стратегической ассоциации, основанной на богатом культурном наследии» [Declaración de Rio]. В седьмом пункте декларации перечислены три новых направления стратегии. Было принято решение о создании двусторонней группы высокого уровня, которая будет проводить регулярные встречи для конкретизации и продвижения деятельности Стратегического альянса. Также Декларация содержит обязательства сторон по взаимодействию в различных сферах. Наиболее обширным является список политических обязательств, который содержит такие пункты, как:

— усиление политического диалога между правительствами двух регионов;

— защита демократии, верховенства закона и основных прав и свобод человека;

— искоренение ксенофобии, расизма и всех видов дискриминации;

— развитие гражданского общества;

— совместная работа по противодействию угрозам миру и безопасности;

— содействие в решении мировой проблемы распространения наркотиков;

— усиление международных многосторонних организаций как площадок для международного разрешения противоречий.

В области экономики представители обоих регионов выделили особую важность Всемирной торговой организации как главного мирового форума по либерализации торговли и установлению базовых правил для международной системы торговли. Также были высказаны пожелания по улучшению финансового климата для увеличения финансовых потоков и инвестиций, а также углублению сотрудничества в науке и технике с целью облегчения трансферта технологий ноу-хау, что поспособствует улучшению взаимодействия между Европейским союзом и странами Латинской Америки и Карибского бассейна в области производства товаров, торговли, инфраструктуры, транспорта и телекоммуникаций. Усиление финансовых систем и механизмов контроля стран обоих регионов позволит создать динамичную и стабильную экономическую и финансовую систему. В гуманитарной сфере правительства двух регионов выражают стремление улучшить обмен опытом в области образования и социального обеспечения для создания сильного, открытого и толерантного общества.

Однако в декларации среди приоритетов действий было выделено целых 55 направлений [Declaración de Rio], что делало невозможным их полноценное исполнение. Поэтому созданная Двусторонняя группа высокого уровня на своей первой встрече через 5 месяцев после окончания Саммита в городе Туусула, Финляндия, выделила 11 ключевых приоритетов деятельности:

1. Сотрудничество на международных встречах и форумах;

2. Защита прав человека;

3. Повышение роли женщин в жизни общества;

4. Сотрудничество в области охраны окружающей среды и предотвращения природных катастроф;
5. Борьба с незаконным оборотом оружия и наркотических веществ;
6. Продвижение стабильной и динамичной мировой экономической системы;
7. Запуск деловых контактов между предпринимательскими структурами двух регионов;
8. Сотрудничество в образовании, исследованиях и разработке новых технологий;
9. Защита культурного наследия;
10. Создание общей Инициативы для информационного общества;
11. Поддержка исследований и подготовка специалистов по процессам интеграции.

После встречи Двусторонней группы высокого уровня в городе Туусула Европейская Комиссия направила сообщение Европейскому Совету и Европейскому Парламенту, в котором определила глобальные и региональные действия для выполнения соглашений, достигнутых на Саммите, и поручила подготовить второй Саммит глав государств и правительств в 2002 году [Declaración de Madrid]. В преддверии второго Саммита были определены три приоритетных сферы деятельности: продвижение прав человека, сотрудничество в секторе информационных технологий и снижение социального дисбаланса. Комиссия предложила несколько специальных мер в различных областях. В политической:

- продвижение политических и гражданских прав человека с участием таких независимых институтов, как омбудсмен и неправительственные организации, усиление диалога между НПО и государством;
- поддержка демократических политических систем;
- продвижение и защита экономических и социальных прав человека.

В экономической сфере было предложено:

- принять соответствующие меры для привлечения инвестиций в коммуникационную инфраструктуру;
- ускорить подготовку и обучение человеческих ресурсов в области использования и управления информационно-коммуникационными технологиями;
- продвигать демонстрацию проектов в области телеобразования, здоровья, городского транспорта, электронной торговли и т. д.;
- увеличить взаимосвязи между образовательными и исследовательскими учреждениями стран-участниц процесса сотрудничества.

Со своей стороны, 20 сентября 1999 года и 30 сентября 1999 года латиноамериканские лидеры созвали встречу министров иностранных дел Группы Рио, чтобы создать Комиссию по сотрудничеству между Латинской Америкой и Карибским бассейном и ЕС в рамках двустороннего саммита ЕС — Латинская Америка [Declaración de Rio]. Комитет был создан как открытая структура для всех государств Латинской Америки, заинтересованных в развитии отношений с ЕС и способных представлять регион.

Мероприятия, осуществленные после первого Саммита, позволили создать базу для дальнейшего диалога. Уже в мае 2002 года в Мадриде состоялась вторая встреча глав государств и правительств во время председательства Испании в Европейском союзе. Международная обстановка была очень сложной, всего за несколько месяцев до встречи состоялись террористические атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, и международное

сообщество было обеспокоено проблемами международной безопасности. Поэтому, по мнению С. Фререса, «безопасность, одна из многих тем, рассматриваемых в Рио-де-Жанейро, стала первостепенной на встрече в Мадриде» [Freres: 112]. Что, однако, не было актуально для стран Латинской Америки и Карибского бассейна, которые переживали различные экономические, политические и социальные кризисы, выход из которых занимал более важное место в их повестке дня, чем противостояние международному терроризму. В итоговом документе, получившем название Мадридского обязательства, сохранились все обязательства, выраженные в Декларации Рио, но были добавлены несколько положений о сохранении международной региональной безопасности: борьба с терроризмом, являющемся угрозой демократическим системам и развитию; недовольство повторяющимися нарушениями прав человека и гуманитарного права в Колумбии. В экономической сфере также остались актуальны: продвижение свободной торговли, борьба с бедностью, макроэкономическая стабильность и другие пункты Декларации Рио. Мадридское обязательство выражало удовлетворение окончанием процесса по соглашению об Ассоциации (ЕС и Чили). Институционализация и углубление отношений с МЕРКОСУР были отложены на более поздний срок, но было отмечено, что вопросы институционального сотрудничества уже виртуально решены. Все вопросы по либерализации и улучшению правил торговли были «отданы» на решение Всемирной торговой организации [Freres: 110]. С. Фререс считает, что Соглашение с Чили спасло встречу в Мадриде, так как обсуждение соглашения о сотрудничестве с МЕРКОСУР было отложено, а стремление стран Карибского бассейна и Центральной Америки заключить соглашения о свободной торговле с ЕС было расценено как «мало реалистичное». В области сотрудничества Комиссия провозгласила начало двух программ, одна из которых была направлена на взаимодействие двух регионов в области создания и продвижения информационного общества, а вторая должна была регулировать сферу предоставления стипендий выпускникам высших учебных заведений стран Латинской Америки и Карибского бассейна для обучения в университетах Европейского союза. Правительство Испании как принимающая сторона предприняло много усилий для организации дополнительных встреч в рамках Саммита; дополнительная программа была насыщена семинарами, встречами, совещаниями министров и т. д., однако все эти встречи практически не имели ничего общего с подготовительным этапом Саммита и больше казались «наполнением» свободного времени в повестке дня. В мае 2004 года в Гвадалахаре, Мексика, состоялся третий саммит ЕС—Латинская Америка и Карибский бассейн. Этот саммит носил совершенно новый характер, в нем участвовала уже расширенная группа стран ЕС. Особенность заключалась не столько в том, что у новых членов не хватало опыта участия во встречах такого уровня от имени Европейского союза, а в том, что у многих новых членов не было даже дипломатических отношений со странами латиноамериканского региона. Кроме того, во многих случаях интересы новых стран-участников — лучший доступ к рынку Сообщества, увеличение прямых инвестиций и т. д. — совпадали с интересами стран Латинской Америки [Declaración de Guadalajara]. Декларация Гвадалахары разрабатывалась в противоречивых условиях. Представители Европейского союза предлагали выделить четыре основные темы для обсуждения, а также обозначить ожидаемые конкретные результаты в четырех сферах, касающихся обеспечения социального равенства: образование, здравоохранение,

налоговая реформа и доступ к правосудию [Declaración de Guadalajara]. Правительства латиноамериканских стран со своей стороны предлагали другой вариант Декларации, который затрагивал темы обеспечения социального равенства в трех компонентах взаимоотношений с ЕС: политический диалог, торговля и сотрудничество для развития без выделения более детальных областей сотрудничества. В конечном итоге официальный текст включал в себя две центральные темы: социальное равенство и мультилатерализм, которые были разделены на несколько более мелких тем: региональная интеграция, демократические принципы управления, сотрудничество для развития в науке, образовании, технологиях и т. д. Такая интеграция двух мнений привела к тому, что реализация финальной Декларации превратилась в сложную задачу по нескольким причинам:

— отсутствие признанных международных площадок сделало возможным влияние на получение поддержки тех или иных инициатив со стороны отдельных правительств и личностей;

— большое количество тем и их различие, что делает маловероятным их исполнение и т. д. Как отмечается в сборнике конференции «Conferencia La Unión Europea y el Sur: Una Nueva Era», прошедшей в сентябре 2004 года, [Conferencia La Unión Europea] результаты Саммита в Гвадалахаре в области социального равенства были очень низкими. Единственной конкретной инициативой в части, касающейся социального равенства, стал запуск программы EURO social.

Следующая встреча глав государств и правительств стран Европейского союза, Латинской Америки и Карибского бассейна состоялась в Вене, Австрия, в мае 2006 года. В рамках встречи прошли собрания министров иностранных дел стран региона, бизнес-форум, региональные встречи и сам Саммит. По итогам Саммита была принята Венская декларация, в которой нашли отражение многие вопросы, затрагиваемые в предыдущих документах: демократия и права человека, защита мира и безопасности, терроризм, наркотики, окружающая среда, энергетика, соглашения о сотрудничестве между субрегионами, борьба с бедностью и неравенством, миграция и обмен технологиями. В Декларации большое внимание уделено согласованию позиций стран двух регионов на более крупных форумах, таких как Генеральная Ассамблея ООН или Всемирная торговая организация. В области охраны окружающей среды стороны приняли обязательство углублять сотрудничество в сфере обмена знаниями и технологиями по предотвращению изменения климата, глобального потепления, рационального использования природных ресурсов и сохранения биоразнообразия для устойчивого развития [Declaración de Viena]. С самого начала переговоров большое значение придавалось развитию интеграционных процессов между Европейским союзом и интеграционными объединениями, существующими в регионе: МЕРКОСУР, Андское сообщество наций, КАРИКОМ. Поэтому в Декларации был отмечен определенный прогресс и выражено стремление продолжать работу в этом направлении. Борьба с бедностью и неравенством всегда присутствовала в повестке дня Саммитов глав государств и правительств. Однако в Венской Декларации уже намного меньше уделялось внимания этому вопросу, из чего можно сделать вывод, что в данной области были достигнуты определенные результаты и данная проблема стала менее актуальной. В Декларации отмечается, что главы государств и правительств остались довольны проведением первого Делового форума ЕС — Латинская Америка и Карибский бассейн на тему

«Связь двух миров через торговлю и культуру». На форуме собрались ключевые представители бизнеса из обоих регионов, чтобы обсудить торговые отношения, инвестиции, услуги и возможности для бизнеса. Наконец, стороны приняли приглашение Перу на 5-й саммит ЕС—Латинская Америка и Карибский бассейн в 2008 году, в котором приняли участие 60 глав государств и правительств. Отсутствие премьер-министра Великобритании Гордона Брауна, президента Франции Николя Саркози и премьер-министра Италии Сильвио Берлускони из-за внутренних проблем повлияло на доверие к саммиту и обоснованность его решений. По итогам встречи была принята Декларация Лима, которая была подписана 16 мая 2008 года 27-ю представителями Европейского союза и 33-мя представителями стран Латинской Америки и Карибского бассейна [Declaración de Lima].

Основными темами обсуждения стали «Бедность и неравенство» и «Устойчивое развитие: окружающая среда, изменение климата, энергетика». В Декларации была высказана поддержка Соглашениям об Ассоциации с Мексикой и Чили, так как такие Соглашения позволят продвинуться в переговорах о подписании подобных документов с МЕРКОСУР и Андским сообществом наций. Также в заключительном документе страны-участницы форума высказали недовольство позицией США в отношении Кубы и призвали рассмотреть возможности изменения этой позиции.

Для снижения бедности и неравенства Декларация предлагала принять следующие меры:

— создание эффективной социальной политики, которая позволит использовать государственные и частные ресурсы и дополнить межрегиональное сотрудничество;

— объединение модели роста, главной целью которого является распределение его позитивных результатов с государственной политикой и социальными затратами;

— ликвидация безграмотности и голода в регионе к 2020 году;

— реализация реформ национальных систем социальной защиты и улучшение сотрудничества в области продвижения гендерного равенства и соблюдения прав людей с ограниченными возможностями;

— стабилизация макроэкономической ситуации для привлечения иностранных инвестиций и активизация деятельности Европейского инвестиционного банка в регионе.

Часть Декларации, посвященная устойчивому развитию, затрагивала следующие обязательства:

— совместные действия по улучшению государственной политики в области окружающей среды — ликвидация городских трущоб;

— сотрудничество двух регионов в сфере изменения климата и энергетике;

— создание программы защиты окружающей среды EUrocLIMA с целью передачи латиноамериканским государствам европейских знаний в этой области;

— улучшение мер регулирования технологий, норм и правил в области биотоплива.

Профессор экономики Хосе Мануэль Гарсиа де ла Крус в своей статье «Оценка Декларации Лима, V Саммит ЕС — страны Латинской Америки и Карибского бассейна» приводит анализ принятого документа и отмечает, что изменилось в первую очередь отношение Европейского союза к региональному

сотрудничеству, были дифференцированы по значимости компоненты отношений: политический диалог, торговые соглашения и сотрудничество для развития [Declaración de Lima]. Также было решено создать Фонд Латино-Карибской Америки и Европейского союза для обсуждения общих стратегий и действий, ориентированных на усиление межрегиональной ассоциации. Еще была создана Евро-Латиноамериканская Парламентская Ассамблея, основной целью которой было названо сближение законодательства двух регионов и углубление сотрудничества законодательных органов стран регионов. Следующую встречу глав государств и правительств было решено провести в Мадриде в мае 2010 года. Встреча проходила в сложной экономической ситуации мирового финансового кризиса, странами Европы предпринимались определенные меры по сохранению зоны евро с учетом положения Греции и рекомендаций по антикризисным мерам для Испании и Португалии. В то же время страны Латинской Америки и Карибского бассейна участвовали в Саммите, имея положительные показатели развития во время мирового финансового кризиса. Данную встречу называют «Саммитом конкретных результатов», которые были закреплены в двух документах, определяющих диалог региона с регионом. Один из них «Мадридская декларация. К новому этапу межрегиональной ассоциации: инновации и технологии для устойчивого развития». В Декларации нашли отражение три основных тематических направления: партнерство для совместного противостояния мировым вызовам; усиление межрегиональной ассоциации и продвижение технологических инноваций на межрегиональном уровне для устойчивого развития.

Второй документ, который получил название «Мадридский план действий 2010—2012», отходит от общих заявлений и уделяет основное внимание практическим действиям и определению ожидаемых результатов в таких сферах, как:

- наука, исследования, инновации и технологии;
- устойчивое развитие, окружающая среда, изменение климата, биоразнообразие и энергетика;
- региональная интеграция;
- миграция;
- образование и занятость;
- программа борьбы с наркотиками [Plan de acción de Madrid].

В политической сфере встреча не продемонстрировала значительных результатов, вновь подтвердив риторику, закрепленную в заключительных документах Саммитов: демократия, права человека, сотрудничество для развития, интеграция, борьба против терроризма. Наибольших успехов удалось достигнуть в сфере усиления межрегиональной ассоциации. Было подписано торговое соглашение Европейского союза с Колумбией, которое вызвало недовольство других стран Андского сообщества. Также было подписано соглашение об ассоциации Европейского союза и Центральной Америки, первое соглашение между двумя регионами. Третьим важным достижением стало возобновление переговоров между Европейским союзом и странами МЕРКОСУР о подписании соглашения об ассоциации, которое позволит в будущем укрепить торговые связи между двумя регионами в целом. Одним из важнейших результатов стала дальнейшая работа по созданию Фонда Латино-Карибской Америки и Европейского союза, решение о котором было озвучено на встрече в Лиме. Этот орган позволит обсуждать общие темы, укрепляя с одной стороны политический диалог, а с другой — сотрудничество между двумя регионами, также он может служить специальной площадкой

для участия гражданского общества в процессах определения общей политики. Было принято предварительное соглашение о выборе трех городов-кандидатов для расположения штаб-квартиры: Гамбурга, Милана и Парижа. Однако стоит отметить, что ни один из этих городов не принадлежит к Иberoамерике, что может стать негативным фактором при расширении сотрудничества, поэтому предпочтительнее выбрать какой-нибудь город Испании или Португалии — стран, которые имеют прямые контакты с обоими регионами. Кроме того, начало отношений Европейского союза с Латинской Америкой было положено именно с вступлением Испании и Португалии в Европейский союз, что не может остаться без внимания при выборе города для расположения штаб-квартиры Фонда Латино-Карибской Америки и Европейского союза. Однако с точки зрения диверсификации связей Латинской Америки в Европейском союзе расположение штаб-квартиры новой организации в стране, где государственным языком не являются ни испанский, ни португальский, может внести большой вклад. Третья часть Декларации, посвященная продвижению инноваций и технологий на межрегиональном уровне для устойчивого развития, может считаться «путеводителем для работы по подготовке следующей встречи Латинской Америки, стран Карибского бассейна и Европейского союза в 2012 году», так как охватывает наиболее актуальные сферы развития многосторонних взаимоотношений.

Таким образом, встречи глав государств и правительств являются одним из главных инструментов взаимодействия двух регионов, развития сотрудничества и определения стратегических направлений деятельности. Такие встречи позволяют обсудить наиболее важные вопросы в многостороннем формате и обменяться мнениями по различным проблемам на наиболее высоком уровне. Саммиты глав государств и правительств дают определенный импульс дальнейшему развитию двустороннего сотрудничества и делают возможным принятие ключевых решений и обсуждение наиболее острых проблем, касающихся двух регионов. Однако, исходя из содержания принятых итоговых документов, можно сделать вывод, что политическое сотрудничество, оставаясь одной из главных целей, продвигается медленными темпами. Причиной тому можно назвать большое количество участников встреч и кардинальное различие позиций некоторых участников переговорного процесса, что резко снижает эффективность проводимых встреч. Еще одной сложностью политического сотрудничества между двумя регионами можно назвать игнорирование некоторыми руководителями государств проводимых встреч и совещаний, а также отсутствие интереса у новых членов Европейского союза в развитии отношений с Латинской Америкой. Политическое сотрудничество во многом зависит от деятельности и позиции правительства Испании, на территории которой прошли два из шести состоявшихся Саммитов. Экономическое измерение сотрудничества двух регионов развивается по поступательной, но держится в основном на внешнеторговой политике крупных государств Европейского союза. Для ускорения и интенсификации сотрудничества необходимо принять целый ряд мер, основной из которых является отмена тарифных ограничений на импорт в Европейский союз сельскохозяйственных продуктов из стран Латинской Америки и Карибского бассейна. На сегодняшний день разрешение возникающих между двумя блоками в экономической сфере противоречий невозможно в существующем формате, поэтому решение вопросов либерализации торговли между блоками в целом было отложено до завершения Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО. Тем не менее, несмотря на существующие сложности, Европейский союз намерен

продолжать сотрудничество с Латинской Америкой, о чем говорит принятие в 2002 году Стратегической региональной программы Европейского союза для Латинской Америки и ее возобновление в 2007 году.

Список литературы / References

- Freres C. De las declaraciones a la asociación birregional?, *Nueva Sociedad*, 2004, № 189, pp. 110—124. URL: http://www.nuso.org/upload/anexos/foro_199.pdf (accessed: 15.06.2022).
- Conferencia La Unión Europea y el Sur: Una Nueva Era. URL: <http://www.rimisp.org/seccion.php?seccion=367> (accessed: 07.06.2022).
- Declaración de Guadalajara. III Cumbre de America Latina, el Caribe y la Union Europea. URL: <http://www.integracionsur.com/americalatina/CumbreALatinaEuropaDelGuadalajara.htm> (accessed: 01.06.2022).
- Declaración de Lima. V Cumbre de America Latina, el Caribe y la Union Europea. URL: <http://www.unapiquitos.edu.pe/boletin/archivos/VCumbreALC-UE2008.pdf> (accessed: 17.06.2022).
- Declaración de Madrid. II Cumbre de America Latina, el Caribe y la Union Europea. URL: http://www.nuso.org/upload/anexos/dec_2002_en.pdf (accessed: 13.06.2022).
- Declaración de Rio. I Cumbre de America Latina, el Caribe y la Union Europea. URL: <http://www.europarl.europa.eu/delegations/noneneurope/idel/d12/docs/cumbrederio/declaracionfinales.htm> (accessed: 13.06.2022).
- Declaracion de Viena. IV Cumbre de America Latina, el Caribe y la Union Europea. URL: http://www.comunidadandina.org/documentos/dec_int/EULACVienna_Mayo2006.pdf (accessed: 10.06.2022).
- Plan de acción de Madrid 2010-2012. URL: http://eeas.europa.eu/lac/docs/plan_madrid_2010.pdf (accessed: 03.06.2022).
- Reglamento (Cee) No 443/92 Del Consejo de 25 defebrerode1992 relativo a la ayuda financiera y técnica y a la cooperación económica con los países en vías de desarrollode América Latina y Asia. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31992R0443:ES:HTML> (accessed: 07.06.2022).

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 26.09.2022

The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Ветров Иван Андреевич — аспирант кафедры истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, i.a.vetrov@mail.ru

Vetrov Ivan Andreevich — Post-graduate student of the Department of History and Politics of Russia, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, i.a.vetrov@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 88—98.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 88—98.

Научная статья

УДК 94(470.314/.317)''1920/1930''

DOI: 10.46726/И.2022.4.9

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ТРЕСТЫ РЕГИОНА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920—1930-х гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Денис Евгеньевич Комолов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
komolov.denis2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы изучения вопросов отечественной исторической науки, связанные с трестированием текстильной промышленности Верхневолжского экономического региона СССР. Акцент сделан на изучении литературы, посвященной трестам Иваново-Вознесенской губернии и ИПО, так как именно на этих территориях размещался основной потенциал текстильной отрасли региона. Отмечена диспропорция между изучением опыта работы предприятий и объединений текстильной отрасли региона и изучением процесса индустриализации СССР в целом. В хронологическом порядке проанализирована литература, связанная с изучением проблемы. Рассмотрены основные труды отечественных и зарубежных исследователей. Выделены две группы исследований: общего и специального характера. К общим отнесены работы, связанные с изучением экономической истории СССР восстановительного периода и индустриализации СССР. Характер специальных работ носят научно-публицистические и научные исследования, связанные с краеведческой тематикой в целом, и с поставленной проблемой в частности. Приведённые труды проанализированы с точки зрения личностной заинтересованности их авторов, а также источниковедческой и методологической базы. Отмечены достоинства и недостатки каждой группы исследовательских трудов по заявленной теме, а также проведено сопоставление между собой ряда научных работ. Сделан вывод о фрагментарном характере литературы по изучаемой теме, а также выявлены общие тенденции и закономерности в развитии изучения заявленной темы на протяжении XX—XXI вв.

Ключевые слова: Верхневолжский регион, текстильная промышленность, индустриализация, тресты, историография

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю доктору исторических наук, профессору Ю.А. Ильину.

Для цитирования: Комолов Д.Е. Текстильные тресты региона Верхнего Поволжья в 1920—1930-х гг.: историография проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 88—98.

Original article

TEXTILE TRUSTS OF THE UPPER VOLGA REGION IN THE 1920—1930s: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Denis E. Komolov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, komolov.denis2014@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main stages of studying the issues of national historical science related to the trusting of the textile industry of the Upper Volga economic region of the USSR. The emphasis is placed on the study of literature devoted to the trusts of Ivanovo-Voznesenskaya province and IIR, since it was in these territories that the main potential of the textile industry of the region was located. The disproportion between the study of the experience of enterprises and associations of the textile industry of the region and the study of the industrialization process of the USSR as a whole is noted. The literature related to the study of the problem is analyzed in chronological order. The main works of domestic and foreign researchers are considered. Two groups of studies have been identified: general and special. The works related to the study of the economic history of the USSR, the reconstruction period and the industrialization of the USSR are classified as general. The nature of special works are scientific-journalistic essays and scientific research related to local history in general, and to the problem under study in particular. These works are analyzed from the point of view of the personal interest of their authors, as well as their sources and methodological base. The advantages and disadvantages of each group of research papers on the stated topic are noted, and a number of scientific papers are compared with each other. The conclusion is made about the fragmentary nature of the literature on the topic under study, as well as general trends and patterns in the development of the study of the declared topic during the XX—XXI centuries.

Keywords: Upper Volga region, textile industry, industrialization, trusts, historiography

Acknowledgements: the work was supported by the scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.A. Ilyin.

For citation: Komolov D.E. Textile trusts of the Upper Volga region in the 1920—1930s: historiography of the problem, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 88—98.

В СССР, как и в современной России, мало внимания уделялось изучению вопросов, связанных с историей деятельности текстильных трестов региона Верхнего Поволжья в 1920—1930 гг., хотя в тот период данный регион считался текстильной столицей страны. Как в советский, так и в российский период исследователи предпочитают дистанцироваться от изучения опыта работы конкретных текстильных фабрик и комбинатов региона в указанный период и обращаются к рассмотрению глобальной проблемы — индустриализации по регионам и СССР в целом, а также к проблемам, связанным с историей рабочего класса в СССР.

В настоящее время мы вынуждены констатировать, что специальные исторические научные труды по изучаемой нами проблеме практически отсутствуют. В связи с этим, нами были привлечены научные труды как по истории индустриализации СССР и народного хозяйства в целом, так и отдельных его регионов в советский период.

В советский период в основном публиковались труды обобщающего характера. Они были посвящены отдельным темам: НЭП, индустриализация

СССР, история народного хозяйства СССР в целом. Эти работы отличались фундаментальностью, исследованием всех аспектов развития той или иной отрасли экономики СССР. Так, разобраться в сущности новой экономической политики помогли труды по истории государства, выпущенные под редакцией В.П. Дмитренко [История России. XX век] и Л.В. Милова [История России XX — начала XXI века]. В них НЭП характеризуется как вполне эффективная модель восстановления экономики, которая по мере своего завершения функционировала с большими сбоями. Авторы показали, как обострялись противоречия в экономической и социально-политической сферах жизни общества из-за многообразия социальных интересов и большевистского авторитаризма.

Необходимо отметить и книгу Т.М. Тимошиной [Тимошина]. В данной работе интерес представляют 10-ая и 11-ая главы, в которых исследователь описывает экономическую ситуацию в СССР в период с 1921 по 1940 г. Т.М. Тимошина проследила общие и самые важные тенденции в производстве, торговле, изменения в системе управления экономикой, реформы в денежной и кредитно-финансовой сфере данного этапа. Автор кратко описывает тресты и синдикаты как главенствующий тип управленческих структур в промышленности периода 1920-х гг.

В книге Ю.М. Голанда [Голанд] представлен анализ двух кризисов (1925 г. и 1927 г.). Автор пришел к выводу, что использование рыночного механизма в условиях централизованной экономики требует высокой компетентности решений, принимаемых экономическими органами, и демократического механизма выбора альтернатив на всех уровнях управления. Без этих условий кризисы неизбежны.

Вторая группа работ охватывает социально-экономические проблемы, проявлявшиеся в промышленности страны как в годы НЭПа, так и в период форсированной индустриализации 1930-х гг. Среди этих работ выделялись исследования экономиста П.И. Лященко [Лященко], П.Б. Жибарева [Жибарев] и В.С. Лельчука [Лельчук]. Данные труды характеризует комплексный подход к изучению народного хозяйства СССР в конце 1920—1930 гг. в целом. Однако и они не лишены тенденциозности в освещении ряда вопросов. Применительно к нашему исследованию они помогают понять общую картину положения дел как в текстильной промышленности СССР периода конца 1920—1930 гг., так и во всей промышленности страны в целом.

Кроме вышеуказанных работ, необходимо выделить учебное пособие коллектива авторов И.Г. Иоффе, Е.Н. Пекшевой, З.В. Бобровой [Иоффе, Пекшева, Боброва], посвящённое экономике текстильной промышленности в целом. Данный труд характеризуется системным изложением материала по вопросам планирования, развития, организации и управления текстильной промышленностью. Интерес для нас представляет 1 глава 1-го раздела, в которой обзорно проанализированы основные этапы восстановления текстильной промышленности СССР в 1920—1930 гг., а также присутствуют статистические данные относительно процентного состава оборудования хлопчатобумажных предприятий по основным видам производимой продукции (прядильной, ткацкой).

Среди новейших отечественных работ выделим труд коллектива авторов под редакцией М.В. Конотопова [История отечественной...] по истории отечественной текстильной промышленности. В данном исследовании анализируется процесс развития текстильной промышленности России от её зарождения до 1992 года. Также в книге дан обзор уровня развития отрасли,

задач по её перестройке, совершенствованию хозяйственного механизма (управления, техники и технологии).

Особый интерес в данной работе представляет первая глава второго раздела, в котором дан анализ развития текстильной промышленности СССР в годы Гражданской войны и НЭПа.

Немало работ раскрывают региональные особенности развития текстильной промышленности. Выделим статью Е.И. Сафоновой [Сафонова], в которой раскрываются основные принципы оплаты труда московских текстильщиков. Выявленные тенденции в динамике оплаты труда рабочих, младшего обслуживающего персонала и служащих во многом схожи с принципами распределения зарплаты на предприятиях текстильных трестов Верхнего Поволжья.

С.А. Уразова [Уразова] на примере деятельности текстильных предприятий Среднего Поволжья рассмотрела проблему становления нового хозяйственного механизма в данной отрасли. Автор выделила противоречия между центральными и местными хозяйственными органами по вопросам управления промышленностью. С образованием трестов в данном регионе предприятия подверглись режиму двойного подчинения, что сковывало инициативу местной администрации.

Стоит отметить работы Н.Р. Коровина [Коровин 1994; 2001], посвящённые индустриализации и рабочему классу СССР в 1930 гг. Автором дан обстоятельный анализ эпохи промышленной индустриализации 1930-х гг., а также динамика численности и состава рабочих России в указанные годы, изменение общеобразовательного и культурно-технического уровня рабочего класса, анализируются материальное благосостояние и жизненный уровень рабочих семей. Работы интересны тем, что они дают возможность понять, как сказывался процесс индустриализации в стране на социальном и культурном облике, уровне жизни простых рабочих.

Монография российского исследователя Д.О. Чуракова [Чураков], посвящена ранее почти неизвестному явлению — протестному движению рабочих в первые десятилетия становления советской государственности (период 1917—1930 гг.). На основании широкого круга источников автором раскрывается обширная панорама массовых выступлений, анализируются их причины, динамика, формы и влияние на политику установившегося в стране режима. В ней дан обстоятельный разбор протестов на текстильных предприятиях Ивановской Промышленной области в начале 1930-х гг.

Таким образом, мы видим, что обобщающие работы по истории СССР, истории экономики народного хозяйства при всей своей фундаментальности подхода не лишены недостатков: преувеличивается роль центральной власти в достижениях экономического развития, замалчиваются некоторые проблемы, связанные с текущим руководством, реальным выполнением планов первых промышленных пятилеток, трудового энтузиазма и дисциплинированности рабочего класса, его бытовой обустроенности.

Основными источниками отечественных историков практически на всём протяжении существования СССР были статистические сборники, стенограммы съездов коммунистической партии, материалы как центральной, так и региональной периодической печати, а также опубликованные доклады ряда центральных советских органов власти.

Труды же современных российских исследователей основаны на богатом источниковом материале, который, по большей части, представлен архивными данными. Исследователи получили широкую возможность работать

с документами столичных и провинциальных архивов. Это расширяет проблематику их работ и повышает шансы объективного изучения прошлого.

Из работ зарубежной историографии выделим труды Э.Х. Карра [Karr] и Н. Верта [Vert], посвященные истории советского государства. Также необходимо отметить и работы Р.У. Дэвиса [Davies 1989; 1996], описывающие положение советской промышленности в 1920—1930 годы.

Труд Э.Х. Карра «История Советской России» прослеживает историю становления Советской России, а затем и СССР на протяжении конца 1910—1920 гг. В IX и X томах исследователем делается упор на промышленность и сельское хозяйство. Так, в девятом томе своего труда Э.Х. Карр подробно и в хронологическом порядке прослеживает процесс организационной работы в промышленности СССР, её структуру и органы управления на протяжении второй половины 1920-х гг., в том числе трестов и синдикатов.

Работа Р.У. Дэвиса посвящена «сталинской» индустриализации. Для нашего исследования интерес представляют третья и четвёртая части труда, в которых автор даёт подробный анализ всех отраслей экономической жизни СССР в период с 1929 по 1931 годы. Р.У. Дэвис описывает процесс принятия решений в центральных органах управления промышленностью (в том числе и текстильной), прослеживает процедуру как ежегодного, так и пятилетнего планирования развития промышленности, рассматривает политику ценообразования в промышленности СССР, а также касается некоторых социально-экономических явлений, в частности, движения ударников на промышленных предприятиях.

Вышеуказанные работы представляют общий интерес. Опираясь на них, можем понять какие процессы проходили в текстильной промышленности региона Верхнего Поволжья, а также проанализировать суть самого процесса её трестирования.

Данные исследования отличаются фундаментальностью в работе с историческими документами, вниманием к вопросам жизни простого советского человека (рабочего, крестьянина), в большинстве своём они лишены идеологической тенденциозности в освещении ряда экономических и политических вопросов в советской промышленности и экономики в целом, не принижают достижения советской промышленности того периода.

Таким образом, доказано, что привлечённые нами зарубежные труды носят характер общих работ. Они предоставляют нам возможность увидеть политические события и экономические процессы в СССР 1920-х — начала 1930-х гг. со стороны иностранных исследователей.

В советский период ивановскими историками было выпущено несколько работ по истории нашего края, в ряде глав которых дан подробный анализ периода восстановления текстильной промышленности Ивановского края и периода довоенных промышленных пятилеток, процесс строительства новых предприятий и подготовки кадров рабочих. Выделим работы коллектива авторов под редакцией С.С. Деева, А.В. Шипулиной и Ю.Ф. Глебова [История города Иваново], под редакцией А.В. Шипулиной, В.В. Петрова и И.Я. Вострикова [Наш край в истории СССР].

Социально-экономические проблемы Иваново-Вознесенской губернии 1920-х гг. поднимает краевед М.Г. Лукьянов [Лукьянов 1931a; 1931b]. Сквозь призму советской идеологии 1930-х гг. автор рассмотрел успехи и неудачи производства. В его трудах имеется краткая информация о деятельности местных трестов и их фабрик, в частности есть информация по Меланжевому комбинату.

В 1940—50 гг. вышли работы краеведов И.И. Тюрина, С.В. Чернобровцева, П.М. Экземплярского [Тюрин, Чернобровцев, Экземплярский], [Чернобровцев], [Экземплярский]. Исследователи затронули процессы, связанные с восстановительным периодом советской промышленности 1920—1926 гг. и началом периода индустриализации 1928—1931 гг. Они описали процесс строительства и оборудования трёх новых текстильных предприятий, которые были призваны ликвидировать диспропорцию между мощностью прядильных и ткацких фабрик. К их числу относятся прядильная фабрика им. Ф.Э. Дзержинского, Меланжевый комбинат им. К.И. Фролова и прядильная фабрика «Красная Талка».

Вышеуказанные работы основаны как на источниках личного происхождения (в частности, устных мемуарах бывших рабочих фабрик Иваново-Вознесенска), так и на материалах периодической печати (газета «Рабочий край»). Краеведы не привлекали архивные источники по производственной деятельности описываемых ими текстильных предприятий. Поэтому данные публикации могут быть привлечены лишь в качестве работ, раскрывающих общий фон изучаемой нами проблемы.

В 1950—60-е гг. ивановские публицисты выпустили ряд работ по истории отдельных фабрик. В.А. Бабичев, И.И. Зимин и В.М. Смирнов составили исторический очерк по работе Тейковского хлопчатобумажного комбината [Бабичев, Зимин, Смирнов]. В трудах Ю.Ф. Глебова, В.М. Соколова и И.М. Вихрева отражены основные моменты развития Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры [Глебов, Соколов] и Родниковского комбината «Большевик» [Глебов, Вихрев]. Журналист Т.Н. Лешуков написал краткую историю Вичугской прядильно-ткацкой фабрики им. В.П. Ногина и несколько очерков посвятил БИВМ [Лешуков 1958, 1961, 1962]. Данные работы представляют собой историко-экономические очерки развития предприятий с момента их появления в XVIII—XIX вв. и до конца 1950—1960 гг. В них раскрываются такие важные вопросы, как условия производства, модернизация предприятия, положение рабочих и общественно-политическая жизнь на фабриках в 1920-х — начале 1930-х гг.

Отдельно необходимо отметить труды Ю.А. Якобсона. Он фундаментально подошел к изучению этапа восстановления текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии после окончания Гражданской войны. В частности, поднял вопросы положения иваново-вознесенских текстильщиков в период перехода к НЭПу (1921—1922 гг.), хозяйственные трудности и деятельность трестов во время кризиса сбыта 1923 г., переход фабрик на уплотнённую работу в 1924—1925 гг. [Якобсон].

Ю.А. Якобсон опирался на неопубликованные архивные документы Центрального партийного архива (ЦПА ИМЛ), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), Ивановского областного партийного архива (ИОПА) и Ивановского областного государственного архива (ИОГА ОФОРСС), периодическую печать («Рабочий край», «Бюллетень Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста», «Известия Иваново-Вознесенского губкома РКП (б)» и т. д.), статистику. Он внес весомый вклад в изучение текстильной промышленности нашего края периода новой экономической политики.

Таким образом, в советский период ивановскими краеведами в основном затрагивались проблемы, связанные с историей нашего края и с развитием текстильной промышленности региона в целом. Краеведы того времени

совершенно не касались вопросов развития конкретных объединений (трестов) в текстильной промышленности региона.

Постсоветский период изучения истории нашего края характеризуется массовым выходом монографий и статей ивановских краеведов. Из исследований по истории края необходимо выделить работы К.Е. Балдина, Ю.А. Ильина, А.М. Семенов и В.С. Околотина, в которых дан исторический обзор разных сторон жизни города Иваново и области [Балдин, Ильин; Балдин, Семенов; Ильин; Околотин].

В исследовании К.Е. Балдина и Ю.А. Ильина интерес представляет 11 глава, в которой описан процесс восстановления экономики края в 1920-е гг. Особое внимание исследователи обратили на процесс реконструкции работающих и строительство новых текстильных предприятий, входивших в изучаемые нами тресты, в Кинешме, Тейкове, Родниках и других городах региона, а также на социально-экономическое положение рабочих-текстильщиков и меры властей региона по их материальной поддержке.

В монографии В.С. Околотина освещаются вопросы экономического и административного районирования, реализации государственных программ и налоговой политики на территории ИПО, а также вопросы по реорганизации ИПО и новым формам межрегионального взаимодействия во второй половине 1930-х гг. Работа основана на богатом источниковом материале и представлена в основном архивными источниками, как регионального (ГАИО, ГАЯО, ГАВО и ГАКО), так и центрального значения (РГАЭ, РГАСПИ).

Данная монография интересна тем, что автор описывает переломный этап в политической и социально-экономической жизни 4-х бывших губерний региона Верхней Волги, объединённых в 1929 году в Ивановскую промышленную область, процессы реорганизации управления промышленностью Иваново-Вознесенской губернии на примере текстильных трестов региона. Автор поднимает вопросы самостоятельности трестов в деле управления подотчётным им предприятиями, а также вопросам политики государства в отношении трестов.

Из специальных работ по проблеме необходимо выделить исследования А.В. Фадеевой [Фадеева], А.Д. Козлова [Козлов] и А.А. Ладановой [Ладанова]. Они посвящены истории развития как самих предприятий, которые на протяжении 1920—1930-х гг. входили в изучаемые нами тресты, так и непосредственно самой трестовской форме управления текстильной промышленностью региона. Работы А.Д. Козлова и А.А. Ладановой выполнены на основе архивных источников регионального значения и представляют собой анализ организационной структуры, производственных мощностей, рабочей среды и торговой политики предприятий и трестов.

В них впервые были опубликованы архивные материалы, ранее не фигурировавшие в исследованиях по истории Ивановского края. Авторы анализируют достаточно большой исторический период 1920-х — начала 1940-х гг. с целью выявить специфику и общие принципы функционирования исследуемых ими предприятий Ивановского края.

Данные исследования также не лишены недостатков. Однако работы упомянутых авторов являются применительно к нашему исследованию основными, так как они дают необходимый материал для понимания того, как развивались те или иные предприятия и организационные структуры текстильной отрасли Ивановского края в изучаемый нами период.

Таким образом, в постсоветский период выходит достаточно большое количество (по сравнению с советским периодом) работ, связанных с историей нашего края и, в частности, конкретных предприятий региона.

Подводя итоги, отметим, что литература по истории развития текстильных фабрик и трестов Ивановского края в период восстановления промышленности и индустриализации СССР в 1920—1930 гг., достаточно фрагментарна. Мы можем констатировать, что в настоящее время имеются работы, дающие лишь общие представления о развитии данной отрасли народного хозяйства в изучаемый нами период. Однако данные работы подготовили предпосылки для глубокой разработки исследуемой нами проблемы, а также вызвали интерес к ней у молодых исследователей.

Список литературы / References

- Бабичев В.А., Зимин И.И., Смирнов В.М. Тейковский хлопчатобумажный комбинат: исторический очерк. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966. 84 с.
(Babichev V.A., Zimin I.I., Smirnov V.M. Teikovsky Cotton Mill: a historical essay. Yaroslavl, 1966, 84 p. — In Russ.)
- Балдин К.Е., Ильин Ю.А. Ивановский край в истории отечества. Иваново: Иван. ин-т повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, Обл. краевед. о-во при Иван. отд-нии Рос. фонда культуры. 1998. 150 с.
(Baldin K.E., Ilyin Yu.A. Ivanovo Region in the history of the fatherland, Ivanovo, 1998, 150 p. — In Russ.)
- Балдин К.Е., Семенов А.М. Иваново-Вознесенск. Из прошлого в будущее. Иваново: Епишева О. В., 2011. 247 с.
(Baldin K.E., Semenenko A.M. Ivanovo-Voznesensk. From the past to the future, Ivanovo, 2011, 247 p. — In Russ.)
- Верт Н. История советского государства. 1900—1991 гг. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
(Werth N. The history of the Soviet state. 1900—1991, Moscow, 1992, 480 p. — In Russ.)
- Глебов Ю.Ф., Вихрев И.М. Родниковский ордена Ленина меланжевый комбинат «Большевик». Иваново: Кн. изд-во, 1959. 55 с.
(Glebov Yu.F., Vikhrev I.M. Rodnikovskii Order of Lenin melange plant «Bolshevik», Ivanovo, 1959, 55 p. — In Russ.)
- Глебов Ю.Ф., Соколов В.М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново: Облгиз, 1952. 161 с.
(Glebov Yu.F., Sokolov V.M. The history of the factory of the Great Ivanovo Manufactory, Ivanovo, 1952, 161 p. — In Russ.)
- Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.
(Goland Yu.M. The crises that destroyed the NEP, Moscow, 1991, 94 p. — In Russ.)
- Жибарев П.Б. Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 328 с.
(Zhibarev P.B. The industrialization of the USSR is a great feat of the Soviet people, Moscow, 1969, 328 p. — In Russ.)
- Ильин Ю.А. «Новый курс» и рабочий-текстильщик Иваново-Вознесенской губернии (конец 1924 г.—1925 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2007. № 2. С. 3—19.

- (Plyin Iu.A. «New Course» and textile worker of Ivanovo-Voznesenskaya province (end of 1924—1925), *Ivanovo State University Bulletin*, Ivanovo, 2007, no. 2, pp. 3—19. — In Russ.)
- Иоффе И.Г., Пекшева Е.Н., Боброва З.В. Экономика текстильной промышленности: Учебник для вузов текстильной промышленности. М.: Лег. и пищ. пром-сть, 1981. 388 с.
(Ioffe I.G., Peksheva E.N., Bobrova Z.V. Economics of the textile industry: Textbook for textile industry universities, Moscow, 1981, 388 p. — In Russ.)
- История города Иваново: в 2 ч. Ч. 2: Иваново социалистическое / под ред. С.С. Деева, А.В. Шипулиной, Ю.Ф. Глебова. Иваново: Кн. изд-во, 1962. 361 с.
(The history of the city of Ivanovo: in 2 pts, pt. 2: Ivanovo socialist, ed. by S.S. Deeva, A.V. Shipulinoi, Iu.F. Glebova, Ivanovo, 1962, 361 p. — In Russ.)
- История отечественной текстильной промышленности / под ред. М.В. Конотопова. М.: Легпромбытиздат, 1992. 413 с.
(History of the domestic textile industry, ed. by Konotopov M.V., Moscow, 1992, 413 p. — In Russ.)
- История России XX — начала XXI века / под ред. Милова Л.В. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
(History of Russia of the XX—beginning of the XXI century, ed. by Milova L.V., Moscow, 2006, 958 p. — In Russ.)
- История России. XX век / под ред. В.П. Дмитренко. М.: АСТ, 2001. 608 с.
(The history of Russia. XX century, ed. by V.P. Dmitrenko. Moscow, 2001, 608 p. — In Russ.)
- Карр Э.Х. История Советской России: в 14 т. Т. 9—10. М., 1989. 903 с.
(Carр E.H. A History of Soviet Russia: in 14 vols, vol. 9—10, Moscow, 1989, 903 p. — In Russ.)
- Козлов А.Д. Тейковский хлопчатобумажный комбинат (1920-е—30-е гг.). Иваново: Исторический факультет ИвГУ, 2018. 115 с.
(Kozlov A.D. Teikovskiy Cotton Mill (1920s—30s), Ivanovo, 2018, 115 p. — In Russ.)
- Коровин Н.Р. Индустриализация СССР в 30-е годы. Иваново: Иванов. епарх. православ. духов. училище, 2001. 91 с.
(Korovin N.R. Industrialization of the USSR in the 30s, Ivanovo, 2001, 91 p. — In Russ.)
- Коровин Н.Р. Рабочий класс России в 30-е годы. Иваново: ИвГУ, 1994. 148 с.
(Korovin N.R. The working class of Russia in the 30s, Ivanovo, 1994, 148 p. — In Russ.)
- Ладанова А.А. Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест (1921/1922—1926/1927 гг.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. 142 с.
(Ladanova A.A. Ivanovo-Voznesensky State Textile Trust (1921/1922—1926/1927), Ivanovo, 2020, 142 p. — In Russ.)
- Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
(Lelchuk V.S. Industrialization of the USSR: history, experience, problems, Moscow, 1984, 304 p. — In Russ.)
- Лешуков Т.Н. Большая Ивановская // Наши фабрики. Очерки. Иваново: Кн. изд-во, 1958. С. 90—109.
(Leshukov T.N. The Great Ivanovo Manufactory, *Our factories. Essays*, Ivanovo, 1958, pp. 90—109. — In Russ.)
- Лешуков Т.Н. Большая Ивановская // Текстильный цех республики. М.: Сов. Россия, 1961. С. 35—49.

- (Leshukov T.N. The Great Ivanovo Manufactory, *Textile workshop of the Republic*, Moscow, 1961, pp. 35—49. — In Russ.)
- Лешуков Т.Н. Полтора века в строю: Вичугская прядильно-ткацкая фабрика им. В.П. Ногина, 1812—1962 гг. Иваново: Кн. изд-во, 1962. 76 с.
- (Leshukov T.N. A century and a half in service: Vichug Spinning and Weaving Factory named after V.P. Nogin, 1812-1962, Ivanovo, 1962, 76 p. — In Russ.)
- Лукиянов М.Г. Меланжевый комбинат. Гигант текстильной промышленности. Иваново: Объединение гос. изд-в. Иванов. обл. отд-ние, 1931. 48 с.
- (Lukyanov M.G. Melange plant. A giant of the textile industry, Ivanovo, 1931, 48 p. — In Russ.)
- Лукиянов М.Г. Ситцевый край. Очерки Ивановской промышленной области. М.; Л.: Огиз Моск. рабочий, тип. Красный пролетарий, 1931. 247 с.
- (Lukyanov M.G. Calico territory. Essays of the Ivanovo industrial region, Moscow—Leningrad, 1931, 247 p. — In Russ.)
- Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: в 3 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 643 с.
- (Liashchenko P.I. The history of the national economy of the USSR: in 3 vols, vol. 3, Moscow, 1956, 643 p. — In Russ.)
- Наш край в истории СССР / под ред. А.В. Шипулиной, В.В. Петрова, И.Я. Вострикова. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1974. 119 с.
- (Our region in the history of the USSR, ed. by A.V. Shipulinoi, V.V. Petrova, I.Ia. Vostrikova, Yaroslavl, 1974, 119 p. — In Russ.)
- Околотин В.С. Ивановская промышленная область (1929—1936 гг.). Уроки экономической истории. Иваново, 2009. 528 с.
- (Okolotin V.S. Ivanovo Industrial Region (1929—1936): Lessons in Economic History, Ivanovo, 2009, 528 p. — In Russ.)
- Сафонова Е.И. Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 389—419.
- (Safonova E.I. Moscow textile workers in the years of the NEP: qualification and differentiation in remuneration, *Economic history. Yearbook*. 2000, Moscow, 2001, pp. 389—419. — In Russ.)
- Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: Юстицинформ, 2015. 600 с.
- (Timoshina T.M. Economic History of Russia, Moscow, 2015, 600 p. — In Russ.)
- Тюрин И.И., Чернобровцев С.В., Экземплярский П.М. Текстильный край. Иваново: изд. и тип. Иван. обл. изд-ва, 1948. 206 с.
- (Tiurin I.I., Chernobrovtssev S.V., Ekzempliarskii P.M. Textile region, Ivanovo, 1948, 206 p. — In Russ.)
- Уразова С.А. Развитие текстильной промышленности в начальный период НЭПа, 1921—1922 гг. // Электронный научный журнал “Наука. Общество. Государство”. 2013. № 1 (1). URL: <https://esj.pnzgu.ru/Urazova%2013/1-02.html> (дата обращения: 24.03.2022).
- (Urazova S.A. The development of the textile industry in the initial period of the NEP, 1921—1922, *Electronic scientific journal “Science. Society. State”*, 2013, no. 1 (1). — In Russ.)
- Фадеева А.В. Фурмановская прядильно-ткацкая фабрика № 2 в годы довоенных пятилеток 1928—1941 гг. Выпускная дипломная работа. Иваново: Исторический факультет ИвГУ, 2011. 70 с.

(Fadeeva A.V. Furmanovskaya spinning and weaving Factory No. 2 during the pre-war five-year plans of 1928—1941. Graduation thesis. Ivanovo, 2011. 70 p. — In Russ.)

Чернобровцев С.В. Ивановская область за годы советской власти. Иваново: Кн. изд-во, 1959. 64 с.

(Chernobrovtssev S.V. Ivanovo region during the years of Soviet power, Ivanovo, 1959, 64 p. — In Russ.)

Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.). М.: Вече, 2012. 318 с.

(Churakov D. O. Rebellious Proletarians: Workers' Protest in Soviet Russia (1917—1930s), Moscow, 2012, 318 p. — In Russ.)

Экземплярский П.М. Город Иваново в прошлом и настоящем. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1945. 120 с.

(Ekzemplarskii P.M. The city of Ivanovo in the past and present, Ivanovo, 1945, 120 p. — In Russ.)

Якобсон Ю.А. Хозяйственные трудности 1923 года и пути их преодоления на текстильных фабриках Иваново-Вознесенской губернии // Из истории рабочего класса СССР. Т. 129. Иваново: Облгиз, 1974. С. 32—50.

(Yakobson Yu.A. Economic difficulties of 1923 and ways to overcome them in the textile factories of Ivanovo-Voznesenskaya province, *From the history of the working class of the USSR*, vol. 129, Ivanovo, 1974, pp. 32—50. — In Russ.)

Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil, 1929—1930, Cambridge: Harvard University Press, 1989, 601 p.

Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931—1933, Basingstoke: Macmillan, 1996, 612 p.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 17.06.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Комолов Денис Евгеньевич — аспирант кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, komolov.denis2014@yandex.ru

Komolov Denis Evgenievich — Post-graduate student of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, komolov.denis2014@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 99—108.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 99—108.

Научная статья

УДК 94(470.315)''1933/1935''

DOI: 10.46726/И.2022.4.10

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГСИНА НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1933—1935 гг.

Олег Юрьевич Орешкин

Школа имени дважды Героя Советского Союза И.С. Полбина,
г. Москва, Россия, e-mail vicit1945@mail.ru

Юрий Александрович Ильин

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, e-mail ilyin37@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных практических результатов деятельности Торгсина на территории Ивановской промышленной области в 1933—1935 гг. Представлены итоги привлечения валютных ценностей (золотые и серебряные монеты, бытовое золото и серебро, иностранная валюта и драгоценные камни) и выполнения планов реализации различных групп промышленных и продовольственных товаров на территории области. Проанализирована динамика спроса населения на товары. Рассмотрены данные о роли импортных товаров в общем торговом обороте. Изучены размеры издержек обращения (накладные и общеторговые), направляемых на обеспечения деятельности торговой сети Торгсина в Ивановской промышленной области. Представлена статистика изменения объемов издержек в различные периоды деятельности Торгсина. Предложены расчеты дополнительных рублевых вложений, выделяемых на приобретение товаров у советской промышленности, а также объемов «разрывов» между ценами промышленности и Торгсина. Изучен потенциальный экономический эффект от деятельности торговой сети Торгсин на территории Ивановской промышленной области. Сопоставлены валютные доходы Торгсина с расходами государства на приобретение импортного оборудования для объектов индустриализации периода первого и второго пятилетнего планов в СССР. Изученные материалы, позволяют сделать вывод, что Торгсины в периферии на примере Ивановской области продемонстрировали высокую значимость в вопросе накопления валютных ценностей, однако специфика деятельности системы потребовала значительных рублевых вложений.

Ключевые слова: Ивановская областная контора Торгсин, Ивановская промышленная область, валютные ценности, индустриализация, торговля с иностранцами

Для цитирования: Орешкин О.Ю., Ильин Ю.А. Практические результаты деятельности Торгсина на территории Ивановской промышленной области в 1933—1935 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 99—108.

© Орешкин О.Ю., Ильин Ю.А., 2022

Original article

PRACTICAL RESULTS OF TORGSIK'S ACTIVITY ON THE TERRITORY OF THE IVANOVU INDUSTRIAL REGION IN 1933—1935

Oleg Yu. Oreshkin

School named after twice Hero of the Soviet Union I.S. Polbin,
Moscow, Russian Federation, vicit1945@mail.ru

Yuri A. Ilyin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the main practical results of Torgsin's activities in the Ivanovo industrial region in 1933—1935. The results of attracting foreign currency values (gold and silver coins, household gold and silver, foreign currency and precious stones) and the implementation of plans for the realization of various groups of industrial and food products in the region are presented. The dynamics of the population's demand for goods was analyzed. The data on the role of imported goods in the total trade turnover are considered. The amount of circulation costs (invoices and general trade) allocated to support the activities of the Torgsin trading network in the Ivanovo industrial region has been studied. Statistics on changes in costs over the various periods of Torgsin's activity are presented. Calculations of additional ruble investments allocated for the purchase of goods from Soviet industry, as well as the volume of "gaps" between the prices of industry and Torgsin, have been proposed. The potential economic effect of the Torgsin trading network in the Ivanovo industrial region has been studied. Torgsin's foreign exchange earnings were compared with the state's expenses for the purchase of imported equipment for industrialization facilities during the first and second five-year plans in the USSR. The studied materials allow us to conclude that the Torgsins in the periphery, using the example of Ivanovo region, demonstrated high importance in the issue of accumulation of foreign currency values, but the specifics of the system's activities required significant ruble investments.

Keywords: Ivanovo regional office Torgsin, Ivanovo industrial region, currency values, industrialization, trade with foreigners

For citation: Oreshkin O.Yu., Ilyin Yu.A., The practical results of Torgsin's activities in the Ivanovo industrial region in 1933—1935, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 99—108.

Проведение индустриализации в СССР в 1930-е гг. требовало значительных финансовых вложений. Приобретение необходимых ресурсов осуществлялось за счет внутренних и внешних источников. Одним из таких источников становится Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР), созданный в 1931 г. На начальном этапе Торгсин реализовывал дефицитные товары в обмен на валюту. С июня 1931 г. Торгсин стал продавать товары в обмен на царский золотой чекан и в счет переводов валюты из-за границы советским гражданам. С конца 1931 г. в этот список добавилось право обмена на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты и др. драгоценные камни и произведения художественного искусства [Осокина 2009: 11—12]. Получаемые валютные ценности использовались для приобретения импортного сырья и оборудования.

В 1929 г. была образована Ивановская промышленная область (ИПО), в ее состав вошли территории бывших Ивановской, Ярославской, Костромской и Владимирской губерний [Околотин: 223]. В мае 1933 г. на территории ИПО появляется собственная региональная контора Торгсин (далее ИВОК) [ГАИО: ф. Р—1485, оп. 2, д. 1, л. 86]. За весь период деятельности (с 1933 по 1935 гг.) ИВОК получила ценностей за период на сумму не менее 3 857 742,6 золотых рублей [Орешкин: 63].

В целом за 1933—1935 гг. соотношение привлечённых ценностей выглядит следующим образом.

Таблица 1

Удельный вес ценностей, скупленных Торгсином в ИПО за 1933—1935 гг. (%)

Золото	Серебро	Переводы	Наличная валюта	Драгоценные камни
64,2	30,6	2,8	1,4	1,0

Предложенные нами расчеты показывают, что Торгсин, изначально задумываемый как источник получения иностранной валюты, в процессе деятельности сместил акценты в пользу драгоценных металлов. На региональном уровне доля скупки золота и серебра составила не менее 94,8 % за весь период деятельности ИВОК, а иностранной валюты всего 4,2 %. Отметим, что по драгоценным металлам мы представили сводные данные, объединив показатели скупки бытового лома и монет.

Данные по скупке ценностей на уровне СССР за период с 1931 по 1936 гг.

Таблица 2

Удельный вес ценностей, скупленных Торгсином по СССР за 1931—1936 гг. (%) [Осокина 2009: 542]

Лом золота	Золотые монеты	Серебро	Драг. камни и платина	Переводы	Наличная валюта
44,3		14,3	10,4	16,2	14,8

Удельный вес ценностей рассчитывался от итоговой суммы 287 249 000 руб. При анализе данных о выполнении планов по аналогии с планами скупки по ИПО и на уровне СССР мы обнаруживаем как сходства, так и различия. Общей особенностью в реализации планов является высокий удельный вес по скупке золота. Однако по ИПО скупка значительно превосходила показатели по стране. Значительными были различия в вопросе приобретения валюты, включая переводы. В целом по СССР валюты было получено в размере 30,98 % от общей суммы скупки, а по ИПО всего — 4,2 %. Более чем в два раза доля скупки серебра от общей цифры полученных ценностей по ИПО превосходила долю его скупки в целом по СССР. Среди скупленных Торгсином ценностей по СССР серебро занимало 4 место, а в ИПО его скупка уступала только золоту. На уровне СССР валюты, включая переводы, было получено 30,99 % от общей суммы скупки.

Такой мы обнаруживаем региональную специфику Торгсина в деле получения ценностей. У населения ИПО золота и серебра было значительно больше, чем валюты. Данные свидетельствуют о высоком потенциале периферийных территорий в деле накопления валютных ценностей.

Накопленные валютные ценности в дальнейшем не аккумулировались исключительно внутри региона и могли быть направлены на финансирование любого предприятия страны. Оценить потенциальный вклад валютных накоплений Торгсин по ИПО мы можем, сопоставив их с расходами на оснащение внутриобластных предприятий тяжелой промышленности. Оценку эффективности финансовых результатов мы будем давать исходя из того, что Торгсин в ИПО получил валютных ценностей на сумму не менее 3 857 742,6 руб. Одним из направлений анализа будет сопоставление полученных валютных ценностей с данными по импорту в части развития тяжелой промышленности за 1931—1935 гг. (время существования Торгсина в СССР) на примере расходов на станкостроение. Зависимость СССР от станков была особенно заметной в условиях, когда импортные расходы на другие виды машин сокращались, что означало освобождение от иностранной зависимости, траты на станки возрастали и по итогам 1936 г. составили уже 40,0 % от общего импорта машин.

За период с 1931 по 1935 гг. общие затраты на импорт станков составил 1 152 287 млн руб., а удельный вес расходов на станки к общему объему затрат на покупку импортных машин за этот же период вырос 17,8 до 28,5 % [Мишустин: 153], при этом общая скупка ценностей Торгсина по СССР составила 278 млн рублей, т. е. потенциально валютные доходы Торгсина по СССР обеспечили бы 25 % расходов на импорт станков в 1931—1935 гг.

В количественном выражении доля покупаемых за границей станков снижалась, но оставалась высокой. Так, в 1931 г. из 31 115 станков, заграничные станки составляли 58,7 % (18 269 штук), а к 1935 г. из общего количества установленных станков (27 238 штук) в СССР было завезено 3 838 штук, т. е. доля импорта составила 14 %. За этот же период сокращался и объем расходов на импорт с 432 753 тыс. руб. в 1931 г. до 68 569 тыс. руб. в 1935 г. [Мишустин: 147].

В 1934 г. в среднем стоимость одного импортного станка составляла 14,2 тыс. руб. [там же]. Таким образом, теоретический объем валютных ценностей, полученных по ИПО, позволил бы закупить 272 станка, что составило бы около 1 % от годовой плановой потребности СССР. Конечно, приводимые расчеты являются очень условными, ведь потребность экономики была не только в станках (хотя развитие станкостроительной промышленности было приоритетным направлением), но и в других машинах, сырье, материалах и т. д. Примером такого сопоставления в региональном масштабе являются данные по заводу «Автоприбор» в г. Владимире ИПО. В 1933 г. завод «Автоприбор» был полностью укомплектован импортным оборудованием на 123 единицы стоимостью 272 692 руб. зол. [Завод «Автоприбор»: 2]. Таким образом, объем валютных ценностей позволил бы почти полностью оснастить 14 таких заводов тяжелой промышленности. Для сравнения отметим, что в масштабе СССР расходы на строительство гигантов социалистической промышленности составили: для Горьковского автозавода — 43,2 млн руб., Сталинградского тракторного завода (СТЗ) — 35 млн руб., Автозавода им. Сталина — 27,9 млн руб., Днепроостроя — 31 млн руб., Господшипника — 22,5 млн руб., Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) — 23 млн руб., Харьковского тракторного завода (ХТЗ) — 15,3 млн руб., Магнитогорского металлургического комбината — 44 млн руб., Кузнецкого металлургического комбината — 25,9 млн руб. и Уралмаша — 15 млн руб. [Осокина 2019: 312]. Объем ценностей, полученных Торгсином в ИПО в 1933—1935 гг. позволил бы потенциально обеспечить Харьковский тракторный завод на сумму свыше

25 % от общего объема затрат на его строительство и оснащение. А самая дорогостоящая стройка — Магнитогорский металлургический комбинат, мог быть профинансирован на сумму 8,7 % от общих расходов, выделенных на данный проект.

Вместе с тем за изучаемый период населению было продано товаров на сумму не менее 3 849 461,4 руб. Интерес населения к различным группам товаров менялся.

Таблица 3

Удельный вес реализации продовольственных и промышленных товаров Торгсином по СССР и ИПО в 1933—1935 гг. (в %) [Осокина 2009: 535; ГАИО: ф. Р—1285, оп. 2, д. 109, л. 116 об.; ф. Р—1485, оп. 2, д. 18, л. 28 об., 115 об., 177 об., 277 об., 332 об.; д. 92, л. 18—19, 176—177, 268—269, 336—337, 397—398, 462—463]

Группа товаров	Год реализации					
	1933		1934		1935	
	СССР	ИПО	СССР	ИПО	СССР	ИПО
Продовольственные товары	82	73,09	74	64,12	49	41,3
Промышленные товары	18	26,91	26	36,88	51	58,7

В условиях проблем со снабжением населения в 1933 г., интерес клиентов Торгсина к продовольствию значительно перевешивал потребность в товарах промышленных групп. С 1934 г. ситуация с продовольствием улучшается, что находит отражение в спросе покупателей, происходит рост в приобретении промышленных товаров, а к 1935 г. потребность в них окончательно превосходит. Мы не обнаруживаем соотношение долей отечественных и импортных товаров в годовых объемах реализации за 1933—1935 гг. Однако мы находим статистику, которая косвенно указывает на роль импорта в товарообороте по ИПО.

Таблица 4

Товарные остатки на 1 января 1935 г. по МРБ¹ ИВОК Торгсин (в тыс. руб.)
[ГАИО: ф. Р—1485, оп. 2, д. 92, л. 2 об., 160, 252 об., 320 об., 381 об., 446, 446 об.]

Остатки товаров	Владимирская МРБ	Ярославская МРБ	Рыбинская МРБ	Ивановская МРБ	Костромской универмаг	Кинешемская МРБ
Всего	26,6	43,4	22,9	27,6	13,7	12,8
Импорт ²	0,7	1,2	0,2	1,8	0,2	0,1
Доля импорта (%)	2,6	2,8	0,9	6,5	1,5	0,8

Исследуемая статистика позволяет утверждать, что импортные товары реализовались через торговые сети всех МРБ ИВОК. Мы понимаем, что такая

¹ МРБ (межрайонные базы) — это головные универмаги, руководившие подчиненной торговой сетью. В ИПО в 1933—1934 гг. действовало 5 МРБ.

² Данные по доле импортных товаров даны в соответствии с правилами математического округления.

статистика носит относительный характер. Однако наши расчеты показывают, что их доля была скромной и составляла в среднем около 2,5 % от общего объема товарных остатков.

На основе результатов реализации и накопления валютных ценностей мы проанализируем рентабельность работы Торгсина в ИПО. Уточним, что важнейшей задачей Торгсина было привлечение валютных ценностей, а не советской валюты, поэтому под рентабельностью мы понимаем то, какое количество советской валюты нужно вложить для получения 1 золот. руб. Под вложением мы подразумеваем два вида расходов — это оборотные средства (расходы на закупку товаров) и издержки обращения (расходы на оплату труда, аренду, транспорт и т. д.).

Таблица 5

Рентабельность торговых и валютных операций Торгсина по СССР и ИПО за 1933—1935 гг. (в млн золот. руб. / сов. руб.) [ГАИО: ф. Р—1285, оп. 2, д. 109, л. 115, 116 об., 119; ф. Р—1485, оп. 2, д. 18, л. 1 об., 15 об., 26, 28 об., 90 об., 114, 115 об., 173, 177 об., 252 об., 275, 277 об., 304 об., 330, 332 об.; д. 92, л. 17, 17 об., 18—19, 160 об., 175—177, 223 об., 252 об., 267—267 об., 268—269, 335 об., 336—337, 337 об., 381 об., 396 об., 397—398, 446 об., 461 об., 462—463; Осокина 2009: 538—539]

Год	Издержки обращения (сов. руб.)	Реализации товаров (в золот. руб.)	Реализация товаров (в сов. руб.)	Скупка валютных ценностей (в золот. руб.)	Коэффициент Рентабельности по СССР (в золот. и сов. руб.)	Коэффициент рентабельности по ИПО (в золот. и сов. руб.)
1933	1,570	2,231	7,206	2,246	1:4,1	1:3,90
1934	1,492	1,024	4,690	1,047	1:6,4	1:5,90
1935	1,200	0,594	5,400	0,565	1:9,8	1:11,68
Всего ³	4,262	3 849	17,296	3,858	1:6,76	1:7,16

Сложность расчетов заключается в разных единицах измерения. Мы исходим из того, что представленные в изучаемых документах данные о скупленных ИВОК валютных ценностях измеряются в золотых рублях, а суммы затрат на приобретение и реализацию товаров измеряются в советских рублях. Для того чтобы произвести расчеты нам необходимо было перевести суммы расходов Торгсина на покупку товаров из золотого исчисления в советские рубли. На первый взгляд логика перевода проста. Учитывая курсовую разницу между двумя денежными единицами 1:6,6, мы должны сумму реализации в золотом исчислении умножить на 6,6 и получить рублевое исчисление.

Однако исследователь Е.А. Осокина ссылается на расчеты экономистов Торгсина, не уточняя формулы такого перевода. Переводы цен экономистов позволили нам рассчитать разрывы между ценами промышленности и их золотым исчислением по СССР: в 1933 г. коэффициент составил 3,23, в 1934 г. — 4,58, в 1935 г. — 9,09 [Осокина 2009: 538—539]. Например, если в 1933 г. Торгсин по СССР купил у промышленности товаров на 96,1 млн золот. руб., то данную цифру мы умножаем на коэффициент 3,23 и получаем сумму 345 млн сов. руб. Далее к сумме затрат на товары в советских рублях были прибавлены издержки обращения (также по каждому году). В 1933 г. объем

³ Показатели реализации и скупки в ИПО имеют округление и не значительно отличаются от сумм, указанных в тексте параграфа.

издержек составил 141,7 млн руб. Таким образом, складывая объем расходов на закупку товаров 345 млн сов. руб. с суммой издержек (141,7 млн руб.), мы получили общие расходы Торгсина в 1933 г. на сумму 452,8 млн руб. Далее полученная сумма была разделена на 111,2 млн золот. руб. (объем скупленных ценностей по СССР в 1933 г. с вычетом расходов на импорт). В результате, в 1933 г. рентабельности Торгсина составила 4,1:1, т. е. вложенных 4,1 сов. руб. давали 1 золот. руб. По такому же принципу была рассчитана рентабельность за другие годы (в 1934 г. 6,4:1; в 1935 г. 1:9,8). Полученную рентабельность мы отразили в нашей таблице, исключительно, как ориентир и для сравнения с расчетами по ИПО.

Необходимо сказать, что при таком расчете в сумму расходов мы не включили расходы на пайки и нереализованный остаток товаров. Исследователь Е.А. Осокина отмечает, что экономисты Торгсина также включали в затраты стоимость не всех товаров, а только проданных, следовательно, их расчет рентабельности был выше [Осокина 2009: 474]. Учитывая, что мы также не включаем эти данные, то и наши расчеты демонстрирует более высокую рентабельность. При таком подходе наши расчеты принимают весьма условный характер, однако они служат важным ориентиром для оценки динамики эффективности работы Торгсина в ИПО.

В связи с отсутствием у нас годовых данных соотношения золотого и советского рублевого исчисления за 1933—1935 по ИПО, в наших расчетах мы использовали коэффициенты, предложенные Е.А. Осокиной в целом по СССР. Проиллюстрируем последовательность наших расчетов за 1933 г. Сумму 2,246 млн зол. руб. умножаем на коэффициент 3,23 и получаем сумму 7,206 млн сов. руб. Далее к этой сумме мы прибавили объем издержек на 1,570 млн руб. и в итоге получили 8,776 млн сов. руб. затрат. После мы разделили 8,776 млн руб. на сумму скупленных ценностей в 1933 г. 2,246 млн руб. В результате мы увидели соотношение 3,90 сов. руб. затрат для получения 1 золот. руб. Аналогичный подход мы использовали применительно к 1934—1935 гг.

Таким образом, данные о валютной рентабельности по ИВОК отражают общую тенденцию по СССР. В период с 1933 по 1935 гг. как по СССР, так и по ИПО валютная рентабельность постепенно снижалась. Близкими являются для сравниваемых торговых систем соотношения показателей рентабельности. В 1933 г. в условиях голода спрос населения на товары Торгсина был особенно высоким, что обеспечило системе максимальную валютную рентабельность. Показатели по данному году между Торгсином по СССР и в ИПО имеют схожие значения 4,1 и 3,9. В 1934—1935 гг. интерес покупателей к Торгсину падает, что подтверждается резким снижением реализации товаров, а, следовательно, уменьшением валютной рентабельности как по СССР, так и в ИПО.

Как же определить, высокая ли эта рентабельность или нет? Определение рентабельности будет построено на сравнении с эффективностью привлечения валютных ценностей от экспортной и импортной торговли. В 1933 г. Торгсин купил за границей товаров на 4 млн золот. руб., а продал внутри СССР на сумму 21 млн золот. руб. [там же: 205]. Недостаток импортного плана заключался в том, что на приобретение товаров направлялись не советские рубли, а валютные ценности. Доля импортного плана НКВТ СССР на 1934 г. составляла 155 млн руб., на долю Торгсина в нем приходилось лишь 2,4 млн руб. Импортный план НКВТ СССР на 1935 г. составил 220 млн руб., а импорта Торгсина 2,8 млн руб. [там же: 466]. Тем не менее статистика

показывает, что потраченный за рубежом на закупку товаров 1 золот. руб. приносил Торгсину в СССР 5,25 золот. руб.

Иначе выглядит эффективность от экспорта. В секретном финальном отчете Торгсина, подготовленном в декабре 1935 г., сообщалось: «Если бы проданные Торгсином товары были бы экспортированы за границу, то за них можно было выручить максимум по реализационным ценам «фоб» 83,3 млн рублей. Торгсин же продал эти товары покупателям внутри страны за 275 млн руб» [там же: 225—226].

В 1933 г. советский экспорт приносил не более 15 золот. коп. на 1 руб. затрат, а валютная рентабельность Торгсина за 1—3 кварталы 1933 г. составила 34 золот. коп. на 1 сов. руб. затрат, т. е. была в два раза выше экспорта [там же: 228]. Это объясняется тем, что советское сырье и продовольствие в условиях мирового экономического кризиса уходило за границу за бесценок [Осокина, 2009: 230]. При этом в СССР в условиях голода прибыль за счет населения значительно выросла, ибо спрос на продовольствие был значительным. Среди экспортных объединений НКВТ СССР в 1932 г. Торгсин занимал 2 место по привлечению валютной выручки, а в 1934—1935 гг. был первым [там же: 228].

Опережая экспортные объединения страны по валютной рентабельности, по торговой эффективности Торгсин отставал от других видов советской торговли. Главная причина торговой нерентабельности заключалась в том, что Торгсин не имел права использовать получаемые валютные ценности на покрытие издержек. На покрытие издержек обращения шли сов. руб. получаемые от Госбанка в обмен на сданные ценности [там же: 229].

Факторами торговой нерентабельности Торгсина также были закрытый характер его денежной системы и ограниченный контингент покупателей. Сумма денег, которую Торгсин мог вернуть государству, продавая свои товары населению, была ограничена его денежными выплатами «сдатчикам ценностей» [там же: 230].

Рублевые убытки от торговой деятельности Торгсина бременем ложились на бюджет страны. НКФ СССР оплачивал «разрывы» между соврублевыми ценами промышленности, по которым Торгсин покупал товары, и продажными ценами в Торгсине, выраженные в золот. руб. Оперативные документы Торгсина свидетельствуют, что при отсутствии средств у Торгсина НКФ СССР мог оплачивать не только «разрывы», но и полную стоимость товаров, купленных Торгсином у промышленности [там же: 231].

По утверждению НКФ СССР, доходов Торгсина от продажи товаров населению не хватало даже для покрытия его издержек обращения, так что приходилось выплачивать Торгсину дотации на восполнение средств. Дотации были рублевыми, следовательно, государство не расходовало валютные ценности на покрытие убытков, но дыра в рублевом бюджете становилась еще больше. НКФ и Внешторгбанк СССР в 1933 г. и 1934 г. требовали поставить бюджетное финансирование Торгсина в зависимость от результатов его торговой деятельности, но Торгсин при поддержке НКВТ СССР успешно отбивался. Руководство страны видимо не поддержало НКФ СССР, возможно опасаясь, что резкое изменение порядка работы Торгсина может привести к падению или даже остановке в поступлении валютных ценностей [там же: 231—232]. Мы не обнаруживаем годовые суммы на покрытие «разрывов», направляемые на основании заявок ИВОК ни в сметной документации, ни в годовых балансах. Вероятно, суммы, направляемые НКФ на покрытия «разрывов»,

направлялись напрямую поставщикам и поэтому не находили отражения в балансовых документах ИВОК.

В результате работы ИВОК высокими были расходы на издержки обращения в течение 1933—1935 гг. На всем протяжении ее деятельности издержки были значительно выше установленного норматива.

Таблица 6

Издержки обращения и сумма реализации Торгсина по ИПО и СССР за 1933—1935 гг. (млн сов. руб./млн сов. руб.) [ГАИО: ф. Р—1285, оп. 2, д. 109, л. 116 об., 119; ф. Р—1485., оп. 2, д. 18, л. 1 об., 15 об., 28 об., 90 об., 115 об., 177 об., 252 об., 277 об., 304 об., 332 об.; д. 92, л. 18—19, 160 об., 176—177, 252 об., 268—269, 336—337, 337 об., 381 об., 397—398, 446 об., 462—463; Осокина 2009: 538—539]

Год	Сумма издержек (млн сов. руб.)	Реализации товаров (в млн зол. руб.)	Доля издержек к реализации товаров по ИПО (%)	Доля издержек к реализации товаров по СССР (%)
1933	1, 569	2,231	70,3	133
1934	1, 492	1,024	145,7	234,6
1935	1, 200	0,594	202	988,1 ⁴
Всего ⁵	4, 261	3,849	110,7	451,9

В 1933 г. доля издержек к объему реализации товаров по МРБ составляла от 68,32 % до 88,18 % или 79,54 % в среднем по ИПО. В следующем 1934 г. в условиях снижения объемов реализации доля издержек возросла более чем в 2 раза по отношению к 1933 г. В 1935 г. издержки оказались самыми высокими за весь период работы конторы. В условиях сокращения торговой сети к январю 1935 г. более чем на 50 % относительно 1933 г. (следовательно, уменьшались траты на аренду помещений, транспортировку), издержки в сравнении с этим же периодом снизились всего на 23,5 %. Одновременно были снижены планы реализации товаров и скупки ценностей. Возможно, высокие издержки связаны с возросшим объемом расходов на транспортировку для активизировавшейся выездной торговли. Мы отмечали, что в долевым отношении расходы на перевозку значительно превосходили объем трат на аренду помещений. Таким образом, если исходить из того, что Госбанк рассчитывался с Торгсином за переданные ценности в советских рублях, то в 1934—1935 гг. доходов ИВОК от реализации не хватало даже на покрытие издержек обращения.

Особенность положения Торгсина заключалась в том, что объединение действовало на территории СССР, но при этом выступало одним из инструментов получения валютных ценностей.

Вопреки названию объединения основными его покупателями в магазинах ИПО были не иностранцы, а советские граждане, которые приобретали в обмен на валютные ценности главным образом не антиквариат и предметы роскоши, а товары первой необходимости.

⁴ Соотношение издержек к сумме реализации по СССР за 1935 г. рассчитано за 9 мес.

⁵ Показатели реализации и скупки в ИПО имеют округление и не значительно отличаются от сумм, указанных в тексте параграфа

Список источников

ГАИО (Государственный архив Ивановской области)
Завод «Автоприбор» // Призыв. 1933. № 28. С. 2.

Список литературы / References

- Мишустин Д.Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР: учеб. пособие. НИИ монополии внешторга. М: Международная книга, 1938. 222 с.
(Mishustin D.D. Foreign trade and industrialization. Moscow, 1938, 222 p. — In Russ.)
- Околотин В.С. ИПО (1929—1936 гг.): уроки экономической истории. Иваново: Иван. гос. текстил. акад., 2009. 528 с.
(Okolotin V. S. Ivanovo Industrial Region (1929—1936): Lessons in Economic History. Ivanovo, 2009, 528 p. — In Russ.)
- Орешкин О.Ю. Дополнительные источники финансирования индустриализации СССР (на примере деятельности Торгсина в Ивановской промышленной области в 1933—1935 годы) // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 62—65.
(Oreshkin O.Yu. Additional sources of financing for the industrialization of the USSR: (on the example of Torgsin's activities in the Ivanovo industrial region in 1933—1935), *The teaching history in schools*, 2020, no. 7, pp. 62—65. — In Russ.)
- Осокина Е.А. Алхимия советской индустриализации. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 344 с.
(Osokina E.A. Alchemy of Soviet industrialization. Moscow, 2019, 344 p. — In Russ.)
- Осокина Е.А. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.
(Osokina E.A. Gold for industrialization: Torgsin. Moscow, 2009, 592 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 25.07.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Орешкин Олег Юрьевич — учитель истории, школа имени дважды Героя Советского Союза И.С. Полбина, г. Москва, Россия, vicit1945@mail.ru

Oreshkin Oleg Yurievich — Teacher of History, School named after twice Hero of the Soviet Union I.S. Polbin, Moscow, Russian Federation, vicit1945@mail.ru

Ильин Юрий Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru

Ilyin Yury Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ilyin37@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 109—118.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 109—118.

Научная статья

УДК 323.1(091)(470+571)''19''

DOI: 10.46726/И.2022.4.11

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (По материалам сенаторских ревизий)

Светлана Алексеевна Орлова

Ивановский филиал, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, orlova-1972@list.ru

Владимир Сергеевич Околотин

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена национальным проблемам, обострившимся в годы Первой русской революции и Первой мировой войны в Российской империи, которые нашли отражение в материалах ревизий сенаторов А.М. Кузминского, Е.Ф. Турау, К.К. Палена и Н.С. Крашенинникова. В отчетах и кратких записках сенаторов дается описание кровавых межэтнических столкновений, произошедших в Баку, Одессе, Киеве в годы Первой русской революции, межнациональных конфликтах в Туркестанском крае, немецком погроме в Москве в период Первой мировой войны, приведены взгляды сенаторов на причины, которые способствовали развитию конфликтов между представителями разных национальностей и даны рекомендации правительству по решению выявленных проблем. К сожалению, авторы, занимавшиеся исследованием данной темы, практически не использовали материалы ревизий в своих работах и специального исследования, посвященного отражению в отчетах сенаторов проблем межнациональных отношений, которого в науке до сих пор нет. Ценность отчетов ревизоров заключается в том, что расследование межэтнических конфликтов производили лучшие юристы страны и делали это максимально объективно. В статье на основе данных, собранных сенаторами, сделаны выводы о том, что порой ошибочная политика царского правительства провоцировала развитие межнациональных столкновений в Российской империи в начале XX века. Анализ материалов ревизий показал, что они являются ценнейшим источником по истории национальной политики в Российской империи.

Ключевые слова: сенаторские ревизии, межнациональные столкновения, ревизии сенаторов А.М. Кузминского, Е.Ф. Турау, К.К. Палена, Н.С. Крашенинникова, армянский погром, еврейский погром, немецкий погром

Для цитирования: Орлова С.А., Околотин В.С. Из истории межнациональных конфликтов в Российской империи в начале XX века: (по материалам сенаторских ревизий) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 109—118.

© Орлова С.А., Околотин В.С., 2022

Original article

**FROM THE HISTORY OF INTERETHNIC CONFLICTS
IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY
(Based on the materials of senatorial revisions)**

Svetlana A. Orlova

Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, orlova-1972@list.ru

Vladimir S. Okolotin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, okolotin.vladimir@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the national problems that worsened during the First Russian Revolution and the First World War in the Russian Empire. This situation was reflected in the materials of the audits of senators A.M. Kuzminsky, E.F. Turau, K.K. Palen and N.S. Krashennikov. The reports and brief notes of senators describe the bloody interethnic clashes that occurred in Baku, Odessa, Kiev during the First Russian Revolution, interethnic conflicts in the Turkestan region, the German pogrom in Moscow during the First World War. These reports present the senators views on the causes that contributed to the development of conflicts between representatives of different nationalities and recommendations to the government on solving the identified problems. Unfortunately, the authors who studied this topic practically did not make use of the revision materials in their works, and there is still no special study devoted to the reflection of problems of interethnic relations in the reports of senators in historical science. The value of audit reports lies in the fact that the investigation of interethnic conflicts was carried out by the best lawyers in the country, and they did it as objectively as possible. Based on the data collected by the senators, the article concludes that the sometimes erroneous policy of the tsarist government provoked the development of interethnic clashes in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century. The analysis of the audit materials showed that they are the most valuable source on the history of national politics in the Russian Empire.

Keywords: senatorial audits, interethnic clashes, audits of senators A.M. Kuzminsky, E.F. Turau, K.K. Palena, N.S. Krashennikova, Armenian pogrom, Jewish pogrom, German pogrom

For citation: Orlova S.A., Okolotin V.S. From the history of interethnic conflicts in the Russian empire at the beginning of the XX century: (Based on the materials of senatorial revisions), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 109—118.

Институт сенаторских ревизий был установлен в России указом императора Петра Первого 4 апреля 1722 г. С помощью данного института император как глава государства и верховный главнокомандующий имел возможность контролировать работу гражданских и военных органов власти на местах, получать достоверную информацию о степени законности деятельности должностных лиц. В период правления императора Николая II в России было назначено 20 ревизий.

Первая сенаторская ревизия, порученная 2 марта 1905 года сенатору Александру Михайловичу Кузминскому (1844—1917) [СУиРП: 1905, отд. I, № 51, ст. 404], вскрыла наличие в империи серьезных межнациональных и, одновременно, межконфессиональных и политических противоречий между различными народами, проживавшими в России.

Как выяснил сенатор, с 6 по 10 февраля 1905 года в Баку и Бакинской губернии между армянами и «татарами» (так в те времена называли азербайджанцев) произошли кровавые столкновения (армянский погром), в ходе которых погибли сотни людей (по данным сенатора — 269 человек), остались сотни раненых (220 человек) [Кузминский б.г.а: 1]. Были разграблены и сожжены жилые дома и квартиры, десятки лавок и мастерских, более сотни торговых заведений [Кузминский б.г.б: 9]. Погибли женщины и дети [Кузминский б.г.б: 2—3]. В ходе этих событий были проявлены ужасные «зверства» [Кузминский б.г.а: 1]. Жестокость участников столкновений по отношению друг к другу отмечала даже пресса тех лет [Новиков: 218—242]. Пострадали не только армяне, но и представители других национальностей [Кузминский б.г.б: 8].

Александр Михайлович в ходе расследования обстоятельств, приведших к такому количеству пострадавших, выяснил, что с самого начала армянского погрома представители органов государственной власти и полиция бездействовали. И только когда погибли сотни людей, когда были уничтожены материальные ценности на миллионы рублей, власти с помощью войск разогнали погромщиков [Кузминский б.г.б: 6]. Примирение сторон осуществляло мусульманское и армянское духовенство, которое, двигаясь по улицам совместно с войсками, убеждало людей остановиться [Кузминский б.г.б: 6].

Причина, по которой власти, полиция и войска так долго не реагировали на происходящие преступления, состояла, по мнению А.М. Кузминского, в неудовлетворительном кадровом составе как местных властей (гражданских и военных), так и полиции. В частности, губернатор, тайный советник, князь Михаил Александрович Накашидзе (1844—1905) (он будет убит 11 мая 1905 года армянским революционером за то, что не остановил «резню»), с точки зрения сенатора, проявил преступное бездействие [Кузминский б.г.б: 238—240]. Разъезжая 7 и 8 февраля по городу и видя, что полиция и войска не останавливают погромщиков, что пехотные патрули и казацкие разъезды (единственная мера, предпринятая по инициативе губернатора) оказываются непригодными для подавления беспорядков и прекращения кровопролития, губернатор никаких распоряжений в целях умиротворения населения не сделал. Погромщики, чувствуя свою безнаказанность, открыто бесчинствовали на глазах войск и полиции, и никто их не останавливал [Кузминский б.г.б: 11].

Князь М.А. Накашидзе, по мнению А.М. Кузминского, обязан был действовать в соответствии с законодательством того времени и предоставить военным право самостоятельно разгонять погромщиков. Но ни гражданские, ни военные власти не хотели брать на себя ответственность за применение оружия в критической ситуации, когда необходимо было в кратчайшие сроки защитить жизнь, здоровье и имущество людей [Кузминский б.г.б: 14—15].

Поведение губернатора, военного начальства и полиции создавало впечатление у местного населения, что власти сами спровоцировали погром, чтобы предотвратить революционные выступления армян, запланированные на 19 февраля. Об этом А.М. Кузминскому заявила депутация уважаемых жителей региона [Кузминский б.г.а: 3]. Об этом писала пресса тех лет [Алибегов], [Новиков]. Такая точка зрения закрепились в советской исторической литературе [Ибрагимов: 419—470].

Однако объективное расследование дела привело сенатора совсем к другому выводу. Он считал, что власти не способны были спровоцировать погром ввиду своей полной организационной несостоятельности, а причины происшедшего лежат гораздо глубже [Кузминский б.г.а: 3].

Исследуя материальное положение народов, проживающих в регионе, сенатор пришел к выводу, что ошибочная национальная политика российских властей [Национальные окраины...: 212—214] вполне могла создать почву для развития межнациональной (межконфессиональной) вражды. Сенатор указывал, что сложные отношения между армянами и мусульманами в Закавказском крае существовали издавна [Кузминский б.г.а: 3]. Как указывал сенатор, армяне в составе Персии были ограничены в личных и имущественных правах. Они зависели от мусульман, обрабатывали их поля и занимались в городах ремеслом.

С переходом Закавказья под власть Российской империи положение армян резко изменилось. Российские власти относились с доверием к армянам, воспринимали их как своеобразных посредников во взаимоотношениях с местными народами. Их принимали на государственную службу, им предоставлялись подряды и поставки. Что же касается мусульман, то, по словам А.М. Кузминского, на них новые власти смотрели с опаской, как на народ, сражавшийся с русскими войсками и исповедующий ислам [Кузминский б.г.а: 3]. Как указывал А.М. Кузминский, по мнению «татар», такое отношение к мусульманам со стороны русских властей спровоцировало армяне, что не могло не вызвать недоброжелательного отношения к ним со стороны азербайджанцев [Кузминский б.г.а: 4].

С точки зрения А.М. Кузминского, в Закавказье было достаточно даже самого незначительного повода, чтобы между армянами и азербайджанцами начались серьезные столкновения. Превосходство армян в экономическом и культурном (по уровню образования) плане А.М. Кузминский подтверждал статистическими данными, собранными ревизией [Кузминский б.г.а: 16—18]. Сенатор отмечал, что, несмотря на свою малочисленность по сравнению с местным азербайджанским населением, армяне владеют значительной частью недвижимости, а также торговыми и промышленными предприятиями в Баку [Кузминский б.г.а: 17].

«Татары» были недовольны той политикой, которую в отношении них проводили власти [Джаббаров: 140—141]. Как указывали 12 именитых мусульман г. Баку, посетившие сенатора, они хотели, как и армяне, «поднимать свою культуру» через создание просветительных и благотворительных учреждений [Кузминский б.г.а: 4]. Мусульмане стремились дать своим детям качественное образование. Как отмечал А.М. Кузминский, среди «татар» практически не было лиц с высшим образованием, и все должности, требующие специальных знаний (врачи, инженеры), в том числе в добывающей и обрабатывающей промышленности, занимали армяне, русские, немцы, но не азербайджанцы [Кузминский б.г.а: 17].

Исследуя развитие революционного движения в регионе, сенатор выяснил, что основная масса революционеров были выходцами из армян. Русификаторская политика, проводившаяся царским правительством по отношению к местному населению в тот период времени, ограничения в возможности армянам изучать собственную историю в церковно-приходских школах, секуляризация имущества Армянской грегорианской церкви в 1903 году — все это вызывало у армянской части населения враждебное отношение к властям и вело к активному сопротивлению [Кузминский б.г.а: 6].

Таким образом, между строк просматривается упрек в адрес российского правительства, не сумевшего наладить прямые контакты с местным мусульманским населением, создать систему хорошего школьного образования для «татар». С другой стороны, царское правительство испортило отношения

с армянами, что толкнуло их на участие в революционных организациях [Колобов, Корнилов, Симонян].

Стоит отметить, что наместник Кавказа граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916), назначенный на эту должность 27 февраля 1905 г., смог разрешить в Баку и Бакинской губернии многие проблемы, высеченные сенаторской ревизией. В том числе он подавил новый армянский погром в ноябре 1905 г., вернул имущество Армянской грегорианской церкви [Исмаил-Заде] и т. д. Свои планы по переустройству Кавказа он отразил в записке на имя императора [Воронцов-Дашков], и многие реформы графа совпадали с предложениями сенатора А.М. Кузминского [Национальные окраины...: 213—217, 234—235].

Следующие две ревизии, назначенные 10 ноября 1905 года [СУиРП 1905: отд. I, № 225, ст. 1876], также были связаны с расследованием межнациональных (межконфессиональных и политических) столкновений. Теперь это были города Одесса и Киев, а столкновения произошли между русскими и евреями. А.М. Кузминского направили в Одессу, а сенатора Евгения Федоровича Турау (1847—1914) в Киев.

Как выяснили сенаторы, кровопролитие произошло в Одессе и Киеве в период с 18 по 22 октября 1905 года. После выхода в свет Манифеста 17 октября, провозгласившего впервые в истории России права и свободы подданных, 18 октября состоялись революционные демонстрации, в ходе которых манифестанты шествовали под красными флагами, с революционными лозунгами. Они уничтожали национальные флаги, портреты императора, государственные гербы. В ответ 19 октября прошли патриотические крестные ходы с хоругвями, портретами императора, с пением гимна «Боже царя храни». Революционеры 19 октября также вышли на улицы. Власти не смогли развести по разным сторонам эти противоположные политические группировки, и начались столкновения между патриотами и революционерами, закончившиеся баррикадами и неслыханным по своим масштабам еврейским погромом [Киевский и Одесский погромы...: 192—193].

В ходе расследования дела А.М. Кузминский выяснил, что только в Одессе погибло более 500 человек, из которых 400 были евреями. Ранено было 289 человек (из них 237 евреев). Погибли также полицейские, военные и обычные мирные жители (христиане) [Киевский и Одесский погромы...: 172]. В городе разграбили более полутора тысяч магазинов, квартир, домов, торговых заведений. Ущерб составил более 3 млн. рублей. Погром закончился только тогда, когда практически все имущество евреев было уничтожено [Киевский и Одесский погромы...: 172]. Аналогичные события произошли в Киеве и еще в 660 населенных пунктах 36 губерний России [Первая революция в России...: 323—324].

Расследования А.М. Кузминского и Е.Ф. Турау должны были дать ответ на вопрос, каковы причины этих погромов, и какие действия необходимо предпринять властям, чтобы подобное не повторилось. Как и в Баку и Бакинской губернии, местные власти вместе с военными и полицией в течение нескольких дней не могли остановить столкновения между враждующими сторонами, пытались их уговаривать. В конечном итоге только применение оружия против погромщиков смогло остановить кровопролитие и бесчинства [РГИА: ф. 1392, оп. 1, д. 5, л.10 об.—11; ф. 1536, оп. 1, д. 2, л. 598 об. — 600]. К этому времени погибли сотни людей [РГИА: ф. 1536, оп. 1, д. 2, л. 59 об., 360 об. — 361; ф. 1392, оп. 1, д. 19, л. 18 об. — 19]. Оба сенатора,

и А.М. Кузминский и Е.Ф. Турау, выдвинули обвинения против гражданских и военных должностных лиц в «противозаконном бездействии власти» [Киевский и Одесский погромы...: 192—193, 49—55].

Причиной кровавых столкновений, произошедших на улицах Одессы, А.М. Кузминский считал развитие революционного движения в данном регионе. По его мнению, еврейский погром произошел потому, что именно эта часть населения приняла наиболее активное участие в антиправительственных выступлениях, а масштабы бедствия были обусловлены противозаконным бездействием властей [Киевский и Одесский погромы...: 220].

Сенатор Е.Ф. Турау один из разделов своего отчета специально посвятил изучению правового положения евреев. Он пришел к выводу, что толкали еврейскую молодежь на участие в революционном движении те ограничения, которые действовали в отношении этой части населения Российской империи в соответствии с законодательством страны [СЗРИ 1899: Т. IX, Законы о состояниях, ч. 1, 156—158] (например, ограничение свободы передвижения, имущественных прав, «черта оседлости», процентные ограничения при поступлении в вузы и др.). Ограничения с евреев снимались после крещения. Поэтому, по мнению сенатора, еврейская молодежь надеялась, что только в случае общего государственного переворота она сможет занять равное место с иными гражданами России [Киевский и Одесский погромы...: 72]. Современные исследователи подтверждают точку зрения сенатора Е.Ф. Турау [Национальная политика в России...: 152—153].

Таким образом, как показали расследования сенаторов, кроме социально-экономических причин, вызвавших стихию Первой русской революции 1905—1907 годов, были еще религиозные и национальные. В ряды левого политического направления вступали представители недовольных деятельностью царского правительства национальностей, происходили кровавые межэтнические столкновения. Поэтому из отчетов ревизоров правительству можно было сделать выводы о необходимости внесения изменений в политику по отношению к целому ряду народов Российской империи, в том числе по отношению к евреям. К сожалению, отчеты сенаторов не смогли переубедить правительственную власть, и дискриминационная политика в отношении еврейского населения после революции еще больше усилилась [Национальная политика в России...: 153].

Следующая ревизия была поручена сенатору Константину Константиновичу Палену (1861—1923) в 1908 году. Сенатор должен был всесторонне исследовать Туркестанский край, чтобы выяснить, возможно ли в нем установить не военное, а гражданское управление, аналогичное общероссийскому. Необходимо также было понять, какие требуется провести реформы в системе местных органов власти, и какие изменения следует внести в законодательство. Отмечалась необходимость исследования деятельности «политического розыска» в крае, необходимость проверить, как налажена борьба с революционными организациями. Для этого предлагалось проинспектировать работу административной и жандармской полиции и суда [Махмудова: 134—150]. Таким образом, исследование межнациональных отношений в крае не являлось основной целью ревизии.

Однако в ходе обследования положения в крае выяснилось, что местное население враждебно относится к переселенцам из центральной России, что выражается, например, в массовых хищениях у них скота. Причину такой ситуации сенатор увидел в том, что русских расселяли на землях киргизов, узбеков,

таджиков и других местных народностей, хотя у них самих ощущалась нехватка земли, частым явлением был голод. Между тем, с точки зрения сенатора, в данном регионе были расположены плодородные степи, которые вполне можно было освоить и наделить землей всех нуждающихся. Неразумная переселенческая политика местных властей спровоцировала антиправительственные выступления киргизского и узбекского народов в период Первой русской революции [Пален: 29—30, 39, 43], а затем в 1916 году [Брежнева: 608—638].

Во время Первой мировой войны вновь начались кровавые этнические погромы. Теперь они были направлены против немецкой части населения. Наиболее крупный погром произошел в Москве 27—29 мая 1915 года. В беспорядках участвовало около ста тысяч москвичей. Было уничтожено и разграблено 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов. Пострадало около 700 человек, причем подданных Германии и Австро-Венгрии среди них оказалось только 113 человек, а большинство — это были россияне с иностранными фамилиями. Убытки составили более 500 млн. рублей. При этом наказание за погром никто не понес [Гатагова: 18—23]. События зеркально повторили Бакинскую, Одесскую и Киевскую «резню». В течение двух дней свирепствовал погром, и только 29 мая губернатор Н.Л. Муравьев дал приказ войскам разогнать погромщиков силой оружия, и в городе наступил порядок [Гердер].

Расследовать причины массовых беспорядков и законность действий властей 23 июня 1915 года направили сенатора Николая Сергеевича Крашенинникова (1857—1918) [СУиРП 1915: отд. I, № 188, ст. 1430]. Ему, как в свое время сенаторам А.М. Кузминскому и Е.Ф. Турау, предстояло выяснить, кто из должностных лиц виноват в том, что погром длился столько времени, и каковы причины беспорядков. К сожалению, отчет сенатора и краткая записка к нему не были опубликованы, и за ходом ревизии читатели тех лет следили из сообщений газеты «Право» [Право 1915: № 25, 1788; № 28, 1918—1919; № 41, 2583].

Как показало расследование, московский градоначальник генерал А.А. Адрианов категорически запретил полиции применять оружие противгромил и пытался «уговаривать» разбушевавшуюся толпу [Гатагова: 18—23]. Убедившись в своей безнаказанности, нарушители закона устроили мощный погром, в результате чего, по словам следователя Н.П. Харламова, приехавшего в Москву 2 июня 1915 года, Москва выглядела, как после вражеской бомбардировки. Были разрушены и сожжены магазины и дома, имевшие в том числе русские вывески. На Мясницкой не уцелело ни одного здания [Харламов: 127—132].

По результатам сенаторской ревизии за «бездействие власти» к уголовной ответственности привлекли бывшего московского градоначальника А.А. Адрианова и полицеймейстера А.Н. Севенарда [Право 1915: № 41, 2583]. Уволили главноначальствующего над Москвой князя Ф.Ф. Юсупова и отправили в отставку министра внутренних дел Н.А. Маклакова [Гатагова: 18—23]. В итоге за страшный погром, гибель сотен людей, уничтожение имущества на миллионы рублей, ответственность понесли только два человека — А.А. Адрианов и А.Н. Севенард.

Казалось бы, подданные Российской Империи немецкого происхождения, верные России, могли рассчитывать на защиту своей жизни и имущества, трудовых прав со стороны государства. Однако 1 июня 1915 года император издал указ, в соответствии с которым всех немцев уволили с московских предприятий и закрыли в Москве все немецкие фирмы [Руга,

Кокорев: 449—459]. После этого из Москвы выселили всех немцев, а также их русских жен [Деннингхаус: 127].

Итак, как показали сенаторские ревизии начала XX века, национальная политика Российской империи, являясь в целом достаточно взвешенной, не смогла предотвратить возникновения межэтнических конфликтов в ряде регионов страны. Наиболее активно указанные конфликты проявились в период революционных потрясений и в годы Первой мировой войны. При этом власти не стремились к пресечению межнациональных столкновений на ранней стадии их развития, чем, по сути, способствовали обострению обстановки на национальных окраинах. И все же меры к изучению причин конфликтов, первичных действий администрации на местах были предприняты, о чем свидетельствуют материалы сенаторских ревизий. Сенаторы А.М. Кузминский, Е.Ф. Турау, К.К. Пален и Н.С. Крашенинников, добросовестно выполняя свои обязанности, смогли объективно разобраться в ситуации, внести конструктивные предложения для ее нормализации и, пусть закамуфлировано, назвать истинные причины межнациональных конфликтов. Тем самым они внесли определенный вклад в формирование национальной политики Российской империи и в устранение причин межнациональных конфликтов. Это позволяет утверждать, что материалы сенаторских ревизий являются ценнейшим источником не только при изучении истории межэтнических столкновений в России в начале XX века, но и содержат важные сведения о реагировании правительства на протестные настроения на национальных окраинах империи.

Список источников

- Алибегов И. Елисаветпольские кровавые дни перед судом общества. Заврававшийся “публицист” и его общественные сподвижники. Тифлис: Типография К.П. Козльского, 1906. 184 с.
- Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Б.м.: Гос. тип., 1907. 164 с.
- Киевский и Одесский погромы в расследованиях сенаторов Турау и Кузминского / предисл. И. Непомнящего. СПб.: Летописец, [1907]. 222 с.
- Кузминский А.М. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по Высочайшему повелению, сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб.: Сенат. тип., [б.г.]а 70 с.
- Кузминский А.М. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 году, по Высочайшему повелению, сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. СПб.: Сенат. тип., [б.г.]б 686 с.
- Новиков А.И. Власть и население Кавказа // Вестник права. 1905. № 6. С. 218—242.
- Пален К.К. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908—1909 гг., по Высочайшему повелению, Сенатором гофмейстером Графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Часть II. Административный строй. СПб., Сенатская типография, 1910. 53 с.
- Право. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 1—52.
- РГИА (Российский государственный исторический архив).
- СЗРИ (Свод Законов Российской Империи).
- СУиРП (Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате).
- Харламов Н.П. Избиение в Первопрестольной: Немецкий погром в Москве в мае 1915 года // Родина. 1993. № 8/9. С. 127—132.

Список литературы / References

- Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX—XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608—638.
- (Brezhneva S.N. Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XIX—XX centuries, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 608—638. — In Russ.)
- Гатагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18—23. URL: <http://www.keneman.com/keneman/german-pogroms-1915-in-moscow.html> (дата обращения: 17.08.2022).
- (Gatagova L. Chronicle of outrages. German pogroms in Moscow in 1915, *Rodina*, 2002, no. 10, pp. 18—23. — In Russ.)
- Гердер И.Г. Общественные настроения в период Первой мировой войны (на материалах Московской губернии). 2010. URL: www.bestreferat.ru/referat-406 (дата обращения: 17.08.2022).
- (Herder I.G. Public sentiment during the First World War (based on the materials of the Moscow province), 2010. — In Russ.)
- Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494—1941). М.: РОССПЭН, 2004. 502 с.
- (Denningkhaus V. Germans in the public life of Moscow: symbiosis and conflict (1494—1941), Moscow, 2004, 502 p. — In Russ.)
- Джаббаров Ф.Р. о. Материалы ревизии сенатора А. М. Кузминского как источник по изучению армяно-азербайджанской резни 1905 г. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 135—144.
- (Dzhabbarov F.R.O. Materials of Senator A.M. Kuzminsky's revision as a source for the study of the Armenian-Azerbaijani massacre of 1905, *North Caucasian Legal Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 135—144. — In Russ.)
- Ибрагимов З.И. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане // Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России: сб. ст. / под ред. Л.М. Иванова, А.М. Панкратовой и А.Л. Сидорова. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419—470.
- (Ibragimov Z.I. Revolution of 1905—1907 in Azerbaijan, *Revolution of 1905—1907 in the national regions of Russia: collection of articles*, ed. by L.M. Ivanov, A.M. Pankratova and A.L. Sidorov, Moscow, 1955, pp. 419—470. — In Russ.)
- Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М.: Центрполиграф, 2005. 512 с.
- (Ismail-Zade D.I. I.I. Vorontsov-Dashkov. The Caucasian governor, Moscow, 2005. — In Russ.)
- Колобов О.А., Корнилов А.А., Симонян А.Г. Российско-армянские отношения: исторический опыт, стратегические вызовы и перспективы развития. Нижний Новгород; Ереван: ИСИ ННГУ, 2001. 160 с.
- (Kolobov O.A., Kornilov A.A., Simonian A.G. Russian-Armenian relations: historical experience, strategic challenges and development prospects, Nizhny Novgorod; Yerevan, 2001. 160 p. — In Russ.)
- Махмудова Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134—150.
- (Makhmudova N.B. Senatorial revision of Count K.K. Palen in Turkestan: causes, course, consequences, *Metamorphoses of history*, 2016, no. 7, pp. 134—150. — In Russ.)

Национальная политика в России: история и современность / сост. Н.И. Наумова. М.: Русский мир, 1997. 680 с.

(National policy in Russia: History and Modernity, comp. by Naumova N.I., Moscow, 1997, 680 p. — In Russ.)

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.

(National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the management system, ed. by S.G. Agadzhanov, V.V. Trepavlov, Moscow, 1998, 416 p. — In Russ.)

Корелин А.П., Пушкарева И.М., Королева Н.Г. и др. Первая революция в России: Взгляд через столетие / отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М.: Памятники ист. мысли, 2005. 602 с.

(A.P. Korelin, I.M. Pushkareva, N.G. Koroleva. The First Revolution in Russia: A Look through a century, ed. by A.P. Korelin, S.V. Tiutiukin, Moscow, 2005. — In Russ.)

Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель, 2011. 678 с.

(Ruga V., Kokorev A. Everyday life in Moscow. Essays on urban life during the First World War, Moscow, 2011. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Орлова Светлана Алексеевна — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, orlova-1972@list.ru

Orlova Svetlana Alekseevna — Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, orlova-1972@list.ru

Околотин Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

Okolotin Vladimir Sergeevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, okolotin.vladimir@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 119—129.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 119—129.

Научная статья

УДК 327.39(091)(5)

DOI: 10.46726/И.2022.4.12

ПРОЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА: SWOT-АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ АЛЬ-КАИДЫ* И «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»**

Андрей Русланович Сулейменов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, andrey_sul@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена политическим проектам радикального исламизма, направленным на установление глобального «исламского» государства. Исследование концентрируется на двух различных стратегиях, наиболее ярко демонстрирующих раскол между двумя проектами глобального исламизма. К таковым проектам относятся стратегии Аль-Каиды (представителя «старой» джихадистской организации) и «Исламского государства», которое закономерно можно обозначить как принципиально новое радикальное движение. Целью работы является выявление стратегий данных организаций, а также их анализ с точки зрения наилучшей приспособленности к реалиям настоящего времени. В ходе исследования с применением метода SWOT-анализа были установлены сильные и слабые стороны стратегий обеих организаций, а также обозначены зоны угроз и возможностей роста для каждой из них. На основании ряда документов, исходящих от высшего руководства Аль-Каиды, и пропагандистских материалов «Исламского государства», отмечены основополагающие различия в стратегиях организаций, вытекающие из их доктринально-методологического базиса.

Вывод американского контингента из Афганистана, стремительно меняющаяся обстановка в зоне турбулентности исламского мира предоставляют радикальным организациям широкое поле для реализации своих политических проектов. Изучение стратегий радикального исламизма делает возможным прогнозирование дальнейших действий террористических организаций.

Ключевые слова: исламизм, терроризм, Аль-Каида, «Исламское государство»

Благодарности: исследование проведено в рамках гранта РФФИ 20-39-90017 «Символическое поле современного исламизма».

Для цитирования: Сулейменов А.Р. Проекты глобального радикального исламизма: SWOT-анализ стратегий Аль-Каиды и «Исламского государства» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 119—129.

© Сулейменов А.Р., 2022

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

** Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Original article

GLOBAL RADICAL ISLAMISM PROJECTS: A SWOT ANALYSIS OF AL-QAEDA AND ISLAMIC STATE STRATEGIES

Andrey R. Suleimenov

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, andrey_sul@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the political projects of radical Islamism aimed at establishing a global «Islamic» state. The study focuses on two different strategies that most clearly demonstrate the split between the two projects of global Islamism. These projects include the strategies of Al-Qaeda (a representative of the «old» jihadist organization) and the «Islamic State», which can naturally be described as a fundamentally new radical movement. The purpose of the work is to identify the strategies of these organizations, as well as their analysis from the point of view of the best adaptation to the realities of the present. In the course of the study, using the SWOT analysis method, the strengths and weaknesses of the strategies of both organizations were identified, as well as areas of threats and growth opportunities for each of them. Based on a number of documents emanating from the top leadership of Al-Qaeda and propaganda materials of the Islamic State, fundamental differences in the strategies of organizations, arising from their doctrinal and methodological basis, are noted. The withdrawal of the American contingent from Afghanistan, the rapidly changing situation in the zone of turbulence in the Islamic world provide radical organizations with a wide field for the implementation of their political projects. The study of the strategies of radical Islamism makes it possible to predict the further actions of terrorist organizations.

Keywords: Islamism, terrorism, Al-Qaeda, Islamic State

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the grant of the Russian Foundation for Basic Research 20-39-90017 «The symbolic field of modern Islamism».

For citation: Suleimenov A.R. Projects of global radical Islamism: SWOT analysis of Al-Qaeda and Islamic State strategies, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 119—129.

Влияние глобализации не обошло стороной и негосударственных акторов международных отношений, в том числе и террористические организации. Организации радикального исламизма по-разному ответили на вызовы процессов мировой интеграции и предложили разные варианты развития и выживания.

Для анализа различных стратегий джихадистских организаций применим метод SWOT-анализа. Сущность данного метода заключается в последовательной характеристике четырех составляющих: сильные (strengths) и слабые (weaknesses) стороны, возможности (opportunities) и угрозы (threats). Обобщение информации в данных категориях образует матрицу анализа, позволяющую проследить факторы, влияющие на стратегию поведения объектов исследования. Источниками исследования послужил ряд документов, принадлежащих Аль-Каиде и ее филиалам, а также «официальные» электронные издания «Исламского государства». К числу источников первой категории относятся письма руководства Аль-Каиды главе иракского отделения организации (будущее ИГ) Абу Мусабе аз-Заркави [Zawahiri's Letter to Zarqawi]. Отправителями писем являются высокопоставленные приближенные Усамы бен Ладена: Айман Мухаммед аз-Завахири (будущий руководитель организации) и Атии Абд ар-Рахмана (заместитель Усамы бен Ладена). Вторая категория источников представлена электронными журналами «Исламского государства» — «Dabiq» и «Rumiyah».

Ряд религиозно-политических потрясений конца XX века реформировал ислам и его политическое крыло, в значительной степени приведя к его радикализации. К середине первого десятилетия XXI века оформились две стратегии радикального крыла исламизма.

Первая из них представлена Аль-Каидой и во многом определяется подпольно-партизанской структурой организации. Развитая региональная сеть ячеек, способность наносить мощные удары за пределами родного региона, а также ориентация на первоочередное освобождение Ирака от американского присутствия позволили Аль-Каиде стать зонтичной организацией для множества иных джихадистских группировок.

Вторая стратегия радикального исламизма нашла свое выражение в «Исламском государстве» и базируется на цели создания всеобъемлющего Халифата. Расцвет ИГ в качестве квазигосударственной структуры резко подорвал авторитет Аль-Каиды и вызвал раскол в иных джихадистских организациях.

В широком смысле конфликт двух террористических организаций сводится к несовместимым принципам их методологически-доктринального базиса. Аль-Каида, несмотря на все свои возможности устройства крупномасштабных терактов, базируется на идее изгнания американцев с территории Ближнего Востока и уничтожения Израиля. Преследуя цель освобождения территории, Аль-Каида готова прислушиваться и руководствоваться мнением местного населения и включать в состав «консультационных советов» немусульман в целях консолидации сопротивления.

Не следует сводить деятельность Аль-Каиды исключительно к региональной повестке. В доктрине организации присутствует и элемент панисламизма: это позволило Аль-Каиде стать зонтичной организацией наподобие движения «братьев-мусульман». Примером международного вектора политики Аль-Каиды стало китайское направление действий организации: исламистские группировки Синьцзяна получали боеприпасы и финансы от Аль-Каиды. На базе «Исламского движения Восточного Туркестана» в 2013 году возникло и китайское отделение организации [Нечитайло 2014].

В 2014 году, на волне соперничества с «Исламским государством», Аль-Каида предприняла попытку расширения на восток путем создания «филиала Аль-Каиды на Индийском субконтиненте», члены которого отметились попыткой угона пакистанского фрегата «Зульфикар» [Яшлавский 2017: 29]. Отдельные акты террора присущи и иным региональным отделениям. Так, алжирская «Салафитская группа проповеди и джихада», присоединившаяся к Аль-Каиде в 2006 году, обладала возможностью проводить операции на широком географическом пространстве, однако так и не предприняла попыток захвата территории [Солдатов: 124].

Идеологами организации не ставится под сомнение возможность достижения конечной цели построения Халифата. В качестве пророческого оправдания неизбежности установления Халифата приводятся следующие строки из авторитетного сборника хадисов имама Сахих Муслима: «Поистине Аллах показал мне землю от востока до запада. Поистине господство моей общины распространится до показанных мне земель» [Сахих Муслим, 2889].

В частности, данный хадис послужил основой для заявления одного из идеологических лидеров Аль-Каиды на Аравийском полуострове, Анвара аль-Авлаки. Аль-Авлаки торжественно предсказывает грядущую безудержную экспансию исламистов, предостерегая противников о бесполезности попыток избежать поражения. Пространство экспансии охватывает все мироздание и не имеет пределов [Анвар аль-Авлаки].

Джебхат ан-Нусра как воплощение стратегии Аль-Каиды*

В развитии Сирийского конфликта значительную роль сыграл филиал Аль-Каиды в Сирии, известный как Джебхат ан-Нусра. Изначально функционируя в качестве регионального представительства Аль-Каиды, Джебхат ан-Нусра к настоящему моменту является составной частью иной террористической организации — Хайят Тахрираш-Шам**, отколовшейся от материнской организации. Несмотря на факт размежевания с Аль-Каидой, действия организации в период до 2016 года представляют собой воплощение гибкой стратегии, способной к адаптации под региональные условия.

Так, на первом этапе своего существования Джебхат ан-Нусра не только не афишировала свои связи с Аль-Каидой, но и сумела установить достаточно прочные связи в среде сирийской оппозиции. Свидетельством этого являются протесты, заявленные сирийскими оппозиционными группами после признания организации в качестве террористической со стороны США [Jennifer Cafarella].

Джебхат ан-Нусра ярко проявила свой зонтичный характер, предоставляя различным джихадистским группам возможность консолидации под крылом организации. В предоставленном Аль-Джазире интервью лидер организации Абу Мухаммад аль-Джулани прямо заявил о поддержке сирийских оппозиционных групп в 2012 году с целью трансформации оппозиционной борьбы в полноценную гражданскую войну [Jennifer Cafarella]. На этапе аффилированности с Аль-Каидой руководством организации не подвергалась сомнению конечная цель — установление исламского правления на контролируемой территории как шаг к построению глобального Халифата [Lister: 23]. О важности «передового отряда» Аль-Каиды в Сирии свидетельствует контроль со стороны материнской организации над отрядами Джулани. Так, известно о прибытии эмиссаров Аль-Каиды в зону Идлиба. Таковыми стали две высокопоставленные фигуры — Абу Мохаммед аль-Мисри и Абу аль-Хайр аль-Мисри. Примечательно присутствие и иорданца Абу Халеда аль-Арури, заместителя и зятя Аз-Заркави.

Примечательно, что после отделения Джебхат ан-Нусры от основной организации, роль сирийского представительства Аль-Каиды в регионе стала выполнять группировка «Хурас ад-Дин», возглавляемая тем же Халедом аль-Арури (погиб в июне 2020 года в результате атаки беспилотника) [США ликвидировали лидера сирийской «Аль-Каиды»]. Таким образом, Аль-Каида предпочитает не прямое присутствие в регионе, но представление аффилированными организациями.

Таким образом, к числу *сильных сторон* Аль-Каиды, можно отнести следующие характеристики организации:

1. Долгосрочная стратегия, направленная на инфильтрацию в среду местного населения, тщательная пропагандистская работа в местной среде. Опора на широкую народную поддержку, выстраивание организации вокруг народных масс позволяет отнести Аль-Каиду к организации «маоистского типа» [Islamic State vs. Al-Qaeda].

2. Допускаемая высшим руководством организации гибкость в религиозных вопросах (в том числе и в отношении шиитов) расширяет возможности организации в среде местного населения, значительно увеличивает круг потенциальных сторонников. Более того, как явствует из письма заместителя

---

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

** Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Бен Ладена Аймана аз-Завхаири, адресованного главе иракского отделения Аль-Каиды, религиозно-политическая доктрина организации допускает адаптацию ислама к конкретным местным условиям.

3. Практикуемое Аль-Каидой создание «аффилированных» организаций обеспечивает одновременно и уход головной организации от ударов противника, и возможность легитимации самой Аль-Каиды (либо ее части) при благоприятных условиях.

4. Стратегия Аль-Каиды выглядит рассчитанной на более долгий промежуток времени. В отличие от ИГ, Аль-Каида не придерживается практики такфиризма (обвинение в вероотступничестве самих мусульман) и воздерживается от бескомпромиссного противостояния с иными джихадистскими группировками. Такая позиция позволила группировке стать зонтичной организацией, под сенью которой действуют иные, более мелкие исламистские организации. Авторитет Аль-Каиды, подтвержденный длительным противостоянием с западным миром, позволяет организации играть роль посредника в конфликтах, возникающих в джихадистской среде.

5. Принцип опоры на сеть ячеек придает Аль-Каиде удивительную жизнеспособность. В то время как привязанные к определенной территории группировки, не обладая военным потенциалом противостоящих им традиционных акторов международных отношений, рано или поздно сдают позиции, Аль-Каида способна существовать в условиях сколь угодно сильного давления.

Слабые стороны организации логически вытекают из преимуществ стратегии Аль-Каиды и во многом обусловлены ими:

1. Сознательный отказ от государственного строительства и полномасштабного контроля территорий делает организацию неспособной к открытому военному противостоянию с государственными акторами.

2. В силу разрозненности группировки и отсутствия развитой инфраструктуры (далеко не всегда руководители центральной организации осведомлены о положении дел в региональных отделениях [Zawahiri's Letter to Zarqawi]) руководство Аль-Каиды не всегда способно контролировать действия филиалов. Подтверждением этому стали события 2014 года, когда руководство иракского отделения выбрало альтернативный проект строительства Халифата и провозгласило отход от Аль-Каиды. В конечном итоге руководство Джебхат ан-Нусры также откололось от материнской организации.

3. Неспособность вести полномасштабные боевые действия с применением широкого спектра вооружений, и, как следствие, отсутствие контроля сколь-нибудь значительной территории. За все время своего существования нимало не приблизилась ни к изгнанию американцев, ни к построению халифата. На фоне столь скромных успехов Аль-Каиды удивительно хорошие результаты демонстрируют филиалы организации, возникшие в ходе сирийского конфликта. Так, террористическая организация «Джебхат ан-Нусра» смогла не только закрепиться в зоне Большого Идлиба, но и в значительной мере легитимироваться, создав очередное правительство Сирии, оппозиционное Дамаску [Хайят Тахрираш-Шам]: как бывшая...].

Возможности для роста и развития Аль-Каиды кроются в следующих факторах:

1. Объединение под «джихадистским брендом» иных исламистских организаций. Аль-Каида обладает значительным опытом организации масштабной работы с населением, создания сети подпольных ячеек, а также солидным запасом авторитета, накопленного за время долгого противостояния в Ираке.

2. Использование «дочерних» группировок как инструмент в борьбе с иными джихадистскими группировками, не признающими авторитет Аль-Каиды. Так, в западных СМИ уже высказывались идеи использования «Джебхат ан-Нусры» в качестве инструмента борьбы с «Исламским государством» и силами САА [Petraeus explains how jihadists could be...]. Данный факт иллюстрирует успешность внедрения в легальное политическое поле джихадистских группировок, аффилированных с Аль-Каидой. Отметим и специфику борьбы с терроризмом в регионе Ближнего Востока: региональные акторы активно используют террористические группировки в проведении своей внешней политики. Так, Управление Разведки Саудовской Аравии ведет работу с рядом салафитских групп региона [Бородина, Ръжов, Аверьянова: 23].

3. Не следует игнорировать и возможности, предоставляемые изменением имиджа как головной организации, так и ее региональных филиалов. В конце января 2017 года произошло слияние сирийского отделения Аль-Каиды «Джебхат Фатхаш-Шам» с рядом иных джихадистских группировок, что в итоге привело к созданию объединения «Хайят Тахрир аш-Шам». Данные трансформации позволяют аффилированным с головной организацией группировкам отойти от зловещего образа прародительницы и влиться в легальное политическое поле.

Совокупность сущностных характеристик Аль-Каиды как децентрализованной организации порождает и соответствующие *угрозы* существованию группировки:

1. Отсталость организации в плане медийно-агитационного аппарата приобретает все большее значение в условиях современного многовекторного конфликта. Присутствие главного конкурента Аль-Каиды (ИГ) в информационном поле несоизмеримо выше.

2. Готовность группировки мириться с местными вариантами ислама (во многом обусловленная ее географическим разбросом) делает саму Аль-Каиду объектом атаки более радикальных джихадистов.

3. После гибели Бен Ладена в 2011 году «центральное ядро» группировки находится в серьезном кризисе. Данное обстоятельство привело к возрастанию роли региональных отделений организации; чрезмерная самостоятельность местных лидеров приводит к утрате со стороны руководства контроля за принятием стратегических решений, что осложняет выработку единой стратегии [Яшлавский: 144].

За длительную историю своего существования Аль-Каида сумела накопить не только богатый опыт организации террористической деятельности и авторитет в джихадистской среде, но и немаловажный опыт работы с населением территорий с разными культурными и политическими условиями. Умение адаптации к различным социо-политическим условиям, децентрализованный характер существования делают данную организацию серьезным вызовом мировой безопасности.

Стратегия «Исламского государства»

«Исламское государство» действует, исходя из совершенно иных принципов. Декларируемой целью организации является построение государственной структуры, в основу которой лягут принципы шариата в их фундаменталистском понимании. Такие попытки уже предпринимались и оканчивались успехом: иранские фундаменталисты, «Братья-мусульмане», движение талибов. Однако на фоне такой задачи построения именно глобального государства региональное

движение талибов и сеть подпольных ячеек Аль-Каиды представлены скорее как разобщающие факторы, мешающие объединению мусульман.

В отличие от Аль-Каиды Исламское государство не нацелено на последовательное освобождение территории Ближнего Востока с последующим приходом к власти. Захват территорий, облегченный кризисом государственных структур в ходе Арабской весны, создал тот самый вакуум власти, о котором упоминал Айман аз-Завахири [Zawahiri's Letter to Zarqawi]. Джихадистам зачастую оставалось установить лишь институциональный контроль на захваченных территориях. Нацеленность на создание собственных институтов власти резко выделяет Исламское государство из ряда подпольных террористических группировок.

Совершая обзор стратегий двух террористических группировок, следует отметить феноменальный успех «Исламского государства» в краткосрочной перспективе. Период 2014—2016 гг. стал временем наивысшего расцвета ИГ именно как квазигосударственной структуры, что поставило под вопрос эффективность методов Аль-Каиды как объединения подпольных ячеек, в то время как ИГ продемонстрировало способность к строительству государственных структур и ведению полномасштабной экспансии на нескольких отдаленных друг от друга фронтах.

Популярности бренду бескомпромиссного всемирного джихада добавило и то обстоятельство, что в то время, как иные террористические группировки совершали дрейф от джихадистских к умеренно-исламистским (Джебхат ан-Нусра, Ахрараш-Шам*), ИГ, вне зависимости от своего военного положения, декларировало характер борьбы до неизбежной в представлении исламистов победы. Отрицая возможность компромисса со светскими акторами и практикуя такфиризм, ИГ отрезало себе все пути отступления и легитимации в светском правовом поле. Такая неизменная позиция организации обеспечивает приток высокомотивированных сторонников. В то же время после ряда военных поражений организация столкнулась с возрастающим противодействием со стороны иных радикальных сирийских группировок. Практика такфиризма, которая цементировала организацию, в данном случае обернулась против самих боевиков.

К исходу 2018 года ИГ под ударами США и союзных сил перешло в формат подпольной организации. Полагаем, что потеря территорий не является фатальной для «Исламского государства»: провозглашение Халифата (вневременной и универсальной формы исламского государства) освободило организацию от привязки к территории. Группировка лишилась возможности проведения полноценных воинских операций образца 2013—2014 гг., однако существующие ресурсы все еще позволяют наносить чувствительные удары противникам на территории Ирака и Сирии. Переход «Халифата» в формат подпольных ячеек организационно сблизил ИГ с «Аль-Каидой» и расширил возможности организации для совершения террористических актов по всему миру: «спящие ячейки» зачастую могут не иметь никакого канала связи с материнской организацией, что осложняет противодействие террористам.

В качестве иллюстрации массовой активизации спящих ячеек приведем ряд террористических актов в Кувейте, Франции и Тунисе после призыва Абу Мухаммада аль-Аднани в июне 2015 года накануне первой годовщины провозглашения «Халифата» «обратить Рамадан в бедствие для нечестивцев»

---

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[Матвеев: 292]. ИГ взяло на себя ответственность только за взрыв смертника в Кувейте, унесшего жизни 25 человек [Terrorist attacks in Tunisia, Kuwait and France stun three continents]. Вероятно, остальные две атаки (массовый расстрел туристов в Тунисе, попытка взрыва завода и обезглавливание во Франции) не координировались ИГ; данный случай одновременных атак демонстрирует способности медиасредств террористов к активизации сторонников без непосредственной связи с ними и координации действий.

Эффективность пропаганды исламистов среди населения стран СНГ подтверждается террористическим актом 31 октября 2017 года, совершенным в Нью-Йорке уроженцем Ташкента Сайфулло Саиповым. Электронные устройства Саипова содержали материалы ИГ, а сама организация взяла на себя ответственность за террористический акт, провозгласив исполнителя теракта «солдатом Халифата» [Яшлавский: 143].

Обозначив наиболее важные сущностные характеристики ИГ, необходимо обобщить данные в матрице SWOT анализа. К числу ключевых **сильных сторон** «Исламского государства» относятся:

1. Развитая машина пропаганды и агитации. Превосходно подготовленные агитационные материалы медиаструктур ИГ резко контрастируют с агитационной продукцией иных группировок. Постоянное нахождение в информационном поле позволяло многократно увеличивать угрозу группировки в период военных успехов и декларировать неустанный продолжение борьбы после утраты территорий и фактического военного поражения.

2. Религиозный пуризм «Исламского государства» обеспечивает приток высокомотивированных джихадистов, а также обеспечивает симпатии наиболее радикальной и убежденной части салафитов.

3. Нацеленность на контроль территорий и построение государственных структур обеспечивала группировке мощный приток финансов в виде налоговых поступлений, торговых операций и внешнеэкономической деятельности.

4. Взятие Мосула с последующим провозглашением Халифата в риторике исламистов подается в качестве мощного легитимизирующего фактора. С совершением данного шага группировка вышла за пределы политического поля, а также отвергла понятия легальности и нелегальности — в представлении пропагандистов ИГ, мир делится на дар аль-харб (территория войны) и «дар аль-ислам» (территория ислама). Именно последняя категория представлена как отечество всех мусульман, единственно имеющая законные основания на существование. В то же время, долгом каждого мусульманина является защита своей территории [Коран, Бакара: 194]; таким образом, защита Халифата преподносится как главная обязанность каждого мусульманина.

Как и в случае Аль-Каиды, главные **слабости** «Исламского государства» определены его структурными особенностями:

1. Жесткая привязка к территории в значительной мере лишает ИГ главного преимущества террористических организаций: мобильности и возможности внедрения на контролируемые правительством территории. Очевидно, что «Исламское государство» не способно в полной мере противостоять отлаженной государственной машине, и тем более — антитеррористической коалиции.

2. Провозглашение Халифата автоматически обозначает незаконность всех иных джихадистских группировок, которые не принесли клятву верности ИГ. Данное обстоятельство и обеспечило разрыв с Аль-Каидой и иными джихадистскими организациями.

3. Ригоризм ИГ в равной степени способен не только привлечь наиболее радикальных и мотивированных исламистов, но и оттолкнуть значительное число «сочувствующих», которые в ином случае могли бы пополнить ряды группировки.

Возможности для роста и восстановления утраченных позиций «Исламского государства» в условиях поражения государственного проекта связаны в первую очередь с тактикой «одиноких волков». Децентрализованные атаки «спящих ячеек» либо террористов-одиночек способны бросить вызов силовым структурам при максимизации пропагандистского эффекта и с минимумом задействованных ресурсов [Кузьмин].

Ключевыми **угрозами** для проекта джихадистского государства являются:

1. Конкуренция со стороны иных исламистских групп, которая приобретает характер как прямого военного столкновения, так и конкуренции проектов радикального исламизма. К примеру, стратегия легитимации Джебхат ан-Нусры позволила группировке добиться контроля северо-восточных территорий Сирии, создания административного аппарата;

2. Продолжающееся военное давление со стороны участников Сирийского конфликта — потерявший все крупные города Халифат более не способен конкурировать с отлаженной государственной военной машиной;

3. Разочарование исламистским проектом в среде самих боевиков. Необходимо учитывать, что фигура «первого халифа» Абу Бакра аль-Багдади связана не только с триумфальным периодом 2014—2016 гг., но и не менее оглушительными поражениями исламистов.

Полагаем, что в ближайшем будущем обе структуры продолжат свое существование. Изначально стратегия Аль-Каиды нацелена на долгосрочную перспективу и длительное противостояние с превосходящим противником в формате партизанских вылазок / террористических актов на вражеской территории. Нельзя упускать из виду и успешную практику легитимации отдельных частей Аль-Каиды. Учитывая нарастающее противостояние в регионе Ближнего Востока между Ираном и суннитскими государствами, вероятно использование последними Аль-Каиды в качестве инструмента против шиитов с постепенной легитимацией боевиков [Islamic State vs. Al-Qaeda].

Потерпевший поражение в полноценном военном противостоянии Халифат был вынужден перейти на подпольное положение. Несмотря на то, что усилия построения исламского государства на территориях мусульманского мира окончились провалом, ИГ, не будучи привязанной к конкретной территории, обладает значительной мобильностью.

Краткосрочный успех «Исламского государства» оказался возможным только во временных условиях практически полной недееспособности государства. Практически единственным перспективным путем развития ИГ представляется основанная на медийной структуре пропагандистская работа и вербовка «одиночных волков», а также миграция в иной политически нестабильный регион; вряд ли возможно утверждать о грядущем возрождении «Исламского государства» в прежних масштабах на территории Леванта.

С точки зрения приспособленности к реалиям региона в условиях присутствия военных сил сразу нескольких держав, более осторожная стратегия Аль-Каиды более приспособлена к существованию на «дальней дистанции» и сохранению своего организационного ядра. В случае преодоления кадрового кризиса и активной работы с иными джихадистскими группами можно ожидать укрепления региональных позиций группировки.

Список литературы / References

- Atiyah's Letter to Zarqawi, *Combating Terrorism Center at Wes Point*, URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/atiyahs-letter-to-zarqawi-original-language-2/> (accessed: 20.09.2021).
- Charles Lister. Profiling Jabhat al-Nusra, *The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World: Analysis Paper*, no 24, July 2016, 55 p. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf (accessed: 20.09.2021).
- Daveed Gartenstein-Ross, Jason Fritz, Bridget Moreng, Nathaniel Barr. Islamic State vs. Al-Qaeda: Strategic Dimensions of a Patricidal Conflict, *International Security*, 2015, 44 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/287217126_Islamic_State_vs_Al-Qaeda_Strategic_Dimensions_of_a_Patricidal_Conflict (accessed: 20.09.2021).
- Jennifer Cafarella. Jabhat Al-Nusra in Syria: an Islamic emirate for Al-Qaeda, *ISW*, December 2014, URL: <https://www.understandingwar.org/sites/default/files/JN%20Final.pdf> (accessed: 10.10.2021).
- Petraeus explains how jihadists could be peeled away to fight ISIS — and Assad, *CNN Politics*, URL: <https://edition.cnn.com/2015/09/01/politics/david-petraeus--isis-nusra/> (accessed: 10.10.2021).
- Terrorist attacks in Tunisia, Kuwait and France stun three continents, *The Guardian*, 26 Jun 2015, URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jun/26/terror-attacks-tunisia-kuwait-and-france-islamic-state> (accessed: 10.10.2021).
- Zawahiri's Letter to Zarqawi, *Combating Terrorism Center at Wes Point*, URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/> (accessed: 20.09.2021).
- Анвар аль-Авлаки. Аллах готовит Умму для победы. URL: <https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/06/20/73305/shejkh-anvar-al-avlyaki-allakh-gotovit-ummu-dlya-pobedy!.shtml> (дата обращения: 20.09.2021).
(Anwar al-Awlaki. Allah prepares the Ummah for victory. — In Russ.)
- Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Аверьянова Д.А. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке // *Мировая политика*. 2020. № 4. С. 18—31. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34673 (дата обращения: 30.09.2021).
(Borodina M. Yu., Ryzhov I. V., Averyanova D. A. Models of interstate cooperation in the Middle East, *World Politics*, 2020, no. 4, pp. 18—31. — In Russ.)
- Матвеев И.А. Сирия в конфликте / отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 496 с.
(Matveev I. A. Syria in conflict, ed. by V. A. Kuznetsov, Moscow, 2020, 496 p. — In Russ.)
- Коран, Сура 2 «Бакара», аят 194.
(Qur'an, Sura 2 Baqarah, verse 194. — In Russ.)
- Кузьмин Н. Исламское государство: адаптация к новой реальности // *Российский совет по международным делам*. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/islamskoe-gosudarstvo-adaptatsiya-k-novoy-realnosti/#4> (дата обращения: 14.10.2021).
(Kuzmin N. Islamic State: Adaptation to the New Reality, *Russian International Affairs Council*, 2019. — In Russ.)
- Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» в Китае // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 5 (263). С. 99—101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-v-kitae>. (дата обращения: 14.10.2021).
(Nechitailo D. A. Al-Qaeda in China, *Russia and the Muslim world*, 2014, no. 5 (263), pp. 99—101. — In Russ.)

- Нечитайло Д.А. «Аль-Каида» и «Исламское государство» — общее и особенное // АНИ: экономика и управление. 2017. № 3 (20). С. 40—412. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-i-islamskoe-gosudarstvo-obschee-i-osobennoe>. (дата обращения: 20.09.2021).
(Nechitailo D.A. Al-Qaeda and Islamic State — General and Special, *API: Economics and Management*, 2017, no. 3 (20), pp. 409—412. — In Russ.)
- Полный разгром: Россия объявила об окончательной победе над ИГ в Сирии. URL: <https://ria.ru/20171206/1510372695.html> (дата обращения: 18.09.2021).
(Complete defeat: Russia announced the final victory over ISIS in Syria. — In Russ.)
- Сахих Муслим // Сборник достоверных хадисов имама Муслима. Хадис 2889.
(Sahih Muslim, *Collection of authentic hadiths of Imam Muslim*, Hadith 2889. — In Russ.)
- Солдатов А. Почерк «Аль-Каиды» в Магрибе // Россия и мусульманский мир. 2007. № 7. С. 124—126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pocherk-al-kaidy-v-maghribe> (дата обращения: 15.10.2021).
(Soldatov A. Handwriting of Al-Qaeda in the Maghreb, *Russia and the Muslim world*, 2007, no. 7, pp. 124—126. — In Russ.)
- США ликвидировали лидера сирийской «Аль-Каиды». 25.06.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391295>
(The United States killed the leader of the Syrian al-Qaeda. 25.06.2020. — In Russ.)
- Хайят Тахрир аш-Шам: как бывшая Джебхат ан-Нусра движется к легализации. URL: <https://riafan.ru/1350518-khaiyat-takhrir-ash-sham-kak-byvshaya-dzhebkhath-an-nusra-dvizhetsya-k-legalizacii> (дата обращения: 18.09.2021).
(Khayyat Tahrir ash-Sham: how the former Jabhat al-Nusra is moving towards legalization. — In Russ.)
- Яшлавский А. Аль-Каида: старое зло в новом обличье // Проблемы безопасности в современном мире. 2017. № 7. С. 27—34.
(Yashlavsky A. Al-Qaeda: an old evil in a new guise, *Problems of security in the modern world*, 2017, no. 7, pp. 27—34. — In Russ.)
- Яшлавский А. Террористическая активность джихадистов из Центральной Азии на Западе // Россия и новые государства Евразии. № 4. 2020. С. 133—149.
(Yashlavsky A. Terrorist activity of jihadists from Central Asia in the West, *Russia and the new states of Eurasia*, no. 4, 2020, pp. 133—149. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 14.07.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Сулейменов Андрей Русланович — аспирант кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород, Россия, andrey_sul@mail.ru

Suleimenov Andrey Ruslanovich — Post-graduate student of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, andrey_sul@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

---

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 130—139.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 130—139.

Научная статья

УДК 1:378.4

DOI: 10.46726/И.2022.4.13

КОНСТРУКТ УНИВЕРСИТЕТА БУДУЩЕГО: ОТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ К НЕПОСТИЖИМОСТИ

Елена Вадимовна Палей

Ивановский государственный химико-технологический университет,
г. Иваново, Россия, ev-paley@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения фьючерной модели университета в контексте растущей социальной изменчивости. Показано, что университет как значимый институт во многом детерминирован внешней средой. Обосновано, что достоверная оценка текущей ситуации выступает условием не только развития, но и существования университета. Автор прослеживает варианты интерпретации неопределенности как категории бытия в классической и неклассической философии, подчеркивая ее соотнесенность с нормами и идеалами, выделяя этический и эпистемологический аспекты неопределенности. Цифровизация образовательной сферы рассматривается как рискогенный фактор, усиливающий неопределенность и создающий непостижимость как информационное состояние. Проанализированы актуальные варианты ответов на возникающие вызовы в контексте концепций VUCA-мира и BANI-мира. Выдвигается идея о сущностной природе неопределенности в отношении университета, наличии в его деятельности возможностей для фундаментальной трансформации, построении гибкого конструкта университета будущего на основе исследовательской свободы, персонализации и контекстуальной направленности образования.

Ключевые слова: неопределенность, VUCA-мир, BANI-мир, цифровизация, философия образования, трансформация университета

Для цитирования: Палей Е.В. Конструкт университета будущего: от неопределенности к непостижимости // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 130—139.

Original article

**THE CONSTRUCT OF THE UNIVERSITY OF THE FUTURE:
FROM UNSERTAINTY TO INCOMPREHENSIBILITY***Elena V. Paley*Ivanovo State University of Chemistry and Technology,
Ivanovo, Russian Federation, ev-paley@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of determining the future model of the university in the context of growing social variability. It is shown that the university as a significant institution is largely determined by the external environment. It is substantiated that a reliable assessment of the current situation is a condition not only for the development, but also for the existence of the university. The author traces the interpretation of uncertainty as a category of being in classical and non-classical philosophy, emphasizing its correlation with norms and ideals, highlighting the ethical and epistemological aspects of uncertainty. The digitalization of the educational sphere is considered as a risk factor that increases uncertainty and creates incomprehensibility as an informational state. The actual variants of responses to emerging challenges are analyzed in the context of the concepts of VUCA-world and BANI-world. The idea is put forward about the essential nature of uncertainty in relation to the university, the presence in its activities of opportunities for fundamental transformation, building a flexible construct of the university of the future based on research freedom, personalization and contextual orientation of education.

Keywords: uncertainty, VUCA-world, BANI-world, digitalization, philosophy of education, university transformation

For citation: Paley E.V. The construct of the university of the future: from uncertainty to incomprehensibility, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 130—139.

...Обретать *самобытность*, не принуждая себя быть тем, чем не являешься.

Х. Ортега-и-Гассет

Вопрос о будущем. Цель, обозначенная в эпитафии автором «Миссии университета», всегда была сопряжена с трудностями. За долгую историю университетов мы наблюдали разные версии существования этого знакового научно-образовательного феномена. Двигаясь от модели «университета Просвещения» и «университета модерна» к «университету совершенства» (по определению Б. Ридингса), университет серьезно потерял в своей уникальности и величии национально-культурной миссии [Ридингс: 11—13]. При этом «в руинах» университет сохраняет свои важнейшие исследовательские и социальные функции, продолжает трансформироваться структурно и содержательно. В контексте роста мобильности всей социальной инфраструктуры формирование новых моделей университета становится необходимым условием не только развития, но и самого его существования. Как справедливо отмечается, «образование как никогда прежде подвергается сильным внешним (экономическим, технократическим и общественным) и внутренним (новаторским) воздействиям, требующим фактически создания нового образования» [Викторук, Москвич: 5—6; Финогентов: 132]. Что касается конкретной ситуации последних пары лет, то нередко высказывания о том, что «образование как стабильная система, обладающая потенциальными унификации, относительной закрытости, универсальности правил и схем,

демонстрирует сегодня неспособность справиться с агрессивными вызовами» [Черных, Борисенко: 88]. Возникают предпосылки деактуализации официальной системы образования и «миграция» в сторону альтернативных форм его получения. Сфера образования оказывается не только площадкой испытания нового будущего, но и полем столкновения различных «жизненных миров» [Палей: 145]. Поэтому споры о целях и задачах университета приобретают особую ценность и в теоретическом, и в практическом аспектах, являясь частью осмысления смены образовательных парадигм.

Общим моментом всех подходов к пониманию настоящего и будущего университета является представление о его связи с окружающей социальной реальностью, о мере реагирования на происходящие там изменения. Поэтому выявление конструкта университета будущего напрямую зависит, выражаясь словами упомянутого нами Х. Ортеги-и-Гассета, от умения «составить четкую родословную основных особенностей нашего времени» [Ортега-и-Гассет: 44]. В числе последних чаще всего фигурируют глобализация, новый этап промышленной революции, научно-технический прогресс, усиление роли экологических факторов, информатизация и цифровизация, развитие общества потребления, формирование сетевых структур и многое другое. И если каждая из этих особенностей, взятая в отдельности, усложняет понимание современности и направлений будущего развития, то в комплексе они заставляют говорить о формировании принципиально новых моделей видения мира, а, следовательно, и той окружающей среды, в рамках которой существует современный университет.

VUCA-мир, BANI-мир и философия неопределенности. Состояние современной социальной среды нельзя считать безопасным: мы наблюдаем неравномерность развития в разных областях, рост хаотических изменений, нарушение сложившегося порядка практически во всех сферах деятельности, умножение стрессовых ситуаций в сообществах различного типа. Так сложилось, что среди многочисленных определений современности большую популярность получила концепция VUCA-мира, сформулированная в 80-е годы, широко распространившаяся применительно к сфере бизнеса, в настоящий момент актуальная уже для характеристики всей окружающей действительности. Данный акроним высвечивает в качестве основных особенностей современного мира нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность. Это означает отказ от представления об окружающей действительности как устойчивой, предсказуемой, простой и определенной, в рамках которой строилась классическая модель образования как трансляции объективных знаний, культурных традиций и ценностей, способствующей выбору обучающимся одной из предложенных ему устоявшихся жизненных и профессиональных стратегий. В настоящее время стала встречаться еще одна интерпретация современности, еще более пессимистическая, — BANI-мир (Д. Кашио), построенная на категориях хрупкости, тревожности, нелинейности и непостижимости, формирующих всеобщее состояние хаоса и бессилия перед внешними обстоятельствами. Эти новые реальности делают практически невозможным прогнозирование социального развития в связи с большой скоростью изменений (опережающей способностью их осмысления), увеличением количества факторов, влияющих на результат (дополняющим сложную систему социальных коммуникаций социотехническими и социоприродными взаимодействиями), размыванием ценностных границ (затрудняющим механизмы целеполагания и выработки критериев оценки результатов

деятельности). То, что кажется надежным, оказывается иллюзией, ведущим мироощущением повседневности становится тревожность, усиливающаяся неверием в достоверность всепроникающих медиа. В таком мире любой выбор кажется катастрофическим: отсутствие логики обуславливает диспропорцию между причиной и следствием, приводящую к несбалансированным результатам деятельности. В этих условиях неопределенность превращается в непостижимость как состояние информационной перегрузки, невозможность понять систему принятия решений.

Особенности VUCA-мира и BANI-мира заставляют обратиться к понятию неопределенности, имеющему сложную и довольно показательную философскую «историю». В классической философии неопределенность была онтологически амбивалентна, она рассматривалась как «показатель метафизической ущербности», как обозначение границ мыслимого [Неопределенность...: 180]. Неопределенность реабилитировалась в начале 20 века, став базовой научной и философской категорией. Она стала рассматриваться как некая возможность осуществления, связываясь с экзистенциально-личностными переживаниями, стоя в одном ряду с субъективностью и расширением возможности рефлексии. Показательно, что человечество в рамках научно-философского постижения довольно быстро научилось выстраивать методологию исследования неопределенности, выработало принципы и приемы, позволяющие получать достаточно достоверные знания о мире (что лучше всего демонстрирует квантовая теория).

Важно, что понятие неопределенности всегда соотносилось с представлением о пределе и границе, «не-определенность» существует в контексте определенности как ее утрата. Как указывает А.А. Грякалов, «протестное сознание предполагает устойчивое наличие нормологии идеалов и ценностей», «понятие неопределенности возникает внутри рефлексии определенности или на её фоне» [Неопределенность...: 63]. Неопределенность предполагает сравнение с известным образцом. Это смещение порядка, отсутствие гармонии; в таком контексте понятие неопределенности все-же с необходимостью отсылает нас к фундаментальному, к идеалам и ценностям: это означает, что в неопределенности есть логика и смысл (поэтому на ее основе возможно выстраивание различных методологий). Она заставляет искать новые «точки опоры», часто связанные с обращением к личности, что в рамках философии образования нельзя не считать позитивным результатом, поскольку одна из целей образования непосредственно предполагает «создание нового человека» в том или ином виде. Исследователи подчеркивают, что «антропологические проекты рассматриваются как модусы, исторически сопровождающие процесс эволюции образовательных систем» [Глухов, Попов, Аверков: 47]. В условиях «разрушения культуры» и смены «социума» на «массы» в контексте постмодернистской и технократической парадигм новый антропологический фундамент образования, предлагаемый международным сообществом, выстраивается на трех универсальных личностных компетенциях: познании (мышлении), взаимодействии с другими людьми и управлении собой [Глухов, Попов, Аверков: 49].

Ситуация неопределенности сопровождается этической напряженностью, связанной с необходимостью принятия решений, усугубляемой возникновением внезапных внешних угроз неясного происхождения и осознанием собственной уязвимости. Ключом к пониманию онто-эпистемологического характера неопределенности выступает соответствие знаний и ситуации

принятия решения [Шевченко: 174], обусловленное неполнотой представленной модели реальности. Как считает С.Ю. Шевченко, в каждой такой ситуации мы имеем дело с четырьмя формами неопределенности: 1) недостаточностью знаний о самой ситуации, 2) отсутствием четких критериев оценки, 3) невозможностью определения границ сферы неопределенного, 4) языковой неясностью описания ситуации [Шевченко: 166]. При наличии указанных компонентов человек не может опираться на сложившиеся поведенческие ориентиры, ему не хватает имеющихся коммуникативных компетенций. Чтобы минимизировать риски, поведение строится на инструменталистском принципе: быстрая ориентация в конкретном фрагменте окружающего мира без необходимости его глубокого постижения. Не случайно именно сейчас мы сталкиваемся с требованием оставить в университетских курсах лишь «полезное» знание и инструментальные навыки. Здесь прагматизм выступает как один из способов ориентации в данностях VUCA-мира. Длительное существование в ситуации неопределенности формирует соответствующие поисковые регулятивы и способы оценки знаний. Все это, на наш взгляд, выступает в качестве эпистемологического контекста университетского образования, где неопределенность социальная и мировоззренческая смыкаются с неопределенностью методологической. Поэтому обостряется проблема социальной роли университета, выполнение им своих функций, в том числе воспитательной. В отношении будущего университета вопросы, поставленные Шевченко, имеют не только (и не столько) эпистемологическую значимость: «как возможна передача знания о неопределенности? Какое понимание знания можно счесть адекватным ситуации неопределенности? Каким регулятивом можно следовать, формируя и распространяя это знание?» [Шевченко: 164].

Неопределенность цифровизации. Мы уже упоминали о цифровизации как одном из процессов, характеризующих современность. Применительно к университету и сфере образования в целом очевидно, что на сегодня это один из главных факторов неопределенности и нестабильности развития. Исследователи отмечают, что многие преподаватели в период дистанционного обучения переоценили свою способность работать в новых форматах, указывая на необходимость перестройки почти половины содержательной части курсов в сторону их вариативности и персонализации [Батракова, Гладкая: 14—15]. Авторы подчеркивают, что неопределенность ситуации серьезно затрудняет «купи́рование негативных факторов цифровизации: сетевая зависимость, уход в виртуальную реальность, клиповое мышление, обилие мусорной информации, трудности при социализации» и др. [Иванова, Иванов: 19]. Действительно, цифровизация даже в форме виртуализации процесса обучения, несмотря на очевидные преимущества, вносит нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность сразу в несколько ключевых моментов образовательной реальности. Н.М. Смирнова указывает, что помимо психолого-педагогических, ситуация резкого перехода на цифровые (виртуально-дистанционные) форматы обучения порождает проблемы социально-философского и эпистемологического свойства [Смирнова: 113]. Среди самых существенных можно назвать отсутствие личностного (неявного и эмоционально наполненного) компонента знания, передаваемого исключительно в процессе межличностного общения, описанного в свое время М. Полани; «утрата специфических средовых маркеров образовательно-интеллектуальной деятельности» и соответствующих способов корректировки поведения из-за слияния социального и частных пространств, и, как следствие, «огромных

когнитивных лакун в образовательной ткани учебного процесса» [Смирнова: 115]. У студентов возникает иллюзия знания, иллюзия простоты и полноты полученных в «удобном» формате знаний и навыков, оборачивающиеся впоследствии ограниченностью личностного и профессионального самоопределения.

Цифровизация и виртуализация «размывает» границы образовательного пространства, способствует смешению статусов и нарушению иерархии в отношениях (в ситуациях цифрового неравенства и со стороны студента, и со стороны преподавателя); вносит в образовательный процесс фейковую составляющую и не всегда уместные развлекательные элементы, неизбежные при обращении к Интернету. Дополнительная сложность возникает из-за открытости и множественности конфигураций взаимодействия (имеется в виду известная особенность виртуальных коммуникаций «смотреть вполглаза» и «слушать вполуха»), иногда сводя «на нет» возможность контроля за ситуацией. О какой-то определенности нельзя говорить, если преподаватель оказывается в условиях «китайской комнаты» (мысленного эксперимента Д. Серла), ставящей под сомнение степень понимания передаваемой информации; или даже «игры в имитацию» (А. Тьюринга), где под вопросом оказывается не только подлинность знаний и навыков обучающегося, но и достоверность самого реального субъекта обучения (мы не всегда можем установить, с кем взаимодействуем посредством цифровых технологий).

Значимым итогом цифровизации является возникновение новой формы субъекта («коммуниканта» в терминологии В. Савчука), — редуцированного, обезличенного ретранслятора определенного дискурса, продукта и условия медиасреды [Савчук]. Ценностной доминантой для такого субъекта выступает легкость, без которой он не мыслит коммуникацию. Как отмечает М.А. Корецкая, принцип супермаркета (минимизация затраченного времени и усилий) способствует распространению в обществе дилетантов под девизом утверждения оригинальности и суверенности [Неопределенность...: 185—186], размывая подлинность существования, утверждая типическое и поверхностное. Цифровые коммуникации не дают возможности "удержать зоны молчания, столь необходимые для вызревания мысли", развивать интеллектуальную дисциплину и чувство меры [Неопределенность...: 193]. На сегодня уже становится ясно, что доступность образовательного контента в цифровом виде в действительности не способствует расширению образовательных коммуникаций, формирует нестабильную и фрагментарную последовательность действий субъекта, что усложняет и без того непростую ситуацию с организованностью и самодисциплиной плохо мотивированных студентов. Избыточная активность в виртуальном пространстве создаёт явные помехи в формировании целостной картины мира (как жизненного, так и профессионального).

Основы конструкта будущего. Несмотря на серьезность и масштаб современных трансформаций, мы уже можем говорить о наличии вполне сформированного «ответа» на вызовы VUCA- и BANI-мира, связанного с пересмотром представлений о различных компонентах внешнего мира как среды существования современного университета. В литературе чаще всего фигурируют модель поведения, предложенная Н. Галемом и модель VUCA-Prime Р. Йохансена, построенные на гибкости в отношении изменчивого мира. В первой модели опорными точками называются пристальное внимание к происходящему, оперативная обратная связь и адаптация при взаимодействии с окружающим. В приложении к университетской реальности это означает опору на серьезный анализ социально-экономического развития, учет

актуальных требований рынка труда в плане формирования профессиональных компетенций, ориентацию на персонализацию результата образования [Корсакова: 7–8]. Модель VUCA-Prime выдвигает на первый план мягкие компетенции: *видение* (четкое осознание направления движения), *понимание* (спокойное и глубокое исследование неопределенности), *ясность* (способность найти понятную основу сложности), *быстрота* (перебор множества неоднозначных вариантов) как способности противостоять негативным тенденциям современного мира и развиваться в нем [Иванова, Иванов: 17]. Применительно к высшему образованию, говорят о своего рода «осмысленном обучении», — «субъект-субъектном анти-иерархическом обучении, предполагающем взаимное сотрудничество и взаимную ответственность сторон» за его результаты [Иванова]. Потенциальность, субъективность и процессуальность становятся новыми поведенческими ориентирами.

Все вышеупомянутые установки вызывают у автора ассоциацию с представлением об абсурде А. Камю и его описанием абсурдного человека: «если Вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним» [Камю: 225]. Вероятно, само сравнение современного мира с абсурдом не столь корректно (хотя многие сторонники классической модели образования именно так рассматривают существующую ситуацию), но поведение человека в мире, где нет смысла и заданных ориентиров, вполне соотносится с требованием А. Камю все знать и ни на что не надеяться. Его абсурдный герой (как и современник) обречены смотреть в лицо неопределенности, опираться на собственные ценности и интересы и обладать твердостью в следовании своей цели. Как мы отмечали выше, такая позиция в конечном итоге ведет к становлению свободной личности, выступающая призывом к жизни и активному действию: «чем меньше в жизни смысла, тем больше оснований, чтобы ее прожить» [Камю: 259]. Современному студенту, в значительной степени инфантильному, VUCA-мир дает широкие возможности для личностного становления и самореализации, формирования ответственного отношения к собственной жизни и образованию.

Неопределенность как сущность университета. Неопределенность в статусе университета не должна рассматриваться как нечто катастрофическое: университет как традиционное место *поиска* (профессионального, научного, личностного и др.) есть пространство соприкосновения с неопределенностью, “стояние в просвете” неопределенности, связанное с выстраиванием новых конфигураций знаний и ценностей на основе имеющегося опыта. Если считать университет своего рода коллективным субъектом, то можно сказать, что неопределенность — это его типичное экзистенциальное состояние. Не случайно образование так часто становилось зоной экспериментов, в образовательном пространстве социум моделирует будущее, пробует соотнести идеалы с моделируемой реальностью (и, как в любом моделировании, закономерно ошибается в деталях). Университет как социальный институт «производит» сложность и тестирует методы ее освоения. Доля рациональности, исследовательской свободы и критичности, сосредоточенные в рамках университетского пространства, позволяют ему сформировать готовность к широкому кругу неожиданностей, актуализировать непостижимость мира как проблему. Основная сложность нам видится в том, чтобы поиск решений данной проблемы гармонично соединял теоретические и педагогические подходы. Как справедливо заметил Г. Люббе, в условиях гипердинамики современности для выхода из кризиса необходимо «трансформировать свободу

в смысл» [Люббе: 28]. Поэтому среди значимых трендов развития образования определяющим становится *персонализация*, и не столько в ее гуманистическом контексте, но как общая «технология» существования в нестабильном мире. А поскольку онтологически персонализм неизбежно предполагает Другого, то будущее существование университета можно представить только в *диалоге* (междисциплинарном, культурном, региональном, глобальном), выступающем основанием, условием и границей неопределенности в плане согласования ценностных позиций и поиска рациональных критериев сосуществования. Невероятное наступает только тогда, когда субъект позволяет ему управлять собой, теряет навыки критического осмысления границ возможного и строит будущее только на основе прежнего опыта — таков общий смысл идеологии антихрупкости [Тaleb]. Выход — перспективная предсказуемость: университет способен развиваться как Универсум (целостный и разнообразный, единый и многомерный одновременно), объединенный общим интеллектуальным поиском и внешним социальным контекстом (ср.: [Смирнов и др.]). Образование всегда было возникновением различных форм бытия, утверждением человека в мире, поэтому непостижимость в отношении мира может рассматриваться как критерий зрелости каждого конкретного университета в современных условиях. При этом способность к адаптации необходимо рассматривать не как подчинение условиям, а как возможность прояснить и трансформировать текущую ситуацию в соответствии со своими целями и ценностями. Важнейшими условиями существования в такой неопределенности-непостижимости, на наш взгляд, тогда должны быть решающее значение понимания и контекста, выбор как главный компонент конструирования реальности и ориентация на конкретного человека.

Список литературы / References

- Батракова И.С., Гладкая И.В. и др. Отношение преподавателей вуза к трансформации университетского образования в цифровом обществе // *Человек и образование*. 2020. № 4 (65). С. 13—21.
- (Batrakova I.S., Gladkaja I.V. et al. Attitude of University Teachers to the Transformation of the World in the Digital Society, *Man and Education*, 2020, no. 4 (65), pp. 13—21. — In Russ.)
- Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н. *Этика меняющихся университетов*. Красноярск, 2020. 222 с.
- (Viktoruk E.N., Moskvich Ju.N. *The Ethics of Changing Universities*, Krasnoyarsk, 2020, 222 p.— In Russ.)
- Виноградова С.Г., Смирнова А.Т. Модель трансформации вуза: теория и практика // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29, № 11. С. 129—140.
- (Vinogradova S.G., Smirnova A.T. University transformation model: theory and practice, *Higher Education in Russia*, 2020, vol. 29, no. 11, pp. 129—140. — In Russ.)
- Глухов П.П., Попов А.А., Аверков М.С. Контуры нового антропологического проекта образования // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 60. С. 4—54.
- (Gluhov P.P., Popov A.A., Averkov M.S. Outlines of a New Anthropological Education Project, *Tomsk State University Journal of Philosophy. Sociology and Political Science*, 2021, no. 60, pp. 45—54. — In Russ.)

- Иванова О.Э. Осмысленное обучение как ответ на вызовы VUCA-мира // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире: материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск: Издательство Южно-Уральского гос. гум.-пед. ун-та, 2021. С. 38—43.
- (Ivanova O.E. Meaningful Learning as a Responce to Challenges of VUCA-world, *National Security and Youth Policy: Cybersocialization and Value Transformation in the VUCA World: Papers Presented at the International Scientific and Practical Conference*, Chelyabinsk, 2021, pp. 38—43. — In Russ.)
- Иванова С.В., Иванов О.Б. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: образовательный аспект // Ценности и смыслы. 2021. № 3 (73). С. 6—26.
- (Ivanova S.V., Ivanov O.B. Sustainable Development in an Unsustainable World (Educational Aspect), *Values and Meanings*, 2021, no. 3 (73), pp. 6—26. — In Russ.)
- Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / под ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 222—318.
- (Kamus A. The Myth of Sisyphus. Essay on Absurdism, ed by Yakovlev A.A., *Twilights of the Gods*, Moscow, 1990, p. 222—318. — In Russ.)
- Корсакова Т.В. Университет в новой реальности: поиск принципов развития // Образовательные технологии. 2018. № 4. С. 3—8.
- (Korsakova T.V. University in the new reality: searching for the principles of reality, *Educational Technologies*, 2018, no. 4, pp. 3—8. — In Russ.)
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
- (Lubbe H. In step with time: The abridged presence in the present, Moscow, 2016, 456 p. — In Russ.)
- Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / под ред. К. Вульфа и В. Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 248 с.
- (Uncertainty as a challenge: Media. Anthropology. Aesthetics, ed. by Wolf K. and Savchuk V., St. Petersburg, 2013, 248 p. — In Russ.)
- Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой, А.М. Корбута. М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 144 с.
- (Ortega y Gasset H. Mission of the university, Moscow, 2010, 144 p. — In Russ.)
- Палей Е.В. Темпоральная составляющая современного образования: аксиологический аспект // Вестник Гуманитарного института Ивановского государственного химико-технологического университета. 2020. № 1. С. 140—146.
- (Paley E.V. Temporal Constituent of the Contemporary Education: an Axiological Aspect, *Bulletin of the Humanitarian Institute of the Ivanovo State University of Chemistry and Technology*, 2020, no. 1, pp. 140—146. — In Russ.)
- Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
- (Readings B. The University in ruins, Moscow, 2010, 304 p. — In Russ.)
- Савчук В.В. Коммуникант — эпифеномен коммуникации // Медиафилософия VII. Медиареальность субъекта / под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2011. С. 43—65.
- (Savchuk V.V. Communicant as an Epiphenomenon of Communication, *Mediaphilosophy VII. Mediareality of the subject*, St. Petersburg, 2011, pp. 43—65. — In Russ.)

- Смирнова Н.М. Образовательные стратегии в парадигме сценарного подхода // Высшее образование в современном мире: история и перспективы. М.: Энциклопедист-Максимум, 2020. С. 111—117.
(Smirnova N.M. Educational Strategies in the Scenario Approach Paradigm, *Higher education in the contemporary world: history and perspectives*, Moscow, 2020, pp. 111—117. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г., Меликян М.А. Виртуальный ноосферный университет: образовательный универсум в изофилософской репрезентации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 148—162.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G., Melikyan M.A. Virtual noospheric university: educational universe in isophilosophical representation, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2022, no. 2, pp. 148—162. — In Russ.)
- Тaleb Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2012. 528 с.
(Taleb N.N. The Black swan. To impact of the highly improbable, Moscow, 2012, 528 p. — In Russ.)
- Черных С.И., Борисенко И.Г. Изменение экосистемы образования в условиях турбулентного социума // Высшее образование в современном мире: история и перспективы. М.: Энциклопедист-Максимум, 2020. С. 83—95.
(Chernyh S.I., Borisenko I.G. Changing ecosystem of education in terms of a turbulent society, *Higher education in the contemporary world: history and perspectives*, Moscow, 2020, pp. 83—95. — In Russ.)
- Шевченко С.Ю. Этика неопределенности как продолжение эпистемологии добродетелей // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 161—177.
(Shevchenko S.Yu. Ethics of Uncertainty as an Extension of Virtue Epistemology, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 161—177. — In Russ.)
- Финогентов В.Н. Будущее высшего образования: от преимущественно прагматической ориентации к ценностно-смысловой наполненности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 131—140.
(Finogentov V.N. The future of higher education: from a predominantly pragmatic orientation towards value-semantic fullness, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 131—140. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 25 .04.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Информация об авторе / Information about author

Палей Елена Вадимовна — кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, ev-paley@mail.ru

Paley Elena Vadimovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Chair of the Department of Philosophy, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation, ev-paley@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 140—147.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 140—147.

Научная статья

УДК 1:316:378

DOI: 10.46726/И.2022.4.14

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ НООСФЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КРИТЕРИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СОРАЗМЕРНОСТИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Андрей Витальевич Брагин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания автора — парадигма ноосферного образования, рассматриваемая через призму высшей школы. Показано, что становление ноосферы носит ноокосмический характер, что предполагает участие разума в перестройке траектории социокультурной эволюции в направлении оптимальности — соответствии ноосферному вектору. Доказано, что ведущая роль в системе воспитания и образования принадлежит Университету — комплексному центру, задающему оптимальные гуманистические параметры антропологического развития субъектов высшего образования. Установлен базовый критерий ноосферности образования — критерий антропологической соразмерности. Раскрыто фундаментальное противоречие между парадигмой ноосферного образования и концепцией образования Постсовременности, связанное с целе-ценностными установками. Ноосферное образование представлено как личностное, фундаментально целостное, проективное. Сделан вывод о значимости представления, о включенной маргинальности для функционирования современного университета.

Ключевые слова: ноосфера, образование, ноосферный вектор, ноосферная парадигма образования, критерий антропологической соразмерности, гуманистические параметры, включенная маргинальность

Для цитирования: Брагин А.В. Университетское ноосферное образование: критерий антропологической соразмерности и гуманистические параметры // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 140—147.

Original article

UNIVERSITY NOOSPHERIC EDUCATION: CRITERION OF ANTHROPOLOGICAL COMPARABILITY AND HUMANISTIC PARAMETERS

Andrey V. Bragin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anvibr@mail.ru

Abstract. The author focuses on the paradigm of noospheric education, viewed through the prism of higher education. It is shown that the formation of the noosphere is noocosmic in nature, which implies the participation of the Mind in the restructuring of the of sociocultural evolution trajectory in the direction of optimality — compliance with the noospheric vector. It is proved that the leading role in the system of upbringing and education belongs to the University as a complex center, which sets the optimal humanistic parameters for the anthropological development of higher education actors. The basic criterion of the noospheric education — the criterion of anthropological proportionality, has been established. The fundamental contradiction between the paradigm of noospheric education and the concept of education of Postmodernity, associated with goal-value settings, is revealed. Noospheric education is presented as personal, fundamentally holistic, projective. The conclusion is made about the significance of the concept of included marginality for the functioning of a modern university.

Keywords: noosphere, education, noospheric vector, noospheric paradigm of education, criterion of anthropological proportionality, humanistic parameters, included marginality

For citation: Bragin A.V. University noospheric education: criterion of anthropological proportionality and humanistic parameters, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 140—147.

Последний школяр на отделении точных наук
знает о законах природы куда больше, чем знали Декарт и Паскаль.
Но способен ли школяр мыслить, как они?

A. de Сент-Экзюпери

Становление ноосферы носит ноокосмический характер. Это предполагает участие разума не только в осмыслении космического процесса, но и его регуляции в направлении оптимальности (соответствия ноосферному вектору) [Брагин 2006а, 2015, 2021b]. Как справедливо отмечает Г.С. Смирнов, ноосферная история, в этом аспекте, есть процесс «обустройства мира под формы духа» [Смирнов Г.С.: 4]. Существенное место в обеспечении такого вектора истории играет система воспитания и образования. В этой системе традиционно ведущая роль принадлежит Университету как научному, образовательному и воспитательному центру, обеспечивающему оптимальность движения человечества [Брагин 2006б, 2019, 2021а]. Здесь возникают вопросы о критериях ноосферной парадигмы образования, в рамках которой должен функционировать университет, о параметрах его функционирования, о средствах обеспечения и возможностях реализации в условиях Постсовременности.

По поводу критериев ноосферного вектора развития можно найти указания еще в работах основателя ноосферной концепции В.И. Вернадского. Он, в частности, писал: «Исторический процесс на наших глазах коренным

образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс — всех и каждого — и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”» [Вернадский 2004b: 479—480]. При этом «государство, которое, представляя ей (науке. — *А.В.*) максимальный размах, ставит минимальные преграды, достигает максимальной силы в ноосфере, наиболее в ней устойчиво» [Вернадский 2004а: 353]. В этом контексте известный ноосферолог Н.Н. Моисеев особо подчеркивал коэволюционный характер ноосферного развития [Моисеев].

Резюмируя изложенное, можно сказать, что главным критерием ноосферности является соразмерность Человеку как разумному социоприродному духовному существу, оптимизирующему природные процессы через свободное развитие научного творчества и консолидацию человечества, выступающего в виде геологической силы. Обеспечить надежное движение по ноосферному вектору эволюции может лишь свободная творческая соборная личность, атрибутивными свойствами которой являются: «дистантность, трансцендентность, свобода, творчество, моральность, интеграция которых в системное целое дает специфическое качество — духовность...» [Брагин 2012: 134].

Применительно к системе образования необходимо уточнить смысл, вкладываемый в это понятие. Образование представляет собой специфический социальный институт, выполняющий в обществе экономическую, социальную и культурную функции, т. е. обеспечивающий воспроизводство социально-профессиональной и социально-статусной структур общества через социализацию личности, развитие ее творческих способностей, влияющих на образ жизни. Таким образом, задача системы образования не просто дать индивиду полезную информацию и превратить ее в прочные знания, а образовать его еще как существо духовное и нравственное — как Человека (особенно важно в условиях кризиса семьи), как личность [Брагин 2001: 12].

Однако возникает вопрос: почему же реальность противоречит ноосферному вектору? Прежнего специалиста отличали широкая эрудиция, основанная на системных фундаментальных знаниях, способность к творческому мышлению и применению этих знаний. Образ нынешнего специалиста — это узко фрагментарная «натасканность» на компетенции как некие технические навыки и алгоритмические стереотипы. Гуманитарная составляющая образования оказалась «за бортом». Антропологическая цель образования — не всесторонне развитая личность-творец, а индивид-функция, «одномерный человек», «универсальный потребитель». «Такая цель вполне органична отношению к образованию как к бизнесу — сфере услуг» [Брагин 2021а: 29].

Будущее образования мыслится в связи с технологией искусственного интеллекта (ИИ), разворачивающейся через виртуальные сети тьюторов и менторов. Переход к во многом симулятивному образованию осуществляется на основе игровой и командной работы (в нейронетгруппах), что не может не повлиять на когнитивно-поведенческие практики человечества. Разворачивается и нарастает геймеризация всей жизни — среда обитания становится своеобразным тренажером, а нормой для человека становится

жизнь в виртуально-реальных мирах. Система образования формирует не столько homo sapiens, сколько homo ludens. Постепенный отказ от фундаментального системного образования порождает разрыв с культурной преемственностью, влечет утрату не только национально-культурной, но и в «принципе антропологической самоидентификации» [Брагин 2021а: 30].

Доминирующее в условиях Постсовременности общество потребления отторгает формирование развитой гармоничной личности, что обуславливает торможение процесса ноосферизации системы образования. Образование эпохи Постсовременности «вуалирует» антиноосферные интенции концепциями прогресса, инноваций, через мимикрию под гуманизм. Такой трансгуманизм разрушает человеческую личность ведет общество к самоуничтожению. Так, А.П. Огурцов, со ссылкой на авторов книги «Постмодернизм и воспитание» Р. Юшера и Р. Эдвардса, показывает, что «постмодернисты, безусловно, разрушают центральное ядро европейской культуры и европейского образования — идею автономности личности как цели воспитания и образования» [Огурцов: 79]. В.Г. Шумилкина, продолжая философское размышление в этом направлении, говорит о том, что «постмодернистская педагогика <...> направлена на формирование человека, лишённого способности к самоидентификации и к критическому мышлению. Это приведет, на наш взгляд, к возможности манипулирования человеческим сознанием, оскудению духовного мира личности, деградации ее интеллектуальных и творческих сил» [Шумилкина: 16].

Действительно, последствия от такого образования печальны для человечества, ибо для общества (сверх)потребления не нужна свободная творческая личность, вбирающая в себя все культурные достижения и способная их развивать. Для такого общества необходим «универсальный потребитель». Формирование такого типа человека обусловлено трансгуманистской трансформацией образования, фактически выхолащиванием его традиционных социальных функций. Связь здесь самая непосредственная, т. к. чем ниже уровень культуры и научных знаний человека, тем менее он социален. Социальное в человеке все более редуцируется к примитивно биологическому. Об этом свидетельствуют, в частности, и распад семьи, виртуализация коммуникации и нарастающий социальный аутизм. Причем чем выше десоциализация человека, тем безогляднее его материальное потребление, не учитывающее ни личные возможности человека, ни планетарные¹, тем выше безудержный гедонизм, поощряющий историческую амнезию и ««сверхреализм» сегодняшнего дня» [Липовецки: 326]. Однако это путь в никуда, в небытие.

Вся историческая практика свидетельствует, что человека нельзя лепить как глину без возрастающего риска самоуничтожения для всего человечества. «Образование — это не обработка неким субъектом некоторого пластичного материала по заданному шаблону. Образование — это всегда процесс коммуникации между неповторимыми социокультурными субъектами, в частности, это процесс коммуникации между преподавателями и «обучающимися». Этот процесс, конечно, можно опосредствовать различными информационными средствами, но его невозможно редуцировать к сугубо

---

¹ Академик В.И. Арнольд в статье «Новый обскурантизм в российском просвещении» справедливо указал на связь снижения уровня культуры с увеличением покупок как на сознательно реализуемую цель реформ образования. См. подробнее: [Арнольд: 4].

информационным процессам, невозможно заменить сугубо информационными технологиями. Образование — это сложнейший ценностно-смысловой процесс, в ходе которого указанные субъекты стремятся к достижению взаимопонимания, это процесс их сотворчества, в ходе которого происходит взаимное духовное обогащение таких субъектов» [Финогентов: 10].

В целом нынешнее повальное увлечение информационными технологиями, «цифрой», виртуализацией жизни (и, в частности, образования) весьма лукаво. Здесь необходимо отметить, что природа ноосферных процессов не цифровая, а аналоговая, хотя и не это в данном случае главное. Главное, что «цифра» не может быть целью, это — средство, весьма уместное для решения конкретных учебных и учебно-методических (если говорить об образовании) вопросов. Существенно, однако, что континуальная сущность процесса обеспечивает его ноосферную форму, а форма, как известно, неразрывно связана с содержанием. Здесь важно не исказить ноосферную форму образования чуждым ей содержанием, неизбежно привносимым необдуманно или злонамеренным применением цифровых технологий (отказом, например, от личного общения преподавателя и учащегося в процессе обучения). Помочь отделить «зерна от плевел» может использование заявленного мною критерия, которым, несомненно, является цель образования.

Целью ноосферного образования является не усвоение неких фрагментарных «компетенций», а системное приобщение к фундаментальным знаниям, накопленным культурой, конкретными науками и практикой. Именно неуклонное следование данной цели обеспечивает континуальность процесса образования, формирование на этой базе свободной творческой соборной личности, способной прежде всего производить, а не потреблять. Именно наука дает возможность личности быть подлинно свободной, т. е. самоопределяющейся. Самоопределение изначально предполагает адекватность знаний природной и социальной реальности (ее и обеспечивает наука), а чем больше объем этих знаний, чем качественнее знание алгоритмов их нахождения и приращения, тем оптимальнее выбор личности.

Личность — это уникальный феномен социального, массового «производства» личностей ни в какой системе образования быть не может. Личность можно бережно «выращивать», открывая простор для творческого самовыражения в ходе духовного развития, приобщения к богатствам культуры, накопленным человечеством. Именно поэтому следует отказаться от доставшейся от индустриальной эпохи парадигмы массового производства «специалистов» в рамках высшего образования². Сегодняшняя экономика, да еще и в условиях глобального системного экономического кризиса, в них просто не нуждается, реальный (а не декларативный) социальный заказ на них отсутствует. Данное обстоятельство имеет весьма существенное значение для мотивации студентов на добросовестное отношение к учебе, на приложение необходимых усилий для приобщения к знаниям, к культуре.

Поскольку всем участникам образовательного процесса приходится действовать в отнюдь не благоприятных для ноосферного развития условиях Постсовременности, то весьма уместным представляется следование минимизирующему издержки алгоритму, весьма удачно сформулированному

---

² Суть высшего образования таким образом выхолащивается, само пребывание в вузе превращается в некий социальный институт, обеспечивающий относительный контроль поведения молодежи, а диплом — в формальность.

К.С. Смирновым. «Для характеристики линии поведения человека Традиции в буржуазном мире мы предлагаем понятие “включенная маргинальность”. Характеристика включенности означает, что человек традиции существует внутри буржуазного общества. Он не бежит из него (в частности, потому, что уже некуда бежать). Понятие “маргинальности” предполагает, что человек традиции держит максимальную мировоззренческую дистанцию по отношению к системе принципов буржуазного мировоззрения. Конечно, живя в обществе, человек традиции отдает кесарю кесарево, но только в материальном плане. Чтобы даже материальная зависимость от буржуазного общества была минимальной, человек традиции практикует определенную материальную аскезу» [Смирнов К.С.: 47—48].

Ноосферное образование не может быть массовым (в плане его предельной унификации). По своим параметрам оно должно быть личностным, фундаментально целостным, научным, стимулирующим самостоятельность в осмыслении полученных знаний, их конструктивное практическое применение. Его вполне можно и нужно осуществлять, используя все имеющиеся в распоряжении средства, в том числе и новые информационные технологии. Эффективное решение этой задачи, конечно, связано, прежде всего, с изменением ценностных приоритетов, социально-экономической системы общества, однако процесс этот сложный и противоречивый, требующий терпения и умеренного оптимизма, ясного осознания ситуации. Именно ясному осознанию ситуации и должно способствовать выявление четких критериев ноосферности образования, его основных параметров. Накоплению опыта в их практической реализации может обеспечить и реализация такого концепта как «Виртуальный ноосферный университет», потенциально несущего в себе аттрактор для интеллектуальных сил, направленных на обеспечение ноосферного вектора развития человечества.

Список литературы / References

- Арнольд В.И. Новый обскурантизм в российском просвещении. М.: ФАЗИС, 2003. 60 с.
(Arnol'd V.I. New obscurantism in Russian education, Moscow, 2003, 60 p. — In Russ.)
- Брагин А.В. Ноосфера — Человек — Образование // Ноосферное образование в России: материалы межгосударственной научно-практической конференции. Иваново, 3—5 октября 2002 г. / отв. ред. Г.С. Смирнов. Ч. 1. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. С. 10—13.
(Bragin A.V. Noosphere — Man — Education, *Noospheric education in Russia: materials of the interstate scientific and practical conference, Ivanovo, 3—5 October 2002*, Pt. 1, Ivanovo, 2001, pp. 10—13. — In Russ.)
- Брагин А.В. Ноосферный характер эволюции мироздания // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2006а. Вып. 1. С. 93—98.
(Bragin A.V. Noospheric nature of the evolution of the universe, *Bulletin of the Ivanovo State Power Engineering University*, Ivanovo, 2006a, iss. 1, pp. 93—98. — In Russ.)
- Брагин А.В. Современное образование и ноосферная перспектива: философия в вузе // Антропологический потенциал современного университетского образования: материалы межрегиональной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20—22 октября 2004 г. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2006b. С. 197—205.

- (Bragin A.V. Modern education and noospheric perspective: philosophy at the university, *Anthropological potential of modern university education: materials of the interregional scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, 20–22 October 2004*, Nizhny Novgorod, 2006b, pp. 197–205. — In Russ.)
- Брагин А.В. Структура Мироздания и проблема антропного принципа // Неизреченное слово: мемориальный сборник, посвященный профессору А.Н. Портнову. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 124–137.
- (Bragin A.V. The structure of the Universe and the problem of the anthropic principle, *Inexpressible word: a memorial collection dedicated to Professor A.N. Portnov*, Ivanovo, 2012, pp. 124–137. — In Russ.)
- Брагин А.В. Коллективный Разум в контексте Постсовременности // Ноосферные исследования. 2015. Вып. 3–4 (11–12). С. 11–23.
- (Bragin A.V. Collective Mind in the context of Postmodernity, *Noospheric Studies*, 2015, vol. 3–4 (11–12), pp. 11–23. — In Russ.)
- Брагин А.В. Университетское образование: классика и традиционализм или постмодернистские инновации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2 (19). С. 18–22.
- (Bragin A.V. University education: classics and traditionalism or post-modernist innovations, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2019, iss. 2 (19), pp. 18–22. — In Russ.)
- Брагин А.В. Современный университет: постмодернистские изыски или классика // Ноосферные исследования. 2021а. Вып. 2. С. 5–13.
- (Bragin A.V. Modern university: postmodernist delights or classics, *Noospheric Studies*, 2021a, iss. 2, pp. 5–13. — In Russ.)
- Брагин А.В. Ноосферная безопасность России: критерии оценки и тенденции // Ноосферные исследования. 2021b. Вып. 3. С. 23–32.
- (Bragin A.V. Noospheric security of Russia: evaluation criteria and trends, *Noospheric Studies*, 2021b, iss. 3, pp. 23–32. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004а. С. 242–469.
- (Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon, *Biosphere and noosphere*, Moscow, 2004a, pp. 242–469. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004b. С. 479–480.
- (Vernadsky V.I. A few words about the noosphere, *Biosphere and noosphere*, Moscow, 2004b, pp. 479–480. — In Russ.)
- Липовецки Ж. Эра Пустоты: эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 334 с.
- (Lipovetsky J. Era of the Void: An Essay on Contemporary Individualism, St. Petersburg, 2001, 334 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.
- (Moiseyev N.N. Modern rationalism, Moscow, 1995, 376 p. — In Russ.)
- Огурцов А.П. Антипедагогика: вызов постмодернизма // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 79–86.
- (Ogurtsov A.P. Antipedagogy: the challenge of postmodernism, *Higher education in Russia*, 2002, no. 5, pp. 79–86. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферная история человечества: Философско-методологические проблемы эволюции интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2006. № 1. С. 3–21.

(Smirnov G.S. Noospheric history of mankind: Philosophical and methodological problems of the evolution of the intelligentsia, *Intelligentsia and the world*, 2006, no. 1, pp. 3—21. — In Russ.)

Смирнов К.С. Антропологический кризис в эпоху неототалитаризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2008. № 2 (8). С. 47—48.

(Smirnov K.S. Anthropological crisis in the era of neo-totalitarianism, *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7, Philosophy*, 2008, no. 2 (8), pp. 47—48. — In Russ.)

Финогентов В.Н. Печальные итоги реформирования гуманитарной составляющей высшего образования в современной России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2 (19). С. 5—14.

(Finogentov V.N. The sad results of reforming the humanitarian component of higher education in modern Russia, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2019, iss. 2 (19), pp. 5—14. — In Russ.)

Шумилкина В.Г. Проблема гуманитаристики в современной образовательной парадигме. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2 (19). С. 14—17.

(Shumilkina V.G. The problem of humanities in modern educational paradigm, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2019, iss. 2 (19), pp. 14—17. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 25 .04.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Брагин Андрей Витальевич — доктор философских наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

Bragin Andrey Vitalievich — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anvibr@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 148—159.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 148—159.

Научная статья

УДК 1:378.2

DOI: 10.46726/И.2022.4.15

МИССИЯ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Софья Владиславовна Пирожкова

Институт философии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, pigozhkovasv@gmail.com

Аннотация. Цель статьи — показать изменения требований, предъявляемых к подготовке научных кадров, и обосновать задачи философии как важного элемента такой подготовки. Демонстрируется, что в контексте взращивания кадров высшей квалификации, наука предстает как определенная форма трудовой активности, предполагающая приобретение обучающимся компетентности в решении ряда профессиональных задач. Будучи встроенной в общую систему подготовки дипломированных специалистов, подготовка ученых испытывает влияние общих для развития образования тенденций. Если на протяжении большей части XX в. это был тренд на специализацию, а также формализацию, то сегодня фокус внимания смещается на развитие универсальных компетенций и использование жестко не формализованных образовательных стратегий. Такая ситуация обусловлена влиянием технологического прогресса на содержание профессиональной деятельности в разных сферах, из-за чего становится невозможным прогнозировать, какие знания и навыки потребуются работникам уже на горизонте 15—20 лет. Поэтому целесообразной становится подготовка кадров широкой специализации, способных к быстрому и эффективному переучиванию. Обосновывается, почему данная ситуация затрагивает и сферу научного труда, где триггером становятся процессы цифровизации и перераспределения функций между естественным и искусственным интеллектом. Доказывается, что в обозначенных условиях философия как образовательная дисциплина призвана обеспечивать высокий уровень развития универсальных компетенций молодых ученых — помимо системности и критичности мышления, способность к историко-философскому и перспективному видению развития науки. Тем самым вносится существенный вклад в формирование человеческого капитала тех, кто, начиная сегодня свой профессиональный путь, в дальнейшем будет определять судьбу науки — не только как познавательного предприятия, но и социокультурного феномена.

Ключевые слова: подготовка научных кадров, профессиональные компетенции ученого, человеческий капитал, философия, образование, университет

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00896.

Для цитирования: Пирожкова С.В. Миссия философии в формировании человеческого капитала молодых ученых: вызовы XXI века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 148—159.

Original article

THE MISSION OF PHILOSOPHY IN THE FORMATION OF THE HUMAN CAPITAL OF YOUNG SCIENTISTS: CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

Sophia V. Pirozhkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, pirozhkovasv@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to show changes in the requirements for the training of scientific personnel and to substantiate the tasks of university philosophy as an important element of such training. It is demonstrated that in the context of training of highly qualified personnel, science is one of the number of forms of labor activity, so students must acquire competences that will help them to solve professional tasks. Being integrated into the general system of training of certified specialists, the training of scientists is influenced by trends common to the development of education. If for most of the twentieth century it was a trend towards specialization, as well as formalization, today the focus is shifting to the development of universal competencies and the use of non-formalized educational strategies. This situation is caused by the influence of technological progress on the content of professional activity in various fields, which makes it impossible to predict what knowledge and skills employees might need in about 15—20 years. In this situation, it becomes expedient to train personnel of broad specialization and capable of rapid and effective retraining. The author substantiates why this situation also affects the sphere of scientific work, where the processes of digitalization and redistribution of functions between natural and artificial intelligence are becoming the trigger. It is proved that in these conditions philosophy as an educational discipline is designed to provide a high level of development of universal competencies of young scientists — in addition to systematic and critical thinking, the ability to historical-philosophical and prospective vision of the development of science. This makes a significant contribution to the formation of the human capital of those who, starting today their professional path, will in the future determine the fate of science — not only as a cognitive enterprise, but also as a socio-cultural phenomenon.

Keywords: training of scientific personnel, professional competence of a scientist, human capital, philosophy, education, university

Acknowledgments: The work was supported by RFBR, project number 20-011-00896.

For citation: Pirozhkova S.V. The mission of philosophy in the formation of the human capital of young scientists: challenges of the XXI century, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 148—159.

Введение: наука в условиях открытого будущего. В ситуации развития группы технологий, которые обычно объединяют под названием «искусственный интеллект» (ИИ), то есть интеллектуальных технологий, не просто дублирующих когнитивные способности человека, но выполняющих такие задачи, которые недоступны для решения человеком (обработка больших массивов данных с поиском корреляций, трендов и иных квазирегулярностей и квазизависимостей, открывающих возможности для прогнозирования и обеспечения практики), на первый план выходит проблема определения уникальных человеческих компетенций. Выделение областей, в которых естественный разум не может быть заменен искусственным,

становится основанием сохранения автономии и независимости *homo sapiens*, сохранения человеческой культуры в целом и различных ее элементов.

Сказанное относится и к науке. В ходе состоявшегося 23 ноября 2021 г. заседания Президиума РАН, главным пунктом повестки которого было обсуждение темы «Искусственный интеллект в контексте информационной безопасности», занимавший на тот момент пост президента РАН академик А.М. Сергеев высказал опасения по поводу перспектив науки в условиях бурного развития технологий ИИ. В выступлении на том же заседании академика В.А. Лекторского было показано, что «возможность обработки больших данных с помощью ИИ и выявление таким путем эмпирических корреляций ставит вопрос о будущем научных исследований: высказываются мнения о том, что в этих условиях больше нет необходимости ни в гипотезах, ни в теориях, ни в экспериментах. Обнаруженные корреляции дают возможность предсказания без выявления причинных зависимостей, без объяснения и понимания». Для решения практических задач этого оказывается вполне достаточно, и практическая польза науки в результате становится менее очевидной для обывателя и общества в целом.

Как представляется, алармистские настроения в связи с эволюцией ИИ все-таки чрезмерны. Несмотря на самообучение экспертных систем, они все еще зависят от программистов, закладывающих фундамент такого обучения. Что касается прогнозирования в тех областях, где научное предвидение опирается на анализ данных и имеется недостаток понимания механизмов протекания процессов, его возможности ограничены (так обстоит дело, например, в области прогноза землетрясений [Соболев; Короновский, Наймарк, Захаров, Брянцева]). В тех же областях, где компьютерное моделирование, применение экспертных систем и вычисления на основе больших данных, как кажется, полностью удовлетворяют потребность в информационном обеспечении принятия решений, неизбежно обнаруживается знаниевая теоретическая база, которая не может быть заменена сбором и обработкой данных.

Тем не менее развитие информационных и интеллектуальных технологий влияют на все сферы жизнедеятельности и труда, в том числе на научный труд. Именно на этой тематике следует сосредотачивать внимание в первую очередь. Освобождаясь от значительного объема работы, связанной с накоплением данных и вычислениями, научный работник не только получает возможность, но и оказывается перед необходимостью перераспределять свои усилия. В системном плане возникает вопрос о том, какими должны быть компетенции ученого второй четверти XXI в. Этот вопрос имеет два уровня — непосредственно связанный с изменением научного труда и содержания профессии ученого и более глубокий, открывающий картину возможных изменений науки как деятельности и как социального института.

Нужно заметить, что не только прогресс ИИ и цифровизация ввергают науку в состояние неопределенности и открытых перспектив. Это состояние обусловлено целым рядом факторов как внутринаучного, так внешненаучного характера — собственной логикой эволюции конституирующих научную деятельность норм и ценностей, изменением роли науки в развитии культуры и общества, трансформацией восприятия последним науки и ее функций и задач (см. подробнее в [Пирожкова 2021]). В этих условиях неизбежно должно трансформироваться не только профессиональное образование, но и практики социализации начинающих ученых. В настоящей статье будет освещена проблема роли философии в подготовке и социализации ученого.

Профессия ученого: компетентностный подход и универсальные навыки. Более столетия назад социолог М. Вебер зафиксировал изменение понимания научной деятельности — идея призвания, особенной жизненной миссии ученого, была заменена идеей профессии [Вебер]. Вебер видел причины кардинальной смены не столько в массовизации труда ученого, сколько в том, что породило саму массовизацию — из деятельности немногих подвижников наука превратилась в социально поощряемую, сопряженную с высоким социальным статусом и стабильным положением в обществе.

Историю развития западноевропейской науки от античности до нашего времени можно рассматривать с точки зрения социальной нормализации этого вида познавательной деятельности. В Древней Греции занятие теорией подразумевало выключение из социальной жизни (само понятие философско-научной школы — греч. *scholē* — указывало на время досуга, свободное от каких-либо социально значимых занятий). Постепенно ученый-теоретик, не только предлагающий решение прикладных проблем, но расширяющий фундаментальные знания о мире, все более вписывался в систему социальных практик, и то, что ранее было досугом, превращалось в оплачиваемый труд. Но этот процесс растянулся на столетия, когда появляющиеся прогрессивные формы (например, университеты в XII в.) в итоге деградировали, и интеллектуальный труд возвращался к своему изначальному статусу — привилегированного занятия, пусть и полезного, но не системообразующего для социального развития. Только в период формирования европейских национальных государств и становления капитализма наука до конца прошла путь, берущий начало в удовлетворении познавательного интереса в свободное время или в отречении от социально поощряемых видов деятельности ради этого интереса, и ведущий к социальному институту, располагающему и системой подготовки кадров, и стабильным финансированием, и государственными гарантиями, и общественным статусом.

Социальная нормализация научной деятельности делает ее профессией — еще одной формой занятости в ряду других. Соответственно и подготовка будущих ученых подчиняется общим правилам профессиональной подготовки, в частности, на ученых распространяются тенденции формализации и стандартизации процесса обучения. Массовая профессия требует четкой артикуляции и детализации тех компетенций, то есть ансамблей знаний и умений, которыми должен овладеть ученый на протяжении всего периода подготовки, а также начальных этапов профессионального пути, которые позволят ему успешно решать рабочие задачи — проводить определенные эксперименты или социологические опросы по заданным методикам, формулировать и проверять гипотезы в конкретной области знания, подготавливать публикации, используя специальный язык, и пр.

Однако формализация не ведет к алгоритмизации, причем не только в случае ученого, в работе которого почти всегда требуется творческий компонент, но и в других профессиональных областях. Более того, в образовательных программах в последние десятилетия наблюдается обратный тренд: все более подчеркивается необходимость формирования индивидуальных образовательных стратегий. В отношении перечней необходимых знаний, навыков и умений все более настойчиво подчеркивается необходимость развития универсальных компетенций [Кузьминов, Сорокин, Фруммин]. Данная метаморфоза обусловлена теми же причинами, о которых говорилось во введении: технологическое развитие, включая развитие интеллектуальных технологий,

делает невозможным детализированное долгосрочное прогнозирование и планирование развития тех или иных профессиональных сред, а значит и формирование жестких программ подготовки. Другими словами, сегодня невозможно составить адекватное представление о тех навыках, которые будут необходимы через 10—20 лет терапевту, социальному работнику, служащему банковской сферы или ландшафтному дизайнеру. Более того, анализ эффектов той же цифровизации показывает, что через 10—20 лет какие-то профессии могут исчезнуть за ненадобностью и, наоборот, появиться новые, для других же будет наблюдаться изменение содержания либо рост конкурентных преимуществ [Фоссен, Зоргнер: 11—12].

Как было показано во введении, наука тоже захвачена изменениями, обусловленными технологическим прогрессом, поэтому и для будущих ученых развитие универсальных компетенций становится критически важным. Ученый, сегодня вступающий в профессию, должен обладать достаточной пластичностью мышления, чтобы суметь ответить как на внутринаучные, так и на внешние социальные вызовы. Помимо отстаивания своей интеллектуальной состоятельности перед лицом развивающегося искусственного интеллекта, ему предстоит вписываться в меняющиеся под влиянием технологического прогресса социокультурные реалии — отвечать на вызовы информационного общества с его свободой распространения как знаний, так и информационного шума, с присущей его членам стремлением участвовать в принятии разнообразных общественно важных решений, с возрастающей критикой экспертного знания и другими амбивалентными по своим последствиям явлениями. Для всего этого необходимы навыки коммуникации с различными социальными акторами, организаторские навыки, выходящие за границы научно-организационных умений, способность критически и конструктивно подходить не только к применяемой в исследованиях методологии, но и к формам организации научной деятельности, ее мировоззренческим основам.

Описанная ситуация находит отражение в нормативной базе, регулирующей образовательный процесс и меры обеспечения карьерного продвижения ученых. Так называемые рамки компетенций, разрабатываемые в зарубежных странах и в России [Vitae Researcher Development Framework...; Исследователь XXI века...], отражают движение от специализации к специфической универсализации. Специфической она оказывается, во-первых, потому, что база подготовки будущего ученого остается довольно консервативной и предполагает овладением когнитивной базой в конкретной, подчас довольно узкой области научного знания. Во-вторых, специализация сохраняется и на последующих этапах профессионального становления, определяя сферу компетентности и экспертности ученого. Однако уже с ранних этапов образовательного процесса будущий ученый должен приобретать знания и навыки в области универсальных компетенций — в отношении взаимодействия с другими, причем как внутри научного сообщества, так и вне его, самоуправления и саморазвития, и управления исследовательским процессом во всех его составляющих. Ученого готовят к тому, что хотя его работа будет сопровождаться помощью со стороны так называемого вспомогательного персонала — бухгалтеров, юристов, PR-специалистов и др. — уже простое делегирование каких-то задач потребует от него минимального понимания в чем эти задачи заключаются, где кончаются компетенции одного специалиста, и начинаются компетенции другого.

Еще одна линия разрыва со специализацией связана с теми требованиями, которые предъявляются к ученым-лидерам. Они должны быть способны к междисциплинарному взаимодействию, работе на границах своей компетентности и расширению последней при необходимости. Знакомство с рамками компетенций создает впечатление, что ученый вновь должен стать широким эрудитом, ставить перед собой задачи, выходящие за границы узкой специализации, и уметь их решать. Но готова ли система образования к подготовке таких ученых?

Подготовка молодых ученых: задачи школьной и университетской философии. Специальные и универсальные компетенции ученого составляют его человеческий капитал. Под последним следует понимать совокупность знаний и умений, формирующих тот индивидуальный ресурс, который субъект использует для производства полезных эффектов — полезных как для себя, так и для общества [The Well-being of Nations...; Кузьминов, Сорокин, Фрумин: 20]. Полезные эффекты могут выражаться и в экономической прибыли, и в социально или культурно значимых плодах индивидуального труда, и в персонально значимых приобретениях. В свете этого задача образования состоит в том, чтобы обучающийся смог сформировать наилучшую базу своего человеческого капитала и приобрести навыки приращения этого капитала на протяжении последующей жизни.

Реализовывать на практике индивидуальный подход, ориентированный на максимальное выявление и актуализацию потенциала обучающегося, который и должен определить, каким будет фундамент человеческого капитала конкретного индивидуума, в условиях массового образования, казалось бы, довольно сложно. Однако, во-первых, условия быстро меняющейся технологической и социальной среды не оставляют особого выбора, во-вторых, индивидуальный подход не предполагает, что к каждому обучающемуся придется приставить отдельного ментора. Достаточно создать образовательную среду, представляющую обучающимся множество возможностей и одновременно знакомящую их с практиками саморазвития. С одной стороны, как отмечает ряд исследователей [Нефедов, Свитанько; Малинецкий, Сиренко], специализация должна начинаться уже в школе, а значит, молодой ученый — не только студент, но и, как минимум, старшеклассник. В частности естественнонаучная подготовка показывает, что «Оптимальным временем для начала... специализации школьника представляется период завершения в 9-м классе основного общего образования, то есть за 2—3 года до поступления в вуз, когда у ребят заметно ослабевает инфантильность и начинает формироваться здоровое честолюбие» [Нефедов, Свитанько: 794].

Вместе с тем ранняя профориентация в качестве основы успешного выбора предполагает серию или цикл так называемых «профессиональных проб», в ходе которых школьник должен выбрать между различными версиями себя в той или иной профессии [Блинов, Сергеев: 16]. Поэтому вовлечение школьников в разнообразные программы должно сопровождаться формированием рефлексивной установки по отношению к себе — важнейшего универсального навыка, в формировании которого должна участвовать философия, интегрируя усилия с курсами литературы, где общие представления облекаются в конкретную и эмоционально нагруженную форму [Философия для детей].

Развитие других универсальных компетенций также необходимо начинать с раннего возраста с участием философии [Фрумин, Добрякова, Баранников,

Реморенко: 8]. В целом же на каждом образовательном этапе философские практики должны обеспечивать, во-первых, последовательный прогресс системного и критического мышления, во-вторых, конкретизацию универсальных навыков, умение работать с определенной предметной фактурой, в нашем случае — обеспечивать реализацию научной деятельности (а не, скажем, предпринимательства, работы в области медицины, журналистики или культурного досуга).

Философская подготовка начинающих ученых в университете, особенно на старших курсах специалитета/магистратуры и в аспирантуре, критически важна, во-первых, для развития пластичности мышления, которая может уменьшаться в условиях необходимости овладения специальной методологией. Профессиональная социализация обычно связана со снижением критичности восприятия информации. Обучающийся не может перепроверять все сообщаемые ему знания и вынужден принимать их на веру, полагаясь на авторитетность сообщества, к которому стремится присоединиться. Это касается не только предметных знаний, но и научного этоса и социальных норм. Профессиональная социализация реализуется не через критику существующего положения вещей, а через, в значительной степени, догматическое принятие. Пока индивид остается за пределами научного сообщества, любая критика воспринимается как дилетантская, а потому нерелевантная. В этой ситуации задача развития критической установки может показаться сложной, но только не для профессионального философа, способного продемонстрировать и то, что критическая установка всегда предполагает предварительное принятие на веру каких-то знаний, и то, как сохранять ее, не впадая в тотальные релятивизм и скептицизм.

В контексте необходимости развивать широкий ряд универсальных навыков — организационно-управленческих и коммуникативных, а также умения ориентироваться в междисциплинарных контекстах, включающих вспомогательные по отношению к исследовательской вида деятельности (в том числе технологическое сопровождение, начиная от решения инженерных задач и заканчивая делегированием ИИ части интеллектуальных функций) — новое значение приобретает системное мышление. Безусловно, смычка различных компетенций тренируется на практике, в рамках осуществления конкретных рабочих задач. Однако для успешной тренировки нужно, чтобы индивид был способен к подобному синтезу, к поиску и нахождению взаимосвязей, визуализации целостной картины, включающей множество аспектов, часть которых лишь косвенно связана с его непосредственной деятельностью. Развитие такого целостного представления о будущей деятельности предполагает целостное видение науки — как деятельности, как социального института и как системы знаний. Философия играет решающую роль в формировании соответствующей картины и соответствующего способа восприятия науки и отношения к ней. В отличие от иных дисциплин — от социологии науки, теории научной политики и научного менеджмента — философия не редуцирует науку к чему-то иному и не стремится представить ее и тех, кто ее творит, объектно. Наоборот, наука предстает как особый, автономный феномен культуры, как воплощение человеческой природы (познающего и расширяющего границы своего бытия субъекта) и важнейших человеческих ценностей (ценность истины, стремление к пониманию мира и самосознанию, к достижению счастья и благополучия людей).

Осваивая науку как профессию, как систему знаний и умений, стремясь овладеть необходимыми компетенциями, а затем построить успешную карьеру, молодой ученый зачастую теряет целостный образ науки, а о ее культурном значении может вообще не задумываться. Как показало последнее столетие, социальная нормализация образа науки (десакрализация, по Веберу) приводит к частичной утрате автономности науки, и это негативно сказывается на ее функционировании (отсюда такие явления, как академический капитализм и бюрократизированность). Поэтому для науки оказывается жизненно необходимым отстаивать свой особый культурный статус, не сводимый не к экономическим, ни даже к социальным эффектам, а укорененный в экзистенциальном значении познавательной деятельности. Когда этот статус осознается в обществе, то опасения, подобные тем, что были высказаны академиком РАН А.М. Сергеевым, просто не могли бы возникнуть.

Сказанное не значит, что культурное значение науки не претерпевает изменений, ведь его формирует все, о чем говорилось выше — и новые социальные реалии, и особенности современного типа хозяйствования, а не только эпистемическая природа научной деятельности. Нарастание новых технических и социокультурных реалий, делающих будущее максимально неопределенным, требует от ученого одновременно и исторического самосознания (понимание того, как наука эволюционировала), и прогностического воображения и даже визионерства (понимание того, как может идти ее эволюция в будущем). Последнее входит в перечень компетенция ученых-лидеров [Vitaе Research Development Framework], его формирование также следует отдать на откуп философии, которая позволит избежать перехода от сценарного прогнозирования и социокультурного проектирования в область безответственного и малопродуктивного фантазирования.

На уровне аспирантуры обозначенные выше задачи позволяют максимально реализовать курс истории и философии науки. Историческое видение своей предметной области и философское осмысление ее эволюции обеспечивает и критическое отношение к существующим нормативным реалиям, и понимание гетерогенности порождающих условий, которые включают не только разработку теории, организацию эксперимента, интерпретацию данных, но и социально-экономические, правовые, политические, религиозно-мировоззренческие реалии. В рамках философско-исторического рассмотрения наука предстает как деятельность, задаваемая изменчивой системой норм, как социальный институт, возникший в определенных условиях, как определенным образом организованная семантическая и синтаксическая реальность и как элемент культурного целого. Создается подходящий контекст для обсуждения культурного статуса науки, ее социальных функций, ее мировоззренческой роли и соотношения с иными элементами культуры (религией, искусством, массовыми предрассудками и т. д.).

От идеала к реальности. Обрисованная в предыдущем разделе картина может показаться проявлением прекраснодушия автора. Использовать философские практики представляется более реалистичным в школьном образовательном процессе, чем в университетском. Когда, в самом деле, начинающему ученому заниматься изучением истории своей дисциплины и уж тем более развивать свое видение ее будущего, если ему нужно проводить дипломное и диссертационное исследования с конкретным перечнем задач? И вообще история дисциплины и прогнозирование представляют собой особые виды профессиональной деятельности, которыми занимаются отдельные ученые, проходящие для этого специ-

альную подготовку. Если химик начнет погружаться в историю химии, то он в лучшем случае сменит специализацию и станет историком науки, а в худшем провалит диссертационное исследование и вообще уйдет из профессии. Что касается обсуждения культурного статуса науки, то подобные вопросы чрезвычайно далеки от каждодневной рутины и ближайших целей молодого ученого и вряд ли могут его заинтересовать.

Отвечу сначала на последний аргумент. Как уже было показано выше, культурный статус науки имеет прямые следствия в той самой каждодневной рутине — в необходимости соответствовать бюрократическим требованиям, якобы позволяющим проверять эффективность ученых, в необходимости быть эффективным с точки зрения получения конвертируемых в экономические блага результатов и т. д. Продемонстрировать это — задача преподавателя, использовать знания об этом аспекте научной деятельности для успешного функционирования науки — задача молодых ученых.

По поводу возможностей освоения аспирантами курса, имеющего столь амбициозные цели, нужно понимать, что эти цели задают образовательный идеал, который в качестве такового не может быть полностью реализован на практике. Задача преподавателя ввести аспиранта в общий контекст, представить ему общую картину развития науки и философской интерпретации этого развития, а задача аспиранта в рамках конкретного курса — показать, как внутри общей картины функционирует та область, в которой он специализируется. Например, если аспирант занимается исследованием ферромагнетизма, точнее какого-то частного вопроса внутри этого направления изысканий, то перед ним можно поставить задачу по итогам курса истории и философии науки подготовить и представить работу по истории развития данного направления в целом или того сегмента, к которому имеет отношение его диссертационное исследование. Причем это должна быть не историческая справка, а рациональная реконструкция с попыткой выявить, почему исследования шли тем или иным образом, какую роль играли теоретические, экспериментальные, технические, личностно-биографические, социальные, экономические, политические и культурные факторы. Кроме того, работа должна содержать прогнозную или футурологическую (на усмотрение аспиранта или аспиранта и преподавателя) составляющую, то есть включать обобщение прогнозных исследований по данной области знания и/или более свободные прогностические построения самого автора. Все перечисленное будет способствовать овладению профессией не как набором технологических приемов, но как деятельностью, имеющей определенные цели, социальные функции и культурное значение.

Работы должны быть представлены не просто в письменном виде, но в виде доклада на коллоквиуме, и преподавателю нужно максимально обеспечить обсуждение работы, обмен соображениями, идеями, критикой. По итогам обсуждения оно само должно подвергнуться рефлексивному осмыслению с фиксацией наиболее важных моментов, высказанных тезисов, аргументации. В идеале коллоквиумы, как и лекции должны проводиться в междисциплинарной среде, объединяя аспирантов различных направлений подготовки. Задача устного доклада и обсуждения — обучить аспиранта не просто критическому мышлению, философско-историческому и философско-прогностическому видению, но и развить навыки междисциплинарной коммуникации.

Важно фиксировать в ходе такой коммуникации, что объединяет различные дисциплины — общая история развития, общие проблемы или предмет

познания, общие фундаментальные или практические задачи. Поэтому, предваряя обсуждения работ аспирантов, важно проводить дискуссии по общим вопросам — научной этики, социального и культурного статуса науки, проблем научной политики и управления научными исследованиями, их технического обеспечения — как оно меняется со временем и каковы последствия таких изменений.

Более проблематичным является обсуждение эпистемологической и онтологической проблематики, анализа категориального строя научного знания. Целесообразно начинать его в границах тематических лекций, а затем расширять, опираясь на тех студентов, которые проявили интерес и выразили желание работать с подобной тематикой. При этом она должна быть актуализирована как важная и для фундаментальных, и для прикладных исследований. Невозможно требовать от каждого аспиранта, чтобы его работа по итогам курса содержала полноценный теоретико-познавательный анализ. Но каждый должен вынести понимание того, что собой представляет такой анализ и для чего он нужен, и уметь пользоваться его результатами.

Невозможно с помощью одного курса воспитать идеального ученого, можно лишь заложить фундамент, позволяющий при необходимости расширять компетентность молодого ученого в области историко-философского понимания науки. Поэтому помимо знаний и умений молодой ученый должен вынести из курса и понимание возможной коммуникативной стратегии — к кому и куда он может обратиться в случае необходимости: на кафедру своего университета, в определенную институцию или к конкретному историку или философу. Ввиду этого курс должен быть максимально интерактивным и открытым, ни в коем случае не замыкаясь на реализации заготовленных образовательных программ.

Заключение. Курс по истории и философии науки, имея амбициозные цели, предъявляет к подготовке профессионального философа особые требования. Он должен быть не просто профильным специалистом, но и сам обладать универсальными компетенциями — коммуникативными и организационными. Кроме того, он должен уметь работать в команде: когда курс читается несколькими специалистами, они должны выстраивать его сообща и взаимодействовать в процессе реализации программы. В определенной степени подготовка аспирантов оказывается и вызовом для философского сообщества, ответ на который должен поднимать уровень его компетентности.

Резюмируя, можно сказать, что миссия философии в деле подготовки молодых ученых заключается в том, чтобы внести свой вклад, с одной стороны, в сохранение науки как важнейшего элемента культуры, с другой — в адаптацию обучающихся к неопределенному будущему. Причем эта неопределенность может заключаться и в том, как будет организована их исследовательская работа, и том, что они в дальнейшем вообще могут оказаться вне академического сообщества. В рамках отечественной образовательной системы начинающего ученого не готовят к многовариантности его карьерных перспектив. Философия способна внести свой вклад в решение этой проблемы. Системное представление развития и функционирования науки должно показывать аспиранту следующее: быть причастным к науке и использовать полученные в ходе обучения компетенции можно и за пределами академического сектора. Важно, чтобы он вынес из своего образования определенную систему ценностей, включая представление о науке как культурном достоянии, и реализовывал бы ее и транслировал на любом рабочем месте, на каком сможет найти реализацию своего человеческого капитала.

Список литературы / References

- Блинов В.И., Сергеев И.С. Профессиональные пробы в школьной профориентации: путь поисков // Профессиональное образование и рынок труда. 2015. № 4. С. 14—17.
- (Blinov V.I., Sergeev I.C. Vocational tests in school vocational guidance: the way of searching, *Vocational Education and Labor Market*, 2015, no. 4, pp. 14—17. — In Russ.)
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707—735.
- (Weber M. Science as a vocation and profession, *Weber M. Selected works*, Moscow, 1990, pp. 707—735. — In Russ.)
- Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография / отв. ред. Е.В. Караваева. М.: Геоинфо, 2018. 240 с.
- (Researcher of XXI century: competence formation in the system of higher education. Collective monograph, ed. by E.V. Karavaeva, Moscow, 2018, 240 p. — In Russ.)
- Короновский Н.В., Наймарк А.А., Захаров В.С., Брянцева Г.В. О геологических и физических механизмах природных процессов в задачах динамической геологии // Вестник Московского университета. Сер. 4, Геология. 2015. № 4. С. 40—48.
- (Koronovsky N.V., Naimark A.A., Zakharov V.S., Bryantseva G.V. On the geological and physical mechanisms of natural processes in the problems of dynamic geology, *Bulletin of Moscow University, Series: Geology*, 2015, no. 4, pp. 40—48. — In Russ.)
- Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 19—41.
- (Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 2, pp. 19—41. — In Russ.)
- Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. Робототехника и образование: новый взгляд // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 12. С. 1101—1109.
- (Malinetskii G.G., Sirenko S.N. Robotics and education: a new look, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 87, no. 12, pp. 1101—1109. — In Russ.)
- Нефедов О.М., Свитанько И.В. Российская академия наук и система непрерывного химического образования // Вестник РАН. 2015. Т. 85, № 9. С. 794—799.
- (Nefedov O.M., Svitanko I.V. Russian Academy of Sciences and the System of Continuous Chemical Education, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 85, no. 9, pp. 794—799. — In Russ.)
- Пирожкова С.В. «Чистая» или «полезная»: культурный статус науки и перспективы его изменения // Философия науки и техники. 2021. № 2. С. 52—67.
- (“Pure” or “Useful”: The Cultural Status of Science and the Prospects for Its Change, *Philosophy of Science and Technology*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 52—67. — In Russ.)
- Соболев Г.А. Методология, результаты и проблемы прогноза землетрясений // Вестник РАН. 2015. Т. 85, № 3. С. 203—208.
- (Sobolev G.A. Methodology, Results and Problems of Earthquake Forecasting, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 85, no. 3, pp. 203—208. — In Russ.)
- Философия для детей. М.: ИФ РАН, 1996. 241 с.
- (Philosophy for Children. Moscow, 1996, 241 p. — In Russ.)

Фоссен Ф., Зоргнер А. Будущее труда: деструктивные и трансформационные эффекты цифровизации // Форсайт. 2019. Т. 13, № 2. С. 10—18.

(Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs, *Foresight and STI Governance*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 10—18. — In Russ.)

Фруммин И.Д., Добрякова М.С., Баранников К.А., Реморенко И.М. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра: предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.

(Frumin I.D., Dobryakova M.S., Barannikov K.A., Remorenko I.M. Universal competence and new literacy: what to teach today for success tomorrow. Preliminary Conclusions of the International Report on School Education Transformation Trends, Moscow, 2018, 28 p. — In Russ.)

The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Paris: OECD, 2001.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Пирожкова Софья Владиславовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Россия, pirozhkovasv@gmail.com

Pirozhkova Sophia Vladislavovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pirozhkovasv@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 160—167.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 160—167.

Научная статья

УДК 378.147

DOI: 10.46726/И.2022.4.16

ФИЛОСОФСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Наталья Федоровна Свобода

Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Россия, svoboda.delja@me.com

Ольга Борисовна Воробьева

Самарский государственный университет путей сообщения,
г. Самара, Россия, vorobeva_ob@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену исторического сознания. Целевой аудиторией являются молодые преподаватели и студенты. Показано, что ключевая роль в раскрытии смыслового наполнения понятия исторического сознания принадлежит философии. Зафиксировано, что философский анализ предполагает переход от изучения исторического сознания как целостного образования к исследованию его на более конкретных уровнях (личностном, групповом). Установлено, что именно философия как образовательная дисциплина открывает перспективы видения традиционных для личности как субъекта истории проблем. Статья обозначает позиции, освещение которых — методически выверенный педагогическим опытом путь изучения феномена исторического сознания. К основным проблемам историософской рефлексии автор относит проблему правды и истины; поведение личности как проявление исторического сознания; альтернативность истории; источники формирования оценок мира истории; проблему исторической памяти. Сделан вывод о том, что конкретные вопросы формирования исторического сознания важно рассматривать как в историческом контексте (прошлое, настоящее, обозримое будущее), так и в пространстве целостной культуры.

Ключевые слова: историческое сознание, философское просвещение, преподавание философии, история, историческая память, субъект истории

Для цитирования: Свобода Н.Ф., Воробьева О.Б. Философское просвещение в техническом вузе: постановка проблем исторического сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 160—167.

Original article

PHILOSOPHICAL ENLIGHTENMENT IN A TECHNICAL UNIVERSITY: SETTING THE PROBLEMS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Natalya F. Svoboda

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation, svoboda.delja@me.com

Olga B. Vorobeva

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation, vorobeva_ob@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of historical consciousness. The target audience is young teachers and students. It is shown that the key role in revealing the semantic content of the concept of historical consciousness belongs to philosophy. It is fixed that philosophical analysis involves the transition from the study of historical consciousness as a holistic formation to its study at the more specific levels (personal, group). It has been established that it is philosophy as an educational discipline that opens up the prospects for seeing traditional problems for the individual as a subject of history. The article denotes positions, the coverage of which is a methodologically verified by pedagogical experience way of studying the phenomenon of historical consciousness. The authors refer the problem of truth and verity to the main problems of historic-philosophical reflection; personality behavior as a manifestation of historical consciousness; alternative history; sources of formation of assessments of the world of history; the problem of historical memory. It is concluded that it is important to consider specific issues of the formation of historical consciousness both in the historical context (past, present, foreseeable future) and in the space of a holistic culture.

Keywords: historical consciousness, philosophical enlightenment, teaching philosophy, history, historical memory, the subject of history

For citation: Svoboda N.F., Vorobeva O.B. Philosophical enlightenment in a technical university: setting the problems of historical consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 160—167.

Угаснет память, — времена глядят безгласно.

Г. Скульский

Тема «историческое сознание» в учебном курсе «Философия» нуждается в уточнении. Она может быть включена в различные разделы. Можно отметить многоплановость данной темы, что делает необходимым продумывание ее структуры. Но есть вопрос, который проходит через многие разделы изучаемого курса в различных аспектах — историческое сознание (общественное и индивидуальное). Цель настоящей статьи — дать представление о спектре вопросов, с которыми неразрывно связана проблематика исторического сознания.

В практике просвещения в рамках учебных часов, выделяемых в техническом вузе на дисциплину «философия», нет возможности полностью освещать тему исторического сознания, но можно сконцентрировать внимание на тех ее аспектах, которые, как мы полагаем, вызывают наибольшую трудность в понимании студентами.

«Перебора» во взаимоотношениях с прошлым, как правило, не бывает. Существеннее то, что при всей разности времени тогда и сейчас молодые люди верно ощущают родство того и другого времени, предпочитая осваивать философию времени даже при наличии фронды. Учеба идет в движении и, в сущности, при всей склонности к претензиям и декларациям, возможным у молодежи в период идеализации всего, не исключая и самих себя.

На наш взгляд, решающим моментом в процессе сравнения философских идей с действительностью реального существования исторического сознания и исторической памяти является доказательство того, что эти философские идеи дают ключ к пониманию (а, возможно, и к решению) наиболее актуальных проблем общества, образования. К примеру, важно показать, что философский подход предполагает различные уровни изучения сознания общества и личности, а тем самым — переход от анализа исторического сознания как целостности к исследованию его на более конкретных уровнях, на уровне жизненного поведения личности, социальной группы.

Историческое сознание по своей сущности является общим и единым для общества. Оставаясь единым по своей сути, оно претерпевает модификации в плане содержания и проявления в сознании личности, социальной группы. Трактовка исторического сознания как целостности не исключает возможности увидеть и понять проблемы и противоречия данного феномена. Она не мешает обратить внимание на мир непосредственных действий, решений отдельных людей, стереотипов мышления и поведения, которые регулируют их обыденную жизнь. Сохраняется способность объяснения и описания действительности как феноменология повседневного бытия.

Целесообразно обратить внимание (в том числе и студентов) на следующие проблемы, связанные с существованием, формированием и развитием исторического сознания:

1. Обычно подчеркивается значение прошлого для понимания настоящего. Между тем роль настоящего в истолковании прошлого подлежит оценке и объяснению. Можно даже отметить определенную черту отношения общества и личности к прошлому: «выход» из современного состояния дает в большей степени историческое видение, ограниченное «настоящим». Генри Бокль, автор известного труда «История цивилизации в Англии», в свое время заметил, что всегда будет существовать связь между тем, как люди смотрят на прошлое, и тем, как они воспринимают настоящее [Бокль]. И с точки зрения Истины, и с точки зрения Правды. Следовательно, нет однозначности в отношении к Родине, человечеству, к истории, к духу. Сопоставление истины и правды не только не лишено интереса, но и является необходимым приемом познания.

В воспоминаниях прошлое предстает преображенным. К нему обращаются не ради него самого, но всегда ради сегодняшних целей. Забвением, искажениями, истолкованиями, идеализацией воспоминания приспособливают прошлые факты к фактам дня сегодняшнего. Это может быть обманом, самообманом или изменившейся точкой зрения. «Ни одна “правда” не может побуждать людей к активной жизненной позиции, тем более молодежи, студентов с их юношеским максимализмом. <...> “Правда” всегда эмоционально окрашена. Она объединяет как познавательный, так и оценочный аспекты и компенсирует своей эмоциональной привлекательностью относительность обоснования “истины” в процессе познания» [Скорченко: 42].

2. Деятельность, поведение личности — воплощение исторического сознания. Рассмотрение этого вопроса помогает выйти на более широкую

проблему — общее и специфическое в мировидении людей. Связь между историческим опытом и мировосприятием, мироощущением, мировоззрением отмечается как закономерная. «Онтологический статус истории. <...> двухосновен и представляет собой различающиеся на разных исторических этапах развития общества взаимодействие объективной необходимости, закономерности и субъективной творческой деятельности людей. <...> История же есть деятельность, преследующая свои цели (интересы, ценности, идеи, убеждения) людей» [Залунин: 23]. В этом положении отмечено нечто основополагающее не только в подходе к любой исторической эпохе, но и в подходе к исследованию деятельности личности в любую эпоху.

3. Общественное сознание каждой из эпох не схватывает реальность совершенно адекватно, не может отразить полностью, абсолютно, ни прошлого, ни наличного общественного бытия, а тем более в полной форме предвидеть будущее — результат взаимодействия самых разных факторов, столкновения множества желаний, замыслов, действий человека [Мерзлякова]. Разумеется, мера этой неадекватности для разных эпох, разных социальных групп бывает качественно различной.

4. Идентификация общества в определенные временные рамки с историческим движением в целом или отдельные исторические моменты ориентирует не только на выделение эволюционного кода, но и допущение истории с альтернативами (синергетический подход), набор которых масштабен, особенно в переходный период общества. В образе последних можно определять: аутентичность государства, общественных институтов, драматургии выбора, общественного и индивидуального сознания с их предпочтениями и искушениями, мечтаниями и реальными ожиданиями. Исторические воззрения любой эпохи — важнейшая характеристика ее культуры.

5. Историческое сознание среди прочего включает в себя такие элементы, как: образы исторических деятелей и героев истории; символы и знаки; оценки событий; ценности и ценностные ориентации. Поэтому факторы, влияющие на него, разнообразны.

Источником исторического сознания являются не только научные знания, в его формировании значительна роль искусства: обращаясь к чувствам, оно служит эффективным средством привлечения интереса и направления воли. «Яркая эмоциональная и национальная окраска такой информации наилучшим образом способствует усвоению её повседневным сознанием. <...> Общность исторических представлений на повседневном уровне позволяет личности самоидентифицироваться, определить свое положение в системе социальных координат, адекватно социализироваться, определив отношение к себе и окружающим социальным субъектам...» [Ивенкова: 324—326].

Кино можно назвать полем битвы за прошлое, потому что многие исторические сюжеты остаются в сознании миллионов в том виде, в котором их подают сценаристы, режиссёры и особенно актеры, которые являются кумирами. Драматурги и писатели свое отношение к миру истории и его проблемам выражают в галерее персонажей, каждой из которой сообщают свою версию. И, возможно, эта версия кроит и перекраивает исторические факты, провоцируя иллюзии, с которыми трудно покончить. Авторам приходится выбирать, совмещать противоречивые приемы объяснения истории: рациональный и эмоциональный фактор человеческой природы, вмешательство сил сверхъестественных и т. д.

Развитие информационно-цифровой технологии качественно меняет доступность, объем и содержание информации. Этот процесс сопровождается

появлением проблем при реализации требования общенаучной рациональности (различия фактов и интерпретаций, необходимость аргументации и т. п.). Язык, используемый в подаче информационного материала в интернете, требует критического подхода, выработка которого обеспечивается усвоением философских методов познания. Способность критического отношения к авторским версиям является формирующимся качеством личности.

6. Историческое сознание влияет на особое отношение личности к предметному миру предшествующих поколений, исторических событий. Или, рождая чувства уважения, умиления, гордости за деяния, сострадания и т. п., которые переводят, в свою очередь, в комплексе жизнь в жанр, в терминологию М.М. Бахтина, в реальность повседневной жизни. Поэтому слова и предметы оформляются в сознании личности согласно принципу своей жизни и жизни своих предшественников в истории. Д. Лоуэнталь в книге «Прошлое — чужая страна» писал: «Чем больше мы сохраняем, тем больше понимаем, что подобные реликвии постоянно изменяются и заново интерпретируются. <...> Лишь изменяя и добавляя нечто к тому, что уберегли, мы можем сделать наше историческое наследие реальным, живым и доступным пониманию» [Лоуэнталь: 618]. Следование этому принципу наделяет каждого человека правом не быть забытым, даже отягощая своим именем память потомков, у которых свои нужды, свои заботы, свои стремления.

7. Историческая память — это то, что соединяет людей живых и ушедших и как бы воскрешает ушедших для второй (в вечности) жизни, то, что связывает минувшие и будущие поколения людей и служит аккумулятором опыта народа, культуры, нравственности.

Обретение исторической памяти — трудный путь: необходимо и кровное родство со временем, и проистекающая отсюда внутренняя свобода, и ясность понимания, способность различать движение. Движение, позволяющее вести речь от лица ушедших, ощутить прямую причастность к минувшим событиям: «...с естественным уходом людей, являвшихся современниками каких-либо исторических событий, меняется историческая память. Сегодня она приобретает характер собственных впечатлений, соответствующих реальностям нынешней жизни» [Ларькин, Пашута: 113]. Единство мира в человеческом измерении должно учитываться в практических действиях.

Историческое сознание — индивидуальное качество человека в бытии универсальной культуры: то, к чему он способен и на что он осмеливается. В таком случае у личности появляется возможность отождествления себя с современниками не мифологически, а рационально-критически. Это в итоге работает на решение проблемы идентификации личности.

8. История как предмет научного познания предполагает создание идеального образа, исключаящее отождествление истории только с фактами (хотя и такой подход наблюдаем: история повседневности). Не всегда исторический материал укладывается в идеальный образ. Различается объяснение субъектно-объектной природы исторических объектов, их сущности. Это различие определяется предметом науки. Принцип дополнительности знания позволяет принять за нормальное положение вещей существование различных точек зрения на один и тот же предмет внимания как основу поиска ответов на интересующие человека вопросы.

Наблюдения в практике преподавания показали, что постановка проблем с привлечением знаний разных дисциплин, а главное — усложнение их по мере обучения, способствует всестороннему анализу проблемы и активизации студентов в поиске широкого контекста рассматриваемых вопросов.

И в конечном счете к целостному видению. Всякое большое явление, трудно объяснимое в своей индивидуальной неповторимости, всегда легче поддается пониманию путем сопоставления с другими, даже если они не могут претендовать на роль прямого «источника» для своего существования. Динамизм мышления, открывающий возможности видения мира, связан со способностью к организации многозначного контекста.

Существенное значение приобретает также сравнение различных подходов к рассмотрению тех или иных проблем, демонстрируя взаимодополняемость этих подходов. Так, например, взаимосвязь философии и истории можно увидеть в пространстве онтологического знания, определяющего вопрос о том, что есть история как объективная реальность. Философский интерес к истории носит практический характер: что такое «быть» в истории? Важно не только историческое знание, но и историческое самосознание как условие собственного исторического бытия личности. Речь идет о поведении, способе жить, способе творить. Историческая картина мира — это единство прошлого, настоящего и будущего как нечто целостное, неразделенное. Поэтому философия становится средством постижения онтологии исторической реальности, формируя понятийное поле, применяя к истории диалектический подход. По мере перехода от одной темы к другой следует понимать на какие теоретические положения в синтезе следует обратить внимание. Детальный анализ каждой проблемы, как правило, опирается на совокупность важных философских и исторических категорий. Поэтому вместе с развертыванием внутренней логики курса происходит и неизбежный процесс усложнения задач для активизации работы студентов на семинаре. Так, например, решение задач по теме «Общество как предмет философского анализа» требует знания таких используемых в философской и исторической науках категорий, как общественно-экономическая формация, регресс, идеология, цивилизация, революция, артефакт, символ, глобализация, традиция и другие. Это дает возможность установить совокупность категорий, законов, с которыми связана данная тема, данная задача, а также продумать последовательность выяснения зависимости между ними.

Суммируя сказанное, можно отметить следующее: жизнь движется, развивается, существует в нашем сегодняшнем дне вся сразу, во всех своих временных пластах, поэтому и человек может жить «всей жизнью сразу». Сознание, живущее Временем, то есть охватывающее всю жизнь сразу, постоянно сталкивается с неожиданностями, пересекающимися судьбами, личными не пережитыми событиями. И если оно действительно осознается, то Время может быть раскрыто философски и исторически, эстетически и этически в общественной и личностной форме.

Нужно постоянное общение со средой, в которой живешь, нужна правдивость в отношении к собственным ощущениям, нужна свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание. Пространственные и временные связи далеко не сразу осознаются личностью как пересекающиеся. Поэтому «нельзя упускать ни морально-этическую составляющую, которая присутствует во всех формах историописания и, более того, выполняет в нем регулятивную функцию, ни расхождения в ценностных ориентирах, которые определяют не только отношение культуры настоящего к культуре прошлого, но и противоречивый характер коммуникаций между исторической наукой и исторической памятью» [Репина: 14].

Список литературы / References

- Бокль Г. История цивилизации в Англии. Т. 1. М.: Мысль, 2000. 461 с.
(Bokle G. History of civilization in England, vol. 1, Moscow, 2000, 461 p. — In Russ.)
- Залунин В.И. К вопросу о сущности, структуре, основаниях, смысле и логике истории (некоторые проблемы философии истории как учебной и научной дисциплины) // Общество, педагогика, психология: актуальные исследования: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 1 октября 2021 г. Чебоксары: Среда, 2021. С. 28—48.
(Zalunin V.I. To the question of the essence, structure, foundations, meaning and logic of history (some problems of the philosophy of history as a educational and scientific discipline), *Society, pedagogy, psychology: topical research. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*, Cheboksary, 2021, pp. 28—48. — In Russ.)
- Ивенкова О.А. Повседневное историческое сознание: механизмы конструирования гражданской идентичности // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции. Смоленск, 20 октября 2020 г. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2021. С. 322—327.
(Ivenkova O.A. Everyday historical consciousness: mechanisms for constructing civil identity, *Multinational Russia: yesterday, today, tomorrow: collection of materials of the II Scientific and Practical Conference*, Smolensk, 2021, pp. 322—327. — In Russ.)
- Ларькин А.И., Пашута В.Л. К вопросу о проблемах формирования исторического сознания у представителей молодого поколения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2022. № 1—4 (81). С. 111—116.
(Larkin A.I., Pashuta V.L. On the problems of the formation of historical consciousness among representatives of the young generation, *Actual scientific research in the modern world*, 2022, no. 1—4 (81), pp. 111—116. — In Russ.)
- Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 620 с.
(Lowenthal D. The past is a foreign country, St. Petersburg, 2004, 620 p. — In Russ.)
- Мерзлякова И.Л. К вопросу о социально-философском анализе дискретности исторического сознания // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1—4 (115). С. 176—179.
(Merzlyakova I.L. On the issue of socio-philosophical analysis of the discreteness of historical consciousness, *International Research Journal*, 2022, no. 1—4 (115), pp. 176—179. — In Russ.)
- Репина Л.П. Память и наследие в «Крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6—16.
(Repina L.P. Memory and heritage in the «Crusade» against history, or The birth of a «memorial paradigm», *Ural Historical Bulletin*, 2021, no. 2 (71), pp. 6—16. — In Russ.)
- Скорченко Ю.А. Историческая память как фактор формирования Донбасской идентичности // Основы экономики, управления и права. 2022. № 1 (32). С. 41—45.
(Skorchenko Yu.A. Historical memory as a factor in the formation of Donbass identity, *Fundamentals of economics, management and law*, 2022, no. 1 (32), pp. 41—45. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Информация об авторах / Information about authors

Свобода Наталья Федоровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Россия, svoboda.delja@me.com

Svoboda Natalya Fedorovna — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science, Samara State Transport University, Samara, Russian Federation, svoboda.delja@me.com

Воробьева Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки, Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Россия, Vorobeva_ob@mail.ru

Vorobeva Olga Borisovna — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science, Samara State Transport University, Samara, Russian Federation, vorobeva_ob@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 168—178.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 168—178.

Научная статья

УДК 1:510

DOI: 10.46726/И.2022.4.17

«ВСЕ ЕСТЬ ЧИСЛО» (Лики математики)

Сергей Рувимович Когаловский

Шуйский филиал, Ивановский государственный университет,
г. Шуя, Россия, askogal@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой размышление о пифагорейском тезисе «Все есть число», метафорически выражающем всепронизывающую роль математики в науке и в целом в культуре. Зафиксировано, что все фундаментальные понятия математики, образующие ее несущий каркас, трансцендентальны. Раскрыта специфика системного подхода в сопоставлении его с картезианским через призму математики. Показано, что в исследовательской деятельности в рамках становящейся математической теории доминирует картезианский подход, тогда как в исследовательской деятельности, относящейся к более или менее сформировавшейся теории, доминирует системный подход. Проанализированы особенности взаимоотношений разумного и рассудочного мышления в математической деятельности. Установлено, что движение математической мысли сопровождается взаимобратными переходами разумного мышления в рассудочное и рассудочного мышления в разумное. Рассмотрены взаимоотношения классической формальной логики и диалектической логики в математической деятельности. Сделан вывод об эвристичности современной логики, связанной с потенциалом логической семантикой.

Ключевые слова: трансцендентальные понятия; математические понятия; математическая деятельность; полярные механизмы мышления; системный и картезианский подходы; диалектическая и формальная логики; феноменологический подход

Для цитирования: Когаловский С.Р. «Все есть число»: (лики математики) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 168—178.

Original article

“EVERYTHING IS A NUMBER” (Faces of mathematics)

Sergey R. Kogalovsky

Shuya Branch, Ivanovo State University,
Shuya, Russian Federation, askogal@yandex.ru

Abstract. The article is a reflection on the Pythagorean thesis “Everything is a number”, which metaphorically expresses the all-pervading role of mathematics in science and culture in general. It is fixed that all the fundamental concepts of mathematics that form its supporting frame are transcendental. The specifics of the system approach is revealed in comparison with the Cartesian one through the prism of mathematics. It is shown that the Cartesian approach dominates in research activities within the framework of the emerging mathematical theory, while the systematic approach dominates in research activities related to a more or less formed theory. The features of the relationship between the reasonable thinking and rational thinking in mathematical activity are analyzed. It has been established that the movement of mathematical thought is accompanied by reciprocal transitions of reasonable thinking into rational thinking, and rational thinking into reasonable thinking. The relationship between classical formal logic and dialectical logic in mathematical activity is considered. The conclusion is made about the heuristic nature of modern logic associated with the potential of logical semantics.

Keywords: transcendental concepts; mathematical concepts; mathematical activity; polar mechanisms of thinking; systemic and cartesian approaches; dialectical and formal logic; phenomenological approach

For citation: Kogalovsky S.R. “Everything is a number”: (Faces of mathematics), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 168—178.

Обращаясь к идущему от Платона образу пещеры, заметим, что «тени», отбрасываемые извне на вход в «пещеру», их формы, их «движения» — это то, что не «усматриваемо» вне ее. В погружении в «пещеру», обостряющем внутреннее зрение, в «усматриваемом» в «пещере» — начало идеи числа. В нем начало более высокой идеи, стоящей за идеей числа и метафорически выражаемой словом «число». В нем начало математической деятельности. В нем исток методологии математики. Обращенность к «теням» как форма исследовательской деятельности несет потенцию развития математического плана, пронизывающего не только «высокие», но и «элементарные» формы мышления, всепронизывающего плана исследовательской деятельности. Она ведет к рождению таких методов, таких форм исследования, которые метафорически выражаются пифагорейским тезисом «Все есть число».

Но не в «видении» мира «в пещере» как противопоставляемом его «видению» «на свету», а в активном взаимодействии этих полярностей, несущем развитие и самих таких «видений» и их взаимодействий, начало, исток всепронизывающей природы математики. В этом исток и идеи моделирования, исток особой роли субъектного начала в математической деятельности, исток «непостижимой» эффективности математики.

Трансцендирования, трансцендентальное начало в математике рождает особый характер ее методологии и ее оснований, порождают интенсивные исследования проблемы ее реальности. С другой стороны, они порождают

интенсивные исследования, направленные на постижение природы «непостижимой» эффективности математики. Характерные для математики разнообразные взаимодействия трансцендентального и обыденного рождает особую форму и особый дух математической деятельности. Они придают математическим результатам логический характер.

Пифагорейский тезис «Все есть число», метафорически выражающий всепронизывающую роль математики в науке, в культуре, сегодня находит подтверждение и в необозримом разнообразии форм математической деятельности, в присущем ей разнообразии видов и форм взаимодействия разных форм мышления, в присущем ей разнообразии видов и форм моделирования. Вхождение в «пещеру» предполагает восхождение к трансцендентальному, его рождение, а взаимодействие его «видений» в «пещере» и «на свету» несет превращение его в эффективное орудие познавательной деятельности. «Псаммит» Архимеда представляет один из ранних образцов трансцендентального в математике. Начальные образцы трансцендентального идут от Фалеса, основателя геометрии как науки. Прежде всего, это введенные им начальные понятия геометрии. Трансцендентальны все фундаментальные понятия математики, образующие ее несущий каркас.

Уже при начальной приобщенности к идее предельного перехода представляется очевидным, что для всякого номера N сходимость числовой последовательности к числу a равносильна сходимости к a всякой последовательности, образованной заменой первых N ее членов любыми другими. Выходит, свойство последовательности быть сходящейся не связано с ее «плотью»? Это похоже на улыбку чеширского кота! Представим автомат, совершающий переход от всякого члена последовательности к последующему члену за одну микросекунду, и зададимся следующим вопросом: за сколько микросекунд он доберется до ее $(N+1)$ -го члена, если $N=10^{100}$? Такую продолжительность времени естественной измерять не в микросекундах, не в часах, не в годах, и даже не в тысячелетиях, а хотя бы в миллиардолетиях. Но и такое число миллиардолетий непредставимо огромно. Его едва ли возможно естественно соотнести с чем-либо в реальной действительности. Готовность, с которой принимается учащимися трансцендентальное понятие бесконечной последовательности, как и стоящее за ним трансцендентальное понятие натурального ряда, объясняется тем, что оно воспринимается в «свернутом», наивном понимании, без ассоциирований с ситуациями, подобными рассмотренной, не как продукт трансцендирования. Но «развертывание» его понимания, приводящее к осознанию, что это понятие трансцендентальное, приводит к превращению в огню не очевидные, казалось бы, кричаще очевидных, относящихся к нему утверждений. А это ведет к осознанию необходимости проверки таких утверждений надежными средствами. И такие средства видятся, конечно же, в формальной логике, которая, однако, тоже зиждется на трансцендентальном фундаменте¹. Формально-логические обоснования воспринимаются как убедительные не только потому, что они убедительны в реальных ситуациях и в таких ситуациях многократно испытаны, но и потому, что они скрывают трансцендентальный характер самой формальной логики.

---

¹ Здесь достаточно упомянуть выразительную в этом отношении и широко используемую логическую теорему: если кортеж предложений $s_1, s_2, \dots, s_N$ таков, что для всякого $n < N$ из s_n следует s_{n+1} , то из s_1 следует s_N . (не говоря уже об индуктивных определениях). Точнее говоря, формальная логика «становится» трансцендентальной при ее использовании применительно к трансцендентальным предметам.

Средства логической семантики являются природосообразными и эффективными средствами «обживания» трансцендентальных областей исследования. А так как мышление *«представляет собой процесс непрерывно совершающегося обратимого перевода информации с собственно психологического языка пространственно-предметных структур, <...> то есть языка образов, на психолингвистический, символически-операторный язык»* [Веккер: 134], то эти средства несут рождение образов трансцендентального, невообразимого, и тем способствуют развитию математического мышления.

Идеальный мир, в который погружается рассмотрение «очищающими» средствами формальной логики, «становится идеальным полигоном для формирования и испытания орудий математической деятельности, для наращивания их «дальнодействия» и, посредством этого наращивания, «дальновидения» субъекта поисково-исследовательской деятельности. Средства логической семантики преобразуют механизмы ориентировки и метаориентировки, преобразуют способы поисково-исследовательской деятельности. Они превращают формальную логику в носитель креативности.

Обращение к характерным для математики взаимодействиям обыденного и трансцендентального вновь возвращает нас к тезису «Все есть число», к осознанию того, что корнями выражаемого этим тезисом являются взаимодействия «видений» «в пещере» и «на свету».

Развитие науки, развитие культуры несет нарастание разнообразия форм отношений между полярными началами разных уровней, форм их взаимодействий, в частности, взаимодействий старого и нового, рождающегося как противостоящее старому. Для математики это особенно характерно в силу ее природы, в силу самого ее «генетического» начала, представляющего взаимодействия полярностей методологического уровня. Математическая деятельность пронизывается моделированиями дискретных объектов непрерывными и непрерывных объектов дискретными, моделированиями процессов «статичными» объектами и «статичных» объектов процессами, и т. д. Она пронизывается активными взаимодействиями, взаимными превращениями «предметных» и метапредметных начал.

Как никакая другая область поисково-исследовательской деятельности, математика саморефлексивна в том сильном смысле, что сами формы математической деятельности она превращает в свой предмет, в том смысле, что что она «овнешняет» свои глубокие внутренние планы². Это ведет к рождению таких понятий, являющихся их моделями, которые становятся не только эффективными орудиями математической деятельности, но преобразующими ее «средствами производства» таких орудий³. Все это делает особенным

---

² Здесь напрашивается метафора из «Разговора о Данте» О. Мандельштама: «Представьте себе монумент из гранита или мрамора, который в своей символической тенденции направлен не на изображение коня или всадника, но на раскрытие внутренней структуры самого же мрамора или гранита. Другими словами, вообразите памятник из гранита, воздвигнутый в честь гранита <...> для раскрытия его идеи» [Манделъштам: 17].

³ Математическая деятельность подобна «непрерывному превращению материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого» [Манделъштам: 25]. В Гималаях исследований природы математической деятельности трудно найти работу, в которой ее постижение было бы настолько же пронизательным и настолько же проникновенным, как в «Разговоре о Данте».

в математике и характер взаимодействий начал, обычно выступающих как полярные начала методологического уровня.

Так, системный подход обычно предстает как противостоящий картезианскому, и для такого видения их взаимоотношения имеют весьма значимые основания. Выдающиеся научные достижения XX века не в последнюю очередь связаны с обращенностью к системному подходу, основывающемуся на идее целостности, идее системности, с обращенностью к отвечающим ей методам исследования и тем преодолевающему принципиальную ограниченность подхода картезианского. С другой стороны, исследование, например, сложных организмов показывает существенно разные роли, разный характер функционирования, разноприродность структур и функций образующих его компонентов. Разве не нуждается исследование таких организмов далеко не только как целостностей, далеко не только с системных позиций, но в отдельных, специальных, автономных исследованиях его компонентов, основывающихся, вообще говоря, на разных методологиях? Возможно ли продуктивное исследование таких организмов, в частности, без автономного исследования их микрофлоры? И не говорит ли все это о необходимости обращенности к картезианскому подходу как к компоненту системного подхода? И не является ли автономное исследование микрофлоры в соотнесении с исследованием организма как целого или рассматриваемой как пребывающей в симбиозе с ним скорее проявлением взаимодействия, сильнее говоря, взаимодействия⁴ системного и картезианского подходов? И не естественно ли в этом последнем усмотрение роли системного подхода и как компонента подхода к исследованию микрофлоры, остающемуся картезианским по отношению к исследованию организма как целого?

Примеры разнообразных форм взаимодействий, форм взаимоотношений системного и картезианского подходов можно найти в творениях выдающихся представителей литературы и искусства, выдающихся искусствоведов и литературоведов. Список их имен и работ обширен. Здесь мы ограничимся именами отца Павла Флоренского с его искусствоведческими работами [Флоренский], В.П. Ракова, прежде всего, с его монографией [Раков] и, конечно, О.Э. Мандельштама с его «Разговором о Данте», а также выражением надежды на появление исследований, посвященных этим работам, являющимся прекрасными образцами «соподчиненности порыва и текста», и отвечающим их многомерности (в том числе исследований когнитивистской направленности).

Все сказанное выше о взаимоотношениях системного и картезианского подходов особенно характерно для математики, пронизываемой разнообразными формами взаимодействий этих подходов. Она несет в себе примеры и таких их взаимодействий, которые рождают новые системы и полисистемные образования. В исследовательской деятельности в рамках исторического процесса формирования той или иной математической теории доминирует картезианский подход к ней как к становящейся системе, тогда как в исследовательской деятельности, относящейся к более или менее сформировавшейся теории, доминирует системный подход. Однако не столь редки случаи, когда трудная «техническая» проблема, связанная с теми или иными компонентами или аспектами исследуемой теории, делает естественным ее исследование в картезианском духе, а продукт такого исследования не просто рождает обращение к системному подходу, но ведет к преобразению теории

---

⁴ Это выразительное слово заимствовано нами у П.К. Анохина (см.: [Анохин: 31]).

или к ее погружению в новую теорию. Разные этапы формирования и развития математических теорий и разный характер исследований, относящихся к ним проблем, ведут к рождению разнохарактерных взаимоотношений системного и картезианского подходов, к разному характеру их взаимодействий. Исследование полисистемных образований ведет, с одной стороны, к обращенности к новым формам системного подхода, с другой — к картезианскому подходу, к его большей роли.

Разные системы обучения несут разный характер взаимоотношений системного и картезианского подходов. Развивающее обучение математике не может не быть направленным на формирование способностей к эффективному использованию разнообразных взаимодействий системного и картезианского подходов. Сложность проблемы формирования продуктивной методологии обучения математике состоит, в частности, в поиске средств формирования способностей учащихся к освоению взаимодействий общего и особенного, общего и единичного, общего и уникального. Уже поэтому так называемые нестандартные задачи должны быть стандартным средством обучения.

А теперь рассмотрим особенности взаимоотношений разумного и рассудочного мышления в математической деятельности. «Мышление, как *рассудок*, не идет дальше неподвижной определенности и отличия последней от других определенностей...» [Гегель 1959: 131]. Полагают, что разумное мышление, в отличие от рассудочного, «*вскрывает переходы, движение, развитие. Благодаря этому оно может изучать вещи согласно их собственной природе*» [Давыдов: 61]. Прочитанное явственно выражает бытующее понимание рассудочного мышления как мышления низшего уровня по сравнению с разумным мышлением, в том числе и в математической деятельности. Но насколько такое понимание отвечает действительному положению дел?

Ведущие математические понятия при *непосредственном* их использовании выступают как орудия рассудочного мышления. В процессах их формирования и развития, в процессах формирования основывающихся на них теорий эти понятия становятся и орудиями, и предметами разумного мышления. Их строгая форма, несущая более широкие возможности использования формально-логических средств, позволяет не только более эффективно использовать эти понятия как орудия поисково-исследовательской деятельности, но и превращать их в предметы совершенствования и развития. Таким образом, было бы неверно говорить только о рассудочном или только о разумном характере таких понятий. В одних контекстах и метаконтекстах такое понятие выступает как орудие и/или как предмет разумного мышления, в других — как орудие и/или как предмет мышления рассудочного, в третьих — как орудие и/или как предмет мышления, являющегося и рассудочным, и разумным. Но во всех контекстах оно сохраняет свою отнесенность к классической рациональности, а тем самым к рассудочному мышлению в силу сохранения им функций «разделения и абстрагирования». Его отнесенность к разумному мышлению происходит не путем утраты рассудочной роли и отвечающих ей функций, а путем использования новых его функций или при рассмотрении его в новых контекстах или метаконтекстах.

Движение математической мысли сопровождается переходами, превращениями разумного мышления, схватывающего отношения «внутренние», в рассудочное, предметом которого являются «внешние» отношения, и рассудочного мышления в разумное, превращениями «внешних» отношений во «внутренние» и «внутренних» во «внешние».

В математике видят оплот классической рациональности. Веками складывавшаяся форма представления математических знаний присуща и сегодняшней математике. Идеальный и метапредметный характер математических понятий, способы обоснования математических результатов — все это свидетельствует о том, что математика остается оплотом классической рациональности. Но за ее классической формой скрываются характерные черты неклассической рациональности, проявляющиеся и в «генах» современных математических понятий, несущих расширение «внешнего пространства наблюдений» [Мамардашвили], осуществляемого посредством «овнешнения» внутренних планов, относящихся к субъектной стороне дела, к стратегиям поисково-исследовательской деятельности (таковы укоренившиеся в математике понятия отображения, отношения, структуры, изоморфизма, гомоморфизма, категории), и в характере их связей, и в характере взаимодействий математических теорий, и в многомерности и многоуровневости, присущих этим теориям и их связям. Еще более зримо неклассическая рациональность проявляется в процессах становления и развития математических теорий. Она присуща математической деятельности. И правда состоит не в противопоставлении классической и неклассической рациональности, не в преодолении классической рациональности рациональностью неклассической, а в использовании и развитии в лице математики носителя классической рациональности как необходимого компонента неклассической рациональности. В этом качестве классическая рациональность является необходимым компонентом научной деятельности, играющим и роль ее метатеоретического компонента. Шире говоря, она является одним из важнейших компонентов культуры. Этому должно отвечать повышение уровня математического образования. Этому должна отвечать методология обучения математике, основанная на неклассической рациональности [Когаловский 2019].

Описанные выше взаимоотношения разумного и рассудочного мышления присущи как научной, так и учебной математической деятельности, как на высоких, так и на начальных их уровнях. А значит, правда состоит не в противопоставлении и не в квалификации второго как низшей формы по отношению к первому.

Математика пронизана разнообразными формами взаимодействий разумного и рассудочного мышления. Так, имеет место следующее:

1. Разумное мышление вызревает в лоне рассудочного мышления. Точнее говоря, в лоне рассудочного мышления формируются ситуации, рождающие смысловые скачки, возносящие мышление на уровень разумного мышления.

2. Разумное мышление нередко функционирует и как рассудочное мышление.

3. Рассудочное мышление является не просто необходимым компонентом разумного мышления. Оно всепроникающее входит в разумное мышление на всех его уровнях, в том числе и на метатеоретическом [Когаловский 2020; Когаловский 2021a].

4. В решении некоторых значимых проблем «рассудочной» природы разумное мышление выступает как подчиненное ему.

5. Геделевское доказательство теоремы неполноты демонстрирует такую работу рассудочного мышления, которое направлено на решение сложных «технических» планов и выступает не как подчиненное разумному мышлению, а как *взаимодействующее* с ним.

Такие отношения между рассудочным и разумным мышлением имеют место не только в математической деятельности, но ей они присущи.

А теперь — о взаимоотношениях классической формальной логики и диалектической логики в математической деятельности. Представители марксистской философии солидаризируются с Гегелем в том, что «*Так как логические формы в качестве застывших определений лишены связи друг с другом и не удерживаются в органическом единстве, то они мертвые формы и в них не обитает дух, составляющий их живое конкретное единство. <...> Им недостает подлинного содержания*» [Гегель 1970: 101]⁵. Вот широко распространенная позиция, выраженная словами Э.В. Ильенкова: «*Учить специфически-человеческому мышлению — значит учить диалектике — умению строго фиксировать «противоречие» [между целью и средствами решения исследуемой проблемы — С.Р.], а затем — находить ему действительное разрешение на пути конкретного рассмотрения вещи, действительности, а не путем формально-словесных манипуляций, замазывающих «противоречия» вместо того, чтобы их решать. В этом весь секрет. В этом — и отличие диалектической логики от формальной...*» [Ильенков: 9]. В.В. Давыдов писал: «*Формальная логика признает лишь методы рассудочного мышления. Для «развитого» же человека специфично разумное мышление, предпосылкой которого выступает исследование природы самих понятий (рефлексия). Формально-логический подход к мыслительным процессам не вскрывает специфики образования понятий, которая внутренне связана с исследованием самой их природы, с рефлексией*» [Давыдов: 61]. Неверно, что современная формальная логика «*признает лишь методы рассудочного мышления*». Но верно то, что она «*признает методы рассудочного мышления*» как продуктивную форму своего функционирования как компонента разумного мышления. Мышление — это многомерный и многоуровневый процесс. Оно не бывает «формально-логическим». Оно есть продукт взаимодействия разных логик и внерациональных форм мышления. А значит неправомерна сама постановка вопроса о месте и роли формальной логики *самой по себе*, рассматриваемой изолированно, а не как компонента мышления, не как его орудия, необходимого для его продуктивности. Рассмотрение же ее как такого орудия помогает осознать, прежде всего то, что она является средством достижения таких «*твердости и определенности в знаниях*», которые необходимы для восхождения на уровень разумного мышления и являются началом такого восхождения, тогда как в «главенствующей» роли она превращает достигаемые с ее помощью «*твердость и определенность в знаниях*» в догматические твердость и определенность, становящиеся препятствием восхождению на уровень разумного мышления [Когаловский 2021b].

Современная логика несет качественно новые возможности по сравнению с той формальной логикой, о которой говорили Гегель и современные приверженцы его оценки. Это, прежде всего, *классическая логика предикатов*, это математическая логика и в том смысле, что она является продуктом развития математики, и в том, что при всем ныне широком ее использовании именно в рамках математики, математической деятельности особенно полномерно реализуются несомые ею новые возможности. И дело не только

⁵ Не будем, однако, забывать, что это говорилось Гегелем 200 лет назад и что при этом им замечалось следующее: «*Бессодержательность логических форм получается единственно только вследствие способа их рассмотрения и трактовки*».

в существенно более богатом ее языке. В не меньшей степени дело в том, что эта логика функционирует как *семантико-синтаксическое орудие*, как неразделимое единство синтаксического и семантического планов при ведущей роли семантического плана, а значит, при ведущей роли смыслового начала и тем самым при ведущей роли механизмов понимания. Конечно, средства логической семантики издавна использовались в математике, но в «урезанном» виде и без осознания того, что они являются логическими средствами. «Овнешнение» их как «внутренних» механизмов преобразило сами возможности и формы их использования. Широкое использование логической семантики во многом преобразило лицо математики. Использование логической семантики стало одним из ведущих механизмов исследования, приведших к более широкому использованию моделирования, к расширению его ролей, а с ним и к более далеко идущему развитию творческого мышления.

Большие развивающие возможности несет широкое использование логической семантики в обучении математике. Оно несет развитие фантазии и воображения учащихся, обновление форм их мышления, развитие их критичности вместе с развитием творческого мышления.

Выступая в качестве «средств производства» разнообразных орудий исследовательской деятельности, фигурируя в необозримо широком разнообразии научных и общекультурных контекстов и в предметных, и в орудийных ролях, фундаментальные понятия математики, образующие ее «несущий каркас», являют метапредметную и метаорудийную природу математики. Тем самым они являют и ее *логическое* существо как важного компонента логики поисково-исследовательской деятельности, в состав которого входят орудия ее реализации и саморазвития. И формальная логика как семантико-синтаксическое орудие является одним из важнейших таких орудий. Все это возвращает нас к тезису «Все есть число», выражающему глубочайшее прозрение Пифагора.

Погружение в «пещеру», обращенность к «теням» есть обращенность к феноменам в смысле Гуссерля и к феноменам в смысле Хайдеггера, внесшего значительный вклад в развитие феноменологического метода Гуссерля, к их рассмотрению с позиций Его (см., в частности, [Хайдеггер]; также см.: [Катасонов: 99—105]). Математика начинается с такой обращенности. Классическая логика предикатов является адекватным такой обращенности орудием исследований отношений между феноменами и орудием их открытия и очищения в смысле Хайдеггера. Феноменологический подход к методологии математики должен способствовать более глубокому постижению методологии математики и особенностей математического мышления. Он должен помочь и формированию более продуктивных методов обучения математике.

«Видения» мира «в пещере» и взаимодействие «видений» его в «пещере» и «на свету» — это «два лика математики». Это та «двойственность», которая присуща «самой природе математики» и которую «необходимо <...> учитывать при размышлениях о природе интеллектуальной деятельности в области математики. Двойкий лик — подлинное лицо математики» [Нейман]⁶. Сильнее говоря, *подлинное лицо математики* — это активные

⁶ Более правомерно говорить не о двух, а о трех ликах математики, о ее триединстве, а не двуединстве (что согласуется с трехуровневостью научных знаний). Ее третьим ликом является метаматематика, та ее область, которая одновременно является метапредметной по отношению к ней [Коголовский 2017].

и многосторонние *взаимодействия* ее «ликов». Они отвечают взаимодействию субъективного и объективного подходов к исследованию реальности, взаимодействию феноменологического подхода и научного подхода в традиционном понимании. Они рожают всепроникающий, всепронизывающий характер математики, ее всепронизывающую роль. Взаимодействие «видений» мира в «пещере» и «на свету» рождает возможность постижения «неба».

Список литературы / References

- Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М.: Наука, 1973. 61 с.
(Anohin P.K. Fundamental issues of the general theory of functional systems, Moscow, 1973, 61 p. — In Russ.)
- Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 2. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1976. 344 с.
(Vekker L.M. Mental processes, vol. 2, Leningrad, 1976, 344 p. — In Russ.)
- Гегель Г.Ф. Сочинения. Т.1. М.; Л.: Государственное издательство политической литературы, 1929. 473 с.
(Hegel G.W.F. Essays, vol. 1, Moscow, Leningrad, 1929, 473 p. — In Russ.)
- Гегель Г.Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 502 с.
(Hegel G.W.F. The Science of Logic, vol. 1, Moscow, 1970, 502 p. — In Russ.)
- Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1997. 544 с.
(Davydov V.V. Theory of developmental learning, Moscow, 1977, 544 p. — In Russ.)
- Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ, 2009. 112 с.
(Iljenkov E.V. School should teach you to think, Moscow, 2009, 112 p. — In Russ.)
- Катасонов В.Н. Философская феноменология, экзистенциализм, христианство. М.: Познание, 2018. 240 с.
(Katasonov V.N. Philosophical phenomenology, existentialism, Christianity, Moscow, 2018, 240 p. — In Russ.)
- Когаловский С.Р. О природе математики // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 80—95.
(Kogalovskiy S.R. On the nature of mathematics, *Philosophical sciences*, 2017, no. 6, pp. 80—95. — In Russ.)
- Когаловский С.Р. Компетенции против компетентности? // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*/ 2019. Вып. 2. С. 69—77.
(Kogalovskiy S.R. Competence versus competence?, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2019, iss. 2, pp. 69—77. — In Russ.)
- Когаловский С.Р. О традиционной и развивающей системах обучения математике // *Научный поиск*. 2020. № 3 (37). С. 11—21.
(Kogalovskiy S.R. On traditional and developing systems of teaching mathematics, *Scientific search*, 2020, no. 3, pp. 11—21. — In Russ.)
- Когаловский С.Р. Об эмпирическом компоненте теоретического мышления // *Школьные технологии*. 2021а. № 2. С. 23—35.
(Kogalovskiy S.R. On the empirical component of theoretical thinking, *School technology*, 2021a, no. 2, pp. 23—35. — In Russ.)
- Когаловский С.Р. Формальная логика как носитель креативности // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021б. Вып. 3. С. 134—145.

(Kogalovskiy S.R. Formal Logic as a Carrier of Creativity, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021b, iss. 3, pp. 134—145 — In Russ.)

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994. 288 с.

(Mamardashvili M.K. Classical and non-classical ideals of rationality, Moscow, 1994, 288 p. — In Russ.)

Мандельштам О.Э. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967. 88 с.

(Mandel'shtam O.E. Conversation about Dante, Moscow, 1967, 88 p. — In Russ.)

Нейман Дж. Фон. Математик // Природа. 1983. № 2. С. 88—95.

(Neumann John. Fon. Mathematician, *Nature*, 1983, no. 2, pp. 88—95. — In Russ.)

Раков В.П. Меон и стиль. Иваново, Шуя: Изд-во ШГПУ, 2010. 448 с.

(Rakov V.P. Meon and style, Ivanovo, Shuja, 2010, 448 p. — In Russ.)

Священник Павел Флоренский. Собрание сочинений: статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 446 с.

(Svyashchennik Pavel Florenskiy. Collected works: Articles and research on the history and philosophy of art and archaeology, Moscow, 2000, 446 p. — In Russ.)

Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. 320 с.

(Heidegger M. What is called thinking?, Moscow, 2006, 320 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Когаловский Сергей Рувимович — кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры математики, информатики и методики обучения, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, askogal@yandex.ru

Kogalovsky Sergey Ruvimovich — Candidate of Science (Physical and Mathematical), Professor, Professor of the Department of Mathematics, Informatics and Teaching Methods, Shuya Branch of the Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation, askogal@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 179—189.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 179—189.

Научная статья

УДК 78.01

DOI: 10.46726/И.2022.4.18

МУЗЫКА — ТОЛЬКО ВНЕШНОСТЬ? К НЕКОТОРЫМ ФИЛОСОФСКИМ ВОПРОСАМ ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Г. ШПЕТА

Анастасия Николаевна Ковель

Институт философии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, anastasiakovel25@gmail.com

Аннотация. В статье презентуются несколько аспектов восприятия философии искусства, а также эстетические воззрения отечественного философа, психолога и теоретика искусства Густава Шпета — представителя русской школы герменевтики. Анализируется его понимание вопроса взаимосвязи философии и искусства, искусства и жизни. Рассматриваются вопросы взаимосвязи искусства и красоты, красоты и смысла, их связь с концептом «идея», определяется роль и функции украшения в искусстве. Освещается проблема действительности и подражания, рассматриваемая в аспекте творчества. Выясняется роль художника в творческом процессе и отличительные особенности художественного видения мира. Рассматриваются философские категории формы и содержания в контексте искусства, а также категории внешнего и внутреннего в эстетике. Дается общее представление о специфике музыкального искусства в представлении Густава Шпета. На данном основании осуществляется попытка проработки проблемы формы и содержания в музыке, определение ее внешней и внутренней формы и соответствующих средств выражения, анализируется соотношение музыки с другими видами искусства. Выдвигается и обосновывается предположение, что музыка, по причине особенностей форм своего существования и средств выразительности соответствующего ей языка, а также восприятия, относится к временным и к пластическим видам искусства.

Ключевые слова: Густав Шпет, эстетика, теория искусств, музыка, человек, языки сознания, восприятие

Для цитирования: Ковель А.Н. Музыка — только внешность? К некоторым философским вопросам искусства в творчестве Г.Г. Шпета // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 179—189.

Original article

IS MUSIC JUST AN OUTWARD FORM? SOME PHILOSOPHICAL ISSUES OF AESTHETICS IN G. SHPETS'S WORKS

Anastasia N. Kovel

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, anastasiakovel25@gmail.com

Abstract. In the article the aspect of perception of philosophy of art is represented aesthetically from the point of view of a national philosopher, psychologist and art theorist, founder of Russian hermeneutics G. Shpet. His conception of questions of correlation between philosophy and art, art and life are analyzed. Reviewed in the article are the questions of correlation between art and beauty, beauty and meaning; the author attempts to define the role and function of decoration in art. The article covers a question of reality and copyism in the aspect of creativity as well as the role of an artist in the creative process and differential characteristics of artistic sight. Philosophical categories of the form and nature in the context of art, as well as conception of categories of outer and inner subject of aesthetics are considered. The author also provides a general outline of musical art from the point of view of G. Shpet. In accordance with such understanding, an attempt is made of working out the problem of form and nature of music, its definition of outer and inner form and relevant meanings of expression, correlation between music and other forms of art. It is suggested that music belongs to temporal and plastic forms of art, due to its specificity of forms of existence and means of expressing reality as well as its appropriated language.

Keywords: G. Shpet, aesthetics, art theory, music, human, languages of consciousness, perception

For citation: Kovel A.N. Is music just outer subject? Some philosophical issues of aesthetics in G. Shpets's works, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 4, pp. 179—189.

Красота и искусство

Начнем с понятий «искусство» и «красота». Согласно Шпету, искусство представляет нам красоту, поэтому функция искусства — это украшение. Само по себе искусство лишено смысла, не одушевлено, «бессубстанционально» и «вообще себе» [Шпет 1989: 351]. При этом украшение, будучи функцией искусства, естественным образом меньше, чем само искусство. Украшение определяется как «экспрессивность» (т. е. избыток красоты): средства выражения (жесты, слезы, смех и т. д.), но это еще не мысль и не идея. Поскольку мысли и идеи должны испытывать недостаток и воплощаться — жить, то и красота, как ее понимает Шпет, возникает «от потребности выразить смысл» [Шпет 1989: 352]¹.

Таким образом, искусство представляет красоту, красота — от потребности выразить смысл. Смысл и идея должны испытывать недостаток и выражаться, они должны жить. Получается, что потребность в выражении смысла посредством искусства и есть реализация потребности в красоте?

Что касается творчества как процесса, то это есть ни что иное, как потребность в успокоении, освобождении от беспокойства, следовательно, творчество предполагает реализацию потребности в том или ином ее выражении. Означает ли это, что придать жизнь и смыслу, и идее как раз и есть

¹ Только ли красота, только ли от этой потребности?

реализация потребности в красоте посредством творчества? Безусловно, можно с этим согласиться, учитывая при этом, что искусство, согласно Шпету, так или иначе устремлено к тому, чтобы представлять красоту.

Взаимосвязь жизни и искусства; критика синтеза искусств

Шпет, анализируя в своих трудах вопросы, связанные с пониманием особого места искусства в жизни, соотнося искусство и жизнь, достаточно ясно на них отвечает и делает это следующим образом: искусство не есть жизнь, а жизнь не есть искусство. Проиллюстрируем эту мысль, сделав ее более наглядной. Итак, если жизнь = искусство => искусства не существует. Уточним: поскольку искусство есть украшение (по определению), то украшение всегда направлено на что-то (т. е. должно быть *что* украшать). Поэтому получается если жизнь = искусство, то искусство — нет.

Согласно философско-эстетической позиции Шпета, любое художественное произведение входит в жизнь как факт. Будучи фактом жизни, оно (т. е. художественное произведение) одновременно есть ее часть. Подытожим эту мысль: искусство не равно жизни, а художественное произведение как входящий в жизнь факт есть часть жизни, но и есть украшение ее [Шпет 1989: 351—354].

Шпет предполагает, что искусство должно быть далеко от жизни. Украшение должно быть не в жизни, а к жизни. А еще лучше искусство должно быть около жизни, но оно не должно сливаться с ней. Таким образом, философ выражает свое несогласие с так называемым бытовизмом в искусстве.

Конечно, искусство всегда конкретно, и каждое творческое мгновение конкретно воплощено в произведении искусства. Поэтому подход к рассмотрению этого соотношения может быть представлен как восхождение от единичности к единственности, а не синтез (объединение и единство). Именно поэтому Шпет не одобряет какого-либо «общего синтеза» искусств. Структурность искусства и любого художественного произведения можно определить как некую органичность его внутреннего строения — это и есть как раз то, что Шпет называет «признаком конкретности эстетических объектов», но это не есть признак синтетичности. Поэтому структура эстетического объекта у него такова, что она не представляет собой какую-то ее отдельную, индивидуальную часть; структура — это не «сторона» и не «качество», и тем более не «субъект отвлеченной категоричности» [Шпет 1989: 351].

Другой важный постулат Шпета связан с утверждением идеи о том, что искусство должно реализоваться и осуществиться. При этом непреходящая польза в творчестве красоты состоит в ее применении и приложении. Однако, когда театры из всенародного праздника превратились в ежедневную открытую кассу, искусство лишилось своего применения.

В целом, искусство (как и религия) всегда характерно, единично, индивидуально, аристократично, но не схематично, чертёжно и кристаллографично [Шпет 1989: 349].

Относительно музыкального направления в искусстве своего времени Шпет высказывался довольно резко: консерватории — это «склады ломанного железа», которые содержатся на деньги государства. «“Свободная” консерватория ... была бы расхищена для “применения”». Для какого применения? Сейчас искусство «вообще себе», т. е. нет пути его «применения», как говорится, «не к месту» (не для храма, дворца, а для общественного музея

и т. д. — вот какое применение). А далее следует весьма «прогрессивная» мысль, которая заинтересовала бы и современных продюсеров: «... оперную залу наполнить “соответствующими” звукам “световыми эффектами”; пожалуй, еще и вне-эстетическими раздражителями, вроде запахов, осязательных, тепловых, желудочных и др. возбудителей!» [Шпет 1989: 350]. Заметим, это блестящая идея для перформанса, и она уже успешно осуществляется, но на желудок еще никто не воздействовал (за этим будущее). Хотя, конечно, все это есть отход от того применения настоящего искусства, которое считал правильным сам Шпет.

Взаимосвязь философии и искусства

Приведу несколько цитат, которые наиболее точно выражают философскую позицию Шпета относительно проблемы соотношения философии и искусства, определения самой философии, рассматриваемой и характеризующей в связи со спецификой творчества. Именно творческое начало, как мы увидим, объединяет философию и искусство.

Итак, по Шпету, философия — «конечная в задании и бесконечная в реальном существовании конкретность» (последняя конкретность) [Шпет 1989: 353]. Искусство — «... не уже-бытие, творчество, а не созданность — есть предпоследняя ... сквозная конкретность» [Шпет 1989: 353].

Философия (как) есть искусство, а искусство (как) есть философия. Философия — искусство, поскольку она «творчество красоты в мысли» — величайшее творение.

Философия — искусство, т. к. украшает безобразное, творит красоту из небытия красоты. Философия есть искусство, т. к. «начинает существовать “без пользы”, “без задания” и лишь в украшающем “применении”» [Шпет 1989: 353—354].

Искусство как философия — «перевал к последней конкретности». «Внутренняя форма, “образ”, созерцание, интуиция бывают также *умными*» [Шпет 1989: 354—355].

Категории формы и содержания в аспекте эстетики

Форме требуется содержание. Содержание «страждет формы» и без нее страдает. Как выражается Шпет: «Содержание без формы есть чистая страдательность» [Шпет 1989: 358]. Но содержание без формы не творчество, а только коллекционирование и собирание. Одно содержание как стихия природы и души — это «отвратительность и ложь духовная» [Шпет 1989: 359]. Поэтому у Шпета «природа просто существует, душа живет и биографствует, один дух наличествует, чтобы возникать в культуру...» [Шпет 1989: 359].

Дух — «не метафизический Сезам, не жизненный эликсир, он реален не “в себе”, а в признании» [Шпет 1989: 359]. Дух создается. Если в себе он познается, то это и есть идея. Культура и искусство в этом ключе есть реальное осуществление и творчество. Дух без стиля и формы есть «чистое и отвлеченнное небытие» [Шпет 1989: 359].

О реализме Шпет рассуждал следующим образом: реализм — реализация, а не бытие. Познать реальное — узнать идею — осуществить ее. Новый реализм — это не реализм быта, а реализм выраженный, т. е. то, что действительно есть, а не то, что кажется. То, что есть, а не случается.

О творчестве

Творчество — подражание по воспоминанию. При этом подражание не равно копирование. Воспоминание / Забывание — «...кнут творчества, оно вздымает на дыбы фантазию» [Шпет 1989: 360].

Забывание => Воспоминание + Фантазия = Творчество.

«Смерть — маска творчества». Распад — гниение; распад исключает смерть. Поэтому нет смерти = нет рождения. Должно быть кругообращение. «Настоящее творчество — из ничего ... в промежуток между любовью и рождением входит смерть» [Шпет 1989: 360—361].

Категории Внешнего / Внутреннего.

Взаимосвязь действительности и творчества

Перед художником стоит подлинная действительность, данная ему его глазами, видимая им. Другой действительности не может быть. Поэтому ей надо подражать и ее надо творить — «она налицо, за нею — ничто».

Все ее внутреннее есть и ее внешнее. При этом внешнее без внутреннего — иллюзия, а внутреннего без внешнего быть не может. К эстетике можно относить только внешнее, а внутреннее в эстетическом восприятии опосредовано внешним. Опосредование — «...предмет эстетического созерцания через свое касание внешнего» [Шпет 1989: 363].

(внутреннее) — внешнее => эстетика
[---]
Опосредование

«Вся душа есть внешность» [Шпет 1989: 363]. Более того, человек живет, пока у него есть внешность, и даже личность есть внешность.

Рассуждая в этом же смысле о философии, Шпет утверждает, что для нее внутри только идеальное, а не реальное. Внутренним (для философии) является только идея. Живая действительная идея — это только внешний видимый облик. Идея, неразрешимая внешне — ничто. Идеальное, как и ничто, только постигается, реально не-сущее. Действительное бытие — бытие вовне, все внутреннее только идеально [Шпет 1989: 363—364]. Поэтому, делает вывод Густав Шпет, только действительно существующее внешне может быть осмысленно, потому что только оно — живое.

Об особом видении художника

Художник не творит и не производит действительность, но он подражает и производит искусство, воспроизводит действительность уже созданную. Созерцание всегда прежде познания, из этого следует, что художник «утверждает» действительность прежде философа.

Что такое наблюдательность художника? Что есть это особое видение художника? Видение художника не больше и не острее. Он смотрит избирательно и видит меньше. Отличие художественного зрения в том, что оно не количественное, а качественное. Это «лучший сорт зрения».

Художнику доступна красота действительности, «явственная красота», но она может оставаться для него тайной. Созерцать «не просто для себя» и разоблачать тайны — отличительная особенность художника. Запечатлеть

явленную вовне красоту — в этом заключается особенность художественно-совершенного зрения. Получается дважды рожденная / явленная красота приобретает смысл и значение. Почему дважды? Первый раз при созерцании, второй — при запечатлении [Шпет 1989: 354].

В этом заключается, согласно Шпету, и эстетика, и философия.

О музыке, поэзии и художественном искусстве

«Поэзия как “синтез” музыки и смысла есть синтез паутины и меда» [Шпет 1989: 354]. То есть Шпет выступает за обособленность каждого вида искусств. Но разве смысл может сделать музыку? «Смысл не делает музыки — музыка убивает смысл — тон калечит поэзию» [Шпет 1989: 354]. Музыка — поэзия: первая исключает вторую, а вторая первую. Почему? «Вся музыка непосредственно только внешность — убивает смысл в поэзии» [Шпет 1989: 354]. Зрительный образ тоже мешает «поэтическому восприятию», т. к. зрительный образ не равен поэтическому образу, равно как нельзя визуализировать интуицию.

Однако у музыки есть и внутренняя форма. Без этой формы ее бы не существовало? Какая эта форма? В монографии «Эстетические фрагменты» Шпет не дает ответа на этот вопрос, поскольку внутреннее для него и не столь существенно: «...не все ли равно, что тогда “внутри”?» [Шпет 1989: 363].

Однако в чем заключается эта внутренняя форма, и чем она отличается от внешней формы?

Поэзии нужны поэты, но не нужны музыканты и живописцы — так, довольно категорично, утверждает Шпет. Можно задать встречный вопрос: а музыкантам нужны поэты? Возьмем шире — музыке нужно слово? Запомним эти вопросы и пока остановимся, чтобы перейти к следующей части, в которой будет задано еще больше вопросов, но будет предпринята попытка дать на них ответы.

Вопросы о музыке, форме ее бытия, средствах выражения и языке, соотношении с другими видами искусств

Итак, продолжая тему, заданную ранее, обратимся за помощью с нашими вопросами к еще одному крупнейшему исследователю языка и философу — Портнову Александру Николаевичу. Он указывает триаду: Сознание — Мышление — Язык. Портнов утверждает, что язык и мышление в процессе осознания действительности обретают единство. Язык участвует в образовании понятий — так он отражает действительность. Сознание и мышление рассматривается им именно через призму языка. Действительность сознания видится им в мире текстов.

Однако Портнов не забывает о существовании невербального выражения сознания и говорит о нем в том числе и в аспекте искусства: «Действительностью сознания <...> может быть и очень часто бывает невербальная коммуникация, предметное действие, выражение содержания сознания с помощью средств искусств. Эти средства существуют сплошь и рядом до, вне, помимо речевого выражения. В других случаях они дополняют речь» [Портнов: 367].

Что нам дает это утверждение? Во-первых, то, что содержание сознания можно передать с помощью выразительных средств искусства. В этой связи напомним, что существует традиционное деление искусства на пространственные (пластические), временные и пространственно-временные виды. У пластических или пространственных видов искусства существуют свои выразительные

средства. Основные из них: живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, фотоискусство. Традиционно выделяют такие общие средства, как цвет, объем, пространство и т. д. У временных видов искусства, к которым причисляют поэзию, литературу, средством является слово, оно же материальный носитель. Пространственно-временные виды искусств такие, как театр, кино, хореография, располагают собственными средствами выразительности, используемыми при создании художественных образов.

Как обстоит дело с музыкой? Куда ее причислять? Любой ученик музыкальной школы с легкостью ответит на этот вопрос. Музыку следует причислить к временному виду искусств, поскольку форма ее бытия временная, а ее выразительным средством является звук, который также обладает протяженностью во времени. Средства выразительности музыки: мелодия, лад, гармония, регистры, метр/ритм/темп, тембр, фактура, штрихи, динамика и т. д.

Казалось бы, все просто, но где-то скрыт подвох. Возникает вопрос, если понимать музыку только посредством временного характера ее бытия, ее определенным образом устоявшимися средствами выразительности, то не упустим ли мы что-то неуловимое и важное из вида? Здесь же возвратимся к мысли Портнова: существует ли что-то до/вне/помимо речевых обозначений? Поставим вопрос следующим образом: если понимать музыку только посредством речевых обозначений, не упустим ли мы что-то? Скорее всего схожие вопросы интересовали и Шпета, поскольку у него мы можем обнаружить выписки из книги Пауля Беккера — немецкого музыковеда, дирижера и композитора. С его работой «В царстве звуков. Основы феноменологии музыки» он полемизировал в своей монографии «Очерки об искусстве». Из тезисов, которые выделил для себя Шпет, мы вычленим несколько интересных и проясняющих ситуацию мыслей.

Во-первых, интересным представляется рассуждение Беккера об эстетике и теории музыки, которые зачастую узко детерминированы, т. е. под первым понимают какую-то определенную эстетику, а под вторым — теорию нотной формы. Отсюда, по мнению Беккера: «извлекаемые из них знания и законы — это не знания о звуках и не звуковые законы, а знания и законы нотной записи. Следование им направляет нотное искусство, их эстетическое толкование — эстетику нот, их теория — теорию нот» [Шпет 2007: 687]. Здесь мы можем найти ответ на вопрос, не упускаем ли мы что-то, ограничивая восприятие музыки знаниями о ее законах построения, законами нотации и правилами средств выразительности. Да, упускаем что-то неуловимое и невыразимое словом. Очевидно, что упускаем, по мнению Беккера, знание о самих звуках и звуковых законах.

Вторая важная мысль, которая продолжает первую, содержит пояснение природы звука. Звук по природе происхождения делится на два типа:

1. «Живой звук как чувственное единство — часть изначально физиологически переживаемой картины мира» [Шпет 2007: 688].

2. «Механически произведенный звук как чувственное единство — часть изначально физически переживаемой картины мира» [Шпет 2007: 688].

В первом случае речь идет о феномене физиологического звука, который под действием физиологических же закономерностей природы преобразуется в такую музыкальную форму, которая характеризуется живым звучанием и органическим соединением образов, определяющихся во времени. То есть можно понять, что природа звука обусловлена физиологическим восприятием картины мира человеком посредством его чувств.

Во втором случае речь идет о физическом звуке, который, находясь под действием физической закономерности природы, преобразуется в форму инструментальную, которая характеризуется механическим соединением образов, определяющихся в пространстве. Речь идет о физическом восприятии картины мира, обусловленной силами природы.

В первом варианте рассматривается некая внутренняя форма, проявляющаяся во времени. Во втором — внешняя, которая обусловлена пространством. На основе ли этого рассуждения Шпет сделал свое заключение, что музыка есть непосредственно только внешность, а внутренняя форма не столь существенна?

Наконец, интересной представляется мысль Беккера о музыке как о особом виде искусства, поскольку ее материал и условия формы не постигаемы зрительным образом и «недоступны интуитивно-воззрительному схватыванию в понятиях» [Шпет 2007: 689]. Однако при этом Беккер утверждает, что музыкальные формы, как и формы других искусств, подчинены природными явлениям и законам, а материал музыки обусловлен двумя вышеупомянутыми феноменами физиологического и физического звука.

Получается, что музыкальные формы формируются на основании либо физиологического, либо физического звука, и эти два вида звукообразования являются основанием для музыки вообще. Соответственно, по природе звука форма музыки разделяется на внутреннюю и внешнюю. Если с внешней формой дела обстоят более-менее понятно, то относительно внутренней формы музыки все еще остаются вопросы. Можно, конечно, вслед за Шпетом заключить, что важна только внешняя форма музыки, и сама музыка есть только внешность, но это не снимает вопроса о природе ее внутренней формы.

Безусловно, верным направлением в рассуждении было обратиться к природе самого материала музыки, к звуку. Звук сам по себе — это физическое явление, обусловленное физическими законами. А трактовка звука как части физиологически переживаемой картины мира и сам «живой», физиологический звук вызывает еще больше вопросов и смущает своей отделенностью от физической природы. Поэтому вопрос о внутренней форме музыки остается открытым и вообще требует отдельного исследования.

Все же продолжим поиск ответов и на этот раз спросим, что такое музыка и ее форма у виднейшего отечественного музыковеда, педагога и композитора Бориса Владимировича Асафьева. Он пишет в своей фундаментальной работе «Музыкальная форма как процесс»: «Форма — не абстракция. Совсем не парадоксальным было бы утверждение, что форма — такое же средство обнаружения или выявления социального бытия музыки, как инструмент. Повторяю: в отношении музыки — это не парадокс. То, что инструмент осязаем, а формы — не осязаемы, дела не меняет. Не организованная человеческим сознанием акустическая среда еще не составляет музыки. Самые примитивные стадии отбора среди акустических явлений средств музыкального выражения указывают на длительный процесс оформления и кристаллизации оформленного» [Асафьев: 23]. Следовательно, музыкальная форма воспринимается как процесс отбора конкретных ее форм (имеется в виду интонационный отбор), который приводит к их усвоению и запоминанию. Этот процесс является социокультурно обусловленным, т. е. музыкальная форма сопряжена со временем. У Асафьева мы опять-таки замечаем разделение на некую внешнюю инструментальную и осязаемую, внешнюю «акустическую среду», форму. И внутреннюю форму, которая не является абстрактной, хотя не осязаема и обусловлена организацией человеческого сознания.

Как же тогда познается и воспринимается человеком музыка? Что нам ответит музыковед Асафьев? «...музыка познается слухом, поскольку процесс ее восприятия требует усвоения движущегося материала, постольку процесс отбора является прежде всего процессом запоминания, т. е. сосредоточиванием внимания на подобных, схожих или во всем друг другу равных звучаниях (узнавание сходства) и на выделении несхожих, неравных, отличных» [Асафьев: 23]. Речь идет об интонационном отборе. А вот, например, рассуждения о восприятии музыки и ее формы композитора и пианиста Самуила Евгеньевича Фейнберга, рассуждения которого интересовали и Густава Шпета, поскольку именно у него мы снова находим заметки о музыке, в которых как раз содержатся рассуждения первого и полемика второго с ним. Итак, Фейнберг указывает, что «...музыкальная форма скрывает в себе условный момент восприятия. Ее материал является не первичной, непосредственно воспринимаемой сущностью искусства, а тайнописью условных обозначений, вторичным воплощением первоначального замысла, чем-то опосредствованным и условным» (цит. по: [Шпет 2007: 90—91]). Далее мы видим противоположную Асафьеву мысль о парадоксальности музыки по природе ее материального выражения. Фейнберг видит парадокс в восприятии музыки посредством слуха, т. е. в этом непосредственность материального выражения, но саму форму он считает абстрактной, иллюзорной и условной. Судя по всему, именно такая трактовка пришлась по душе Шпету. Что самое интересное, Фейнберг утверждает, что музыка должна быть противопоставлена искусству словесному, поскольку ее материал и средства обладают теми же свойствами, что и у пластических искусств: «Элементы звучания, объективно воздействующие (внешне созерцаемые), обладают не меньшей протяженностью, чем краски, состав мрамора и соотношение масс в скульптуре, живописи и архитектуре. Звуки имеют меру и вес, и в этом смысле воздействие музыки всецело подчиняется нормам искусств, прикрепленных к реальной данности» (цит. по: [Шпет 2007: 91]). Данное утверждение не стоит воспринимать буквально. Разумеется, звук не обладает весом или массой в таком же смысле, как например, глина. Здесь скорее идет речь не только о временных параметрах звука, но и о пространственных, поэтому звуку свойственна протяженность. Более того, саму музыку Фейнберг характеризует как «движение в осуществлённой пространственной данности» (цит. по: [Шпет 2007: 92]). Трактует сменяемость тем в рамках одного музыкального материала как приближение.

Что принципиально отличает музыку и другие пластические искусства от искусства вербального? Отсутствие внутреннего образа и невозможность раскрытия внутреннего замысла.

Далее прозвучит мысль еще интереснее и что-то явно напоминающая. «Мелодия, написанная на текст, никогда не может исказить метрической записи стиха, так как поэтическая форма соединяет в себе все могущие возникнуть звуковые воплощения, даже если они противоречат друг другу» [Шпет 2007: 92].

С первого взгляда можно обнаружить противоречие с мыслью Шпета, который, очевидно, сформулировал свою на основании этой. Тезис его заключал обратное, т. е. смысл и музыка несовместимы, музыка уничтожает смысл, а тон вредит поэзии. Получается, что Шпет не допускал всеобъемлющих звуковых форм в поэзии, что музыка, хотя и лишенная смысла, не смогла бы навредить и исказить поэзию?

Нельзя не согласиться и с мыслью о том, что из-за не прикрепленности символизма средств выразительности и отсутствия истории, музыка

обусловлена настоящим, т. е. привязана к эпохе, в которой она родилась. Фейнберг подчеркивает временность восприятия музыкального произведения обусловленностью конкретной эпохой, за сменой которой последует непонимание. Однако зачастую бывает, как это показано Асафьевым, непонимание и отчуждение происходит и в силу еще неувоенности музыкальных форм, а не только их устаревания. «Если бы музыка была только пластическим образом, ее произведения пережили бы века, как памятники звуковой архитектуры» [Шпет 2007: 92]. Тут нельзя согласиться, поскольку примеров таких памятников звуковой архитектуры, которые пережили века, можно привести множество, разумеется, из области классической музыки, с ее устоявшимися классическими формами интонирования, взятыми за основу.

Можем ли мы теперь утверждать, что музыка относится к пространственно-временным искусствам? Если форма ее бытия может определяться временными и пространственными категориями, ее материал и средства выражения могут быть отнесены к пластическим и временным. Сама музыка обладает внешней и внутренней формой. В этом кроется парадокс. По внешней форме она понятна и объяснима в силу того, что ее материал и одновременно средство — звук — рожден в природе и обусловлен ее законами, он есть физическое явление физической природы, он есть ее часть и продолжение. Внутренняя форма музыки — это звук услышанный, осознанный и воспроизведенный человеком, но не просто симитированный, а обусловленный уже своей логикой, подчиненный своей системе, звук как интонация. Разумеется, внешняя и внутренняя форма обусловлена человеческим сознанием, звук как часть действительности сам по себе не является музыкой, но и музыка не отображает действительность напрямую — вот в чем парадокс. Отсюда опять следует вопрос: каким образом мы воспринимаем и вообще понимаем музыку? А точнее, приучены ли мы воспринимать определенные музыкальные приемы определенным образом?

Существуют ли клише в восприятии средств выразительности в музыке? Ответ поищем у музыковеда Асафьева. Он объясняет данный вопрос посредством запоминания и неким запасом устоявшихся интонаций: «...запоминание музыки при ее постоянной текучести и при необходимости постоянного сравнения тождественных и нетождественных интонаций предполагает наличие в сознании человека данной эпохи, среды и данного отрезка времени некоторой суммы издавна откристилизовавшихся звукосочетаний (“интонационный запас”). У одного человека их больше, у другого меньше, но в целом каждая эпоха и каждый класс обладает энным числом интонаций, настолько устоявшихся в сознании, что слушание произведений, в которых взаимодействие привычных сочетаний доминирует над непривычными, доставляет удовольствие больше, чем восприятие музыки, в которой преобладают интонации еще не усвоенные, и для усвоения которой нужна крайне повышенная деятельность сознания» [Асафьев: 24]. Очень исчерпывающий ответ. Действительно, существуют вполне конкретные и устоявшиеся интонации, которые определяются эпохой и воспринимаются схожим образом разными людьми, у которых схожий интонационный запас. Однако аспект зависимости удовлетворения от степени привычности интонации, на наш взгляд, требует отдельного изучения. Этот вопрос выходит в экспериментальное поле, и ответ на него может дать исследование мозговой активности, нейробиологическое исследование. Дать ответ на вопрос, что происходит с мозгом и во время прослушивания музыки, и во время игры на музыкальных

инструментах. Не вдаваясь в подробности, еще раз подчеркну, что это очень перспективная тема для исследования.

А закончить хотелось бы все же мыслью Густава Шпета. Как было ранее сказано, к эстетике он относил только внешнее, а внутренне постигается, по его мнению, при помощи особого созерцания и касания внешнего. При этом Шпет признает, что одно без другого существовать не может, хотя ценность для эстетики представляет и внешнее. Если в этом ключе подойти к проблеме внешнего и внутреннего в музыке, то можно предположить, что благодаря опосредованию можно преодолеть дуализм ее форм. Стоит опять-таки отдельно рассмотреть данную проблему.

Может, тогда мы ответим на вопрос, на каком языке говорит с нами музыка?

Список литературы / References

Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. М.: Музыка, Ленинградское отделение, 1971. 373 с.

(Asaf'ev B.V. Musical form as a process, Moscow, 1971, 373 p. — In Russ.).

Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы изучения проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 370 с.

(Portnov A.N. Language and consciousness: the main paradigms of studying the problem in the philosophy of the 19—20th centuries, Ivanovo, 1994, 370 p. — In Russ.).

Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.

(Shpet G.G. Essays, Moscow, 1989, 608 p. — In Russ.).

Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с.

(Shpet G.G. Art as a kind of knowledge. Selected works on the philosophy of culture, Moscow, 2007, 712 p. — In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 01.10.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 01.10.2022.

Информация об авторе / Information about author

Ковель Анастасия Николаевна — аспирантка, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, anastasiakovel25@gmail.com

Kovel Anastasia Nikolaevna — Post-graduate student, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, anastasiakovel25@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEW

---

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 190—195.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 4. P. 190—195.

Рецензия

УДК 930(430)"18"

DOI: 10.46726/И.2022.4.19

АРХИВЫ И АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОПОЛЬДА ФОН РАНКЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИВАНОВСКИХ УЧЕНЫХ

**Рец. на кн.: Черноперов В.Л., Усманов С.М. Леопольд фон Ранке —
жизнь и творческое наследие: монография. Иваново:
Иван. гос. ун-т, 2021. 364 с.**

Михаил Васильевич Стрелец

Свободный исследователь, г. Брест, Республика Беларусь, mstrelez@mail.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на книгу Василия Львовича Черноперова и Сергея Михайловича Усманова «Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие». В рецензии отмечен многоплановый характер работы, однако сконцентрировано внимание на освещении в этой монографии вопроса об архивах и архивных данных в творчестве выдающегося германского учёного-историка Леопольда фон Ранке (1795—1886). По мнению рецензента, главный вывод представляется таким: авторы убедительно доказывают, что именно со времен трудов фон Ранке архивы получают то великое значение, какими они пользуются теперь.

Ключевые слова: Леопольд фон Ранке, Германия, историография, источниковедение, история, наука, рецензия

Для цитирования: Стрелец М.В. Архивы и архивные данные в творчестве Леопольда фон Ранке: исследование ивановских ученых // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 190—195. *Рец. на кн.:* Черноперов В.Л., Усманов С.М. Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие: монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 364 с.

Review

ARCHIVES AND ARCHIVAL DATA IN THE CREATIVE WORK OF LEOPOLD VON RANKE: RESEARCH OF IVANOVO SCIENTISTS**Book Review: Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Leopold von Ranke — life and creative heritage: monograph. Ivanovo: Ivanovo State University, 2021, 364 p.****Michael V. Strelets**

Free researcher, Brest, Republic of Belarus, mstrelez@mail.ru

Abstract. The readers are presented with a review of the book by Vasily Lvovich Chernoperov and Sergey Mikhailovich Usmanov “Leopold von Ranke — life and creative heritage”. The book is characterized by the diversity of the covered issues. We will concentrate our attention on the coverage in this monograph of the issue of archives and archival data in the work of the outstanding German historian Leopold von Ranke (1795—1886). According to the reviewer, the main conclusion seems to be the following: the authors convincingly prove that it is from the time of his works that the archives receive that great importance, which they enjoy now.

Keywords: Leopold von Ranke, Germany, historiography, source studies, history, science, review

For citation: Strelets M.V. Archives and archival data in creativity Leopold von Ranke: research of Ivanovo scientists. Book Review: Chernoperov V.L., Usmanov S.M. Leopold von Ranke — life and creative heritage: monograph, Ivanovo: Ivanovo State University, 2021, 364 p., Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities, 2022, iss. 4, pp. 190—195.

Монография Василия Львовича Черноперова и Сергея Михайловича Усманова «Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие» — книга интересная и многоплановая. Она заслуживает серьезного внимания научной общественности. В данной рецензии хотелось бы обратить внимание только на один из существенных аспектов этого исследования — на изучение соавторами архивных изысканий в творчестве выдающегося германского учёного-историка Леопольда фон Ранке (1795—1886).

Для начала необходимо сказать несколько слов об авторах монографии. Василий Львович Черноперов — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. Автор и соавтор более 180 научных публикаций, в том числе четырёх монографий по новой и новейшей истории Германии, истории международных отношений новейшего времени, российской и мировой общественной мысли XX—XXI столетий, межкультурному и межрелигиозному диалогу в современном мире.

Сергей Михайлович Усманов — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. Автор и соавтор более 200 научных публикаций, в том числе пяти монографий по российской и мировой общественной мысли XIX—XX столетий, истории интеллигенции, постсоветским исследованиям и проблемам межкультурного диалога в современном мире.

Как видим, у Василия Львовича и Сергея Михайловича достаточно оснований, чтобы высказаться о «ремесле историка». Разумеется, никак не меньше

их было у Леопольда фон Ранке, оставившего после себя гигантское творческое наследие. Ивановские учёные согласны с героем их книги в том, что узловое звено «ремесла историка» завязано на архивных первоисточниках.

С авторами можно всецело согласиться в том, что Леопольд фон Ранке совершил революцию в источниковедческой методике. Они совершенно обоснованно ставят ему в заслугу «разработку целой системы исследовательских приёмов анализа или критики источников, которую современники стали называть “методом Ранке”»* (230).

Собственно, впервые маститый германский историк изложил принципиальные положения указанной модели в работе «История романских и германских народов в 1494—1535 гг.». В этом трактате две части. Первая — сама исследовательская работа. Вторая часть трактата (примерно 1/3 объема) — приложение с дословным названием «К критике новейших историков». Указанные положения были сформулированы в приложении. Именно в этом приложении были «заложены все основные идеи», которые немецкий учёный «будет только развивать впоследствии в своих многочисленных трудах... Все последующие работы Ранке являются приложением этого метода к истории различных стран и эпох» (231).

Чувствуется, что учёные из ИвГУ основательно изучили работу Ранке «К критике новейших историков». В.Л. Черноперов и С.М. Усманов показывают, что здесь их герой «поставил под сомнение достоверность не только разобранных трудов Франческо Гвиччардини, Паоло Джовио и других авторов, но и вообще всех опубликованных источников» (243). В данном случае российские коллеги заостряют особое внимание на том, что «из его работы следовал очевидный вывод: первоисточник, который должен быть в основании высоконаучного трактата, не опубликован. Его необходимо найти, и, вероятнее всего, он находится в государственном или частном архиве. Сюда-то историк и должен направиться в поисках истины. Ещё одной причиной, стимулировавшей Ранке к архивным изысканиям, была его увлечённость международными сюжетами, а они отражены главным образом в архивных материалах» (244).

В русле такого подхода Ранке разделил коллег по цеху на два типа. Первый тип — старый тип историка — сугубо кабинетный писатель. Второй тип — новый тип историка. Главная отличительная черта последнего: «“мобильный исследователь”, который свободно передвигается по Европе и работает в архивах разных стран» (244).

К какому типу относится Ранке? Несомненно, перед нами ярчайший представитель второго типа. Впечатляют география архивных учреждений и суммарная продолжительность проведённого в них времени. На одном дыхании читаются страницы рецензируемой монографии, посвящённые работе Ранке в архивах, расположенных в Берлине, Брюсселе, Вене, Венеции, Лондоне, Мюнхене, Париже, Праге, Риме, Дублине. В исследовательском корпусе прочно утвердилось мнение о том, что «именно со времен его трудов получают архивы то великое значение, какими они пользуются теперь» (244). В.Л. Черноперов и С.М. Усманов подкрепляют такое мнение эксклюзивной фактурой.

---

* Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Черноперов В.Л., Усманов С.М. Леопольд фон Ранке — жизнь и творческое наследие: монография. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021 — с указанием страниц в круглых скобках.

Хорошо, что ивановские коллеги предельно аккуратны и осмотрительны в определении точки отсчёта принадлежности Ранке ко второму типу историка. Дело в том, что возникали серьёзные нестыковки со вторым типом, когда у фон Ранке имел место первый опыт работы с архивными документами и материалами. Место настоящей работы — Берлинская королевская библиотека. После работы в главной библиотеке Пруссии в сухом остатке оказалось обнаружение и изучение 48 томов неопубликованных донесений венецианских и папских послов. Данные тома составили источниковый базис трактата «Государи и народы Южной Европы в XVI—XVII вв.». Естественно, автором трактата был Ранке. Проницательные читатели, которые обращаются к первому изданию настоящего трактата, обязательно подмечают наличие подзаголовка «В основном из неопубликованных дипломатических отчётов». Несомненно, это подзаголовок программного характера.

А вот все признаки принадлежности ко второму типу историка сформировались, когда гражданин Пруссии, профессор Берлинского университета Леопольд фон Ранке, впервые находился за пределами своего королевства с целью капитально изучить фонды архивов Австрии и Италии. Первая поездка такого рода продолжалась полгода. Сначала далеко не всё складывалось удачно. Чиновники архивных учреждений перекрывали кислород, выстраивали шлагбаумы, и уже казалось, что герой книги ивановских учёных так и не будет допущен к архивным фондам. Это удобный повод, чтобы вспомнить изречение: «Мир не без добрых людей». В рецензируемой монографии читаем: «В это сложное время Ранке нашел поддержку у крупного австрийского государственного деятеля, дипломата и публициста Фридриха фон Гентца — участника Венского конгресса 1814—1815 гг., одного из главных вдохновителей консервативных Карлсбаденских декретов 1819 года, человека близкого к австрийскому канцлеру К.В. фон Меттерниху. Немецкий историк, имея рекомендательные письма прусских чиновников, сумел завоевать расположение этого влиятельного австрийца, и тот устроил Ранке аудиенцию у самого канцлера. Встреча показала, что князь К. фон Меттерних был в курсе дел профессора из Берлина и имел о нём положительное мнение. В результате, “дело было сразу улажено”» (110).

Впереди будет ещё множество зарубежных поездок героя монографии тандема ивановских интеллектуалов. При этом часто будут возникать подобные ситуации, и в абсолютном большинстве случаев власть имущие ставили столь желанную для Ранке жирную точку.

Отличительные черты второго типа историка, отличающегося высокой мобильностью, — это также «убеждённость в том, что история и архивные исследования неотделимы друг от друга, что история людей — это история документов» (246). На усиление авторитета Ранке в экспертном сообществе объективно работал факт выхода его книги «О заговоре против Венеции в 1618 году. По документам из венецианских архивов». Труд подданного прусского короля отмечен удачным показом значения архивов для исследователей и не менее удачной демонстрацией методики работы в хранилищах.

В.Л. Черноперов и С.М. Усманов в этой связи пишут: «По нашему мнению, время выхода книжки о заговоре против Венеции вполне заслуживает особой даты в календаре. Потому что именно с этого момента начался “архивный переворот” в профессиональной исторической науке» (246). Можно только присоединиться к оценке российских коллег.

Когда указанная книжка Ранке прошла издательский процесс, в обществе сильно чувствовались две вещи: «влияние картезианства, возросший интерес к философской универсальной истории» (246). Всё это никак не повышало значение архивных источников в глазах того сегмента германцев, который совпадал с авторами монографии. Ивановские учёные выявили в книжке Ранке наличие серьезных аргументов в полемике с философами. Последние утверждали, «что факты, выявленные в архивных источниках, могут помочь в воссоздании только истории отдельной местности или страны, но не приблизить к пониманию универсальности развития человечества» (246).

Российские коллеги подробнейшим образом разбирают картину историк — архив, созданную Ранке в процессе написания работы «О заговоре против Венеции в 1618 году. По документам из венецианских архивов».

Базис анализируемой В.Л. Черноперовым и С.М. Усмановым работы Ранке совпадает с исследовательским текстом. Объём данного текста 141 страница. Далее следует приложение на 48 страницах. С 1-й до 97-й страницы подробно анализируются все источники, имеющие отношение к предмету исследования. Сам заговор специально исследуется на 98—141-й страницах.

«В результате на первый план книги выходят не реальные участники событий 1618 года, а сам Ранке, который разбирает нагромождение правдивых и недостоверных фактов, выявляет подложные документы и устраняет преднамеренные или непреднамеренные неточности. “Заговор против Венеции в 1618 году” открывает источниковедческий анализ хроник, брошюр и писем, которые появились после раскрытия заговора. Следуя своему критическому методу, Ранке кропотливо выясняет, когда, где и при каких обстоятельствах появились эти материалы» (248).

В центре источниковедческих изысканий мэтра германской исторической науки оказалась коллекция документов в анонимной рукописи под названием «Краткое изложение заговора против города Венеция» («Sommario della congiura contra la citta di Venetia»). Ранке доказал, что речь идёт о «фальшивке, составленной для выгодной продажи» (248). Учёный подводит читателя к выводу о том, что «производство фальшивых документов было поставлено, говоря современным языком, “на поток”. Причём подделки были достаточно профессиональны. Вплоть до червоточин на старой бумаге» (248).

Сильным ходом Ранке явилось подробное описание Венецианского архива. Здесь удовлетворяется интерес читателей, желающих совершить заочную прогулку по Венеции, поработать в архиве. «Позднее схожее описание Ранке дал архиву Дублина, в котором он работал летом 1865 г. В этом хранилище фон Ранке удалось обнаружить документы по вопросам финансов и собственности» (249).

Приведённые российскими коллегами факты побуждают разобраться в сути ранкеанской визуализации архивных хранилищ, провести грань между этой визуализацией и рядовой туристической экскурсией. В.Л. Черноперов С.М. Усманов весьма убедительны в ответе на поставленный вопрос. Они пишут: «Во-первых, своим рассказом Ранке разрушал барьеры между исследователем и массовым читателем. Во-вторых, визуальными экскурсами великий историк разрушал географические границы. В-третьих, страницы с описанием архивов побуждали к походу в Фрари или архив Дублина для изучения хранящихся там документов. В-четвертых, формы и методы работы, описанные Ранке, напоминали читателю знакомую и потому более-менее понятную научную работу в музеях, лабораториях или “полевых исследованиях”» (250).

Исследователи из ИвГУ подробно разбирают и последующие трактаты Л. Ранке 1830-х годов, в которых содержались дополнительные аргументы в пользу тезиса о базисной роли архивных изысканий в создании исторических открытий и подлинной истории. Ивановские учёные обращаются также к регулярно проводившимся германским профессором семинарским занятиям и подчёркивают, что этот тезис цементировал усилия студентов в ходе источниковедческих штудий. Как видим, по разным каналам посылались сигналы всему гуманитарному сообществу (247). В конечном итоге большинство представителей данного сообщества позитивно восприняло указанный тезис.

Подводя итог, можно утверждать, что В.Л. Черноперов и С.М. Усманов в своей основательной монографии убедительно и аргументированно раскрыли целый ряд профессиональных приемов и методов исторического анализа выдающегося германского историка. Будем надеяться, что знакомство с рецензируемой нами монографией будет побуждать молодых историков к большему усердию в освоении столь непростого, но вместе с тем и очень увлекательного «ремесла историка».

Статья поступила в редакцию 18.06.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 26.09.2022.

The article was submitted 18.06.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 26.09.2022.

Информация об авторе / Information about author

Стрелец Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, свободный исследователь, г. Брест, Республика Беларусь, mstrelez@mail.ru

Strelets Mikhail Vasilyevich — Doctor of Sciences (History), Professor, free researcher, Brest, Republic of Belarus, mstrelez@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;

2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

DOI:

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

НАЗВАНИЕ на английском языке

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]

[Иванов: 35], [Smith: 35]

[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2. URL: http://hylaea.ru/davyd_rez_peret.html (дата обращения: 17.04.2020).

(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age, N.Y.: Columbia University Press, 2011. 272 p.

Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.

The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Фамилия Имя Отчество — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, talen@rambler.ru

TYULENEVA Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, talen@rambler.ru

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

---

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2022. Вып. 4**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т.Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 22.12.2022 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 17,5.

Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 100 экз. Заказ № 155. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

• Серия «Гуманитарные науки»

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год